

Глава 1

Катя

«Сегодня я поймала себя на отвратительной мысли. Черной. Липкой. Оглушающей. Оказывается, во время самого горячего секса можно думать, анализировать и строить планы на завтра».

Мысли Кати блуждали стаей мелких рыбок в теплой прибрежной воде.

«И еще — я думаю фразами. Раньше думалось образами. Слова были не нужны. Важными казались только чувства. И какой напрашивается вывод? Правильно. Я стала занудой».

Катя слышала отдаленный шум воды. Дэн принимал душ. Он дважды в день лез под ледяную воду. В любое время года. Наверное, повышал иммунитет. Или приучал себя к периодическому отсутствию горячей воды. Красивое, натренированное тело. Желанное. Покрытое тату и шрамами. Доставляющее постоянное удовольствие. Но... Это «но» не давало Кате покоя.

«Мне многие завидуют», — вяло убеждала она себя, тщась вернуть то первое ощущение замирания сердца при виде любимого.

Замирания не было. Сердце молчало. Но зато возникали мысли, уверенные и правильные. Надежный, заботливый, умеющий произвести впечатление, состоявшийся как личность. Одним словом, взрослый мужчина. Рядом с которым ей самой приходилось взросльеть, становясь скучной, но правильной почти женой. Вот рядом с Егором она могла быть собой. Тогда, в две тысячи седьмом, самым главным в жизни была любовь. По сути, кроме нее ничего и не было. Зато сколько любви! Море, в котором не страшно утонуть.

Временами Катя замечала отсутствующий взгляд Дэна. Нечасто, но он явно задумывался о чем-то неведомом и тревожном. Уходил в себя так глубоко, что не замечал ничего вокруг.

Катя мало знала о прошлом Дэна. Словно для него не существовало никого и ничего до нее. Одна зияющая черная пустота. Ни воспоминаний детства, ни влюбленностей. Как ни расспрашивай — глухая стена, сквозь которую не пробивалось даже ни капли раздражения, — просто Дэн умел отмалчиваться, как никто другой. Временами Катя фантазировала, как он жил без нее. И в результате сделала ошибочный вывод, решив, что прежде мир Дэна ограничивался работой в тату-салоне и увлечением подвесами.

Но когда он замыкался в себе, ей становилось страшно.

Почему-то вспомнилось, как в детстве, на даче у папиных друзей, Катя вышла ночью посмотреть на звезды и из любопытства заглянула в железную

бочку для сточной дождевой воды. Звезды в ней отражались будь здоров. Но на секунду девочке почудилось, что слишком черная вода манит, тянет ее к себе. Катя протянула руку, чтобы дотронуться до самой яркой звезды, но тут же отпрянула и с диким воплем помчалась в уютный светлый дом. Ей показалось, что из бочки к ней тянется чудовище, чтобы утащить ее в бездну.

Прошлое Дэна — как та страшная бочка.

«Два года. А я так мало о нем знаю. Поначалу было интересно до чесотки, потом стало фиолетово. Особенно после того, как я поняла — Дэн неизменяем. Не хочет говорить — хоть пытай его, он все равно будет молчать. Зато он любит меня. Ведь это главное... Правда?»

На глаза Кате попалась старая футболка Дэна, с кошмарной рожей Менсона. Из категории «положи в буфет, чтоб дети конфеты не тырили». Краска на роже пошла трещинками и местами склокожилась.

«Как твое умение любить, Кити», — подумала Катя. Но тут же разозлилась и сказала вслух сама себе:

— Что за розовые сопли? Я больше не Кити. Я — Катя Китова. Лет сто назад меня бы звали Кики. И я бы дрыгала ногами в кордебалете, соблазняя панталонами сластолюбцев с красными мокрыми губами. Они бы на меня в монокли свои зырили, а я бы вот так...

Она начала прыгать, задирая ноги и придерживая руками пышный подол несуществующего платья.

Из ванной вышел Дэн. Поглядел на Катины взмахи ногами и не соблазнился. Хуже того — замер, побледнел и начал быстро одеваться, собираясь на очередной подвес.

Понимая, что недостатки Дэна только больше раздражают ее, Катя ощутила дуновение — словно ее былая влюбленность, так и не превратившись в более сильное чувство, улетела прямиком в раскрытое окно. Рука сама потянулась к листу бумаги, но добралась только до замызганного блокнота для записей. В итоге нарисовалось чудовище — полубык-полудракон с куском кровоточащего мяса в пасти. К пальцам передних лап подвешены человечки, безвольно болтающиеся в воздухе. Как марионетки.

«Гадость нарисовала», — решила Катя, порвала рисунок и сожгла в пепельнице.

Захотелось переодеться и пройтись по городу. Идти куда глаза глядят, вспоминать Егора. Мучить себя страшными картинами его смерти. Таким образом отдавая дань. Мстя себе за невозможность хоть что-то изменить. А на обратном пути домой вспоминать, как они были счастливы. Но чистого счастья не получалось. Сожаления отравляли душу. А еще ее мучили запахи.

Кто бы мог подумать, что несколько минут рядом с горящим заживо любимым могут изменить обоняние навсегда.

Дэн без вопросов отказался от жареной пищи. Нет, конечно, он ее ел, но не дома и не в присутствии Кати. Которая покрывалась мурашками даже при виде фейерверка.

Пару лет назад, нет, раньше, еще до Дэна, отец пригласил ее на день рождения Малыша. Светка бесновалась на кухне, заканчивая сложные кулинарные битвы. Сочные куски мяса шкворчали на раскаленной сковородке. Катю начал бить озноб. В глазах потемнело, и очнулась она только у распахнутого окна. Папа прижимал ее к себе и гладил по голове, что-то невнятно приговаривая, пытаясь успокоить. Папа все понял. Светка — не очень. Она обиделась. Малыш рыдал. Он не мог взять в толк, отчего его любимая сестра стала белее снега и уходит так скоро. — Я тебя очень. Очень-очень. Я тебя люблю, — призналась Катя Малышу и поняла, что надо бежать, иначе она расплачется от острой боли счастья в груди.

Похожее ощущение у нее появлялось только при виде Егора.

— Как в дешевом сериале, — ворчала Светка, — Обмороки, кома, амнезия, как бы у нее это в привычку не вошло.

Светка не сомневалась, что дрянная девчонка просто привлекает к себе внимание отца.

— Испортила праздник, зараза, — эти слова прозвучали одновременно. Катя произнесла их в метро. Светка — заперлась в туалете.

Праздник, испорченный страшными воспоминаниями. Хоть это было давно, но все подробности технескольких кошмарных минутупрямо жили в памяти Кати. Как и ревность к отцу, любовь к Малышу итоска по Егору.

Часто Катя тосковала и по Рите. Ей не хватало ее — не как любовницы, как друга. Не хватало ее тонкого юмора и метких замечаний. Наверняка бы Рита ревниво перехватывала все заинтересованные взгляды, которые бросали на Катю некоторые прохожие. Замечала бы, но, как всегда, ничего не говорила. Вот, например, тот тип азиатской наружности. Китаец? Слишком высокий. Казах? Слишком модный. Японец? Кто знает. Забавный тип. Он явно спешил по делам, а увидев Катю, резко притормозил и теперь стоял, глядя ей вслед. Так люди провожают глазами улетающих осенних птиц. С тоской и надеждой на их возвращение.

Рита согласилась с расставанием, оговоренным как длительная разлука. Согласилась по единственной причине — так лучше для Кати. Зная, что хуже будет ей самой. Ни звонков, ни сообщений, полный разрыв отношений. С целью их сохранить. Переболеть и встретиться здоровыми.

Катя вскользь замечала в толпе блеклые следы удивительного до абсурда течения эмо. Только в прическах и одежде, и то редкие и едва заметные. Люди одевались как попало. Редко кто выглядел, как человек со вкусом. Еще реже — как убежденный поклонник субкультуры. Изредка попадались панки или готы. Рэперы встречались чаще. Стайками мелькали суевидные хипстеры. Но вот показалась компания девочек лет тринадцати, этих точно волнует вопрос: кто тру, а кто нет. Эмо. Но в две тысячи седьмом таких не водилось — уверенных в себе, без всякой затравленности во взгляде, смотрящих с вызовом. Интересно, а над ними так же измываются в школе и дома? Наверное, нет. По крайней мере, хочется надеяться.

Чтобы не расстраиваться, Катя переключила свое внимание на многочисленных бодрых велосипедистов и любителей роликов. Одновременно она и наблюдала за ними, и была глубоко погружена в роящиеся мысли. Пытаясь отловить самые важные.

Хорошо, что в ее жизни сейчас есть учеба. Учеба спасает. Но почему так замирает сердце при виде незамутненного взгляда ребенка? В каждом видится Малыш. Малыш славный. Лучше всех. Таким может быть только свой, собственный ребенок.

Сморщив нос, Катя поежилась. Дэн холодно отнесся к идее завести ребенка. Сослался на занятость. На свою гребаную мнительность — он якобы не видит себя отцом. Точнее — видит, но только отчасти. Он был уверен, что станет деспотичным папашей, этаким без конца орущим диктатором. Вроде бы шутил, но кто знает? Катя как-то сказала, мол, сын станет нефором и придет к тебе на подвес. Лучше бы не говорила. Дэн просто взбесился, и это было на него совсем не похоже..

Катя заменила ему ребенка. Он опекал ее. В последнее время он обзавелся скверной привычкой ее воспитывать и учить жизни. Даже пытался лезть в учебу, норовя помочь с курсовиками. Не дурак ведь, но и дурак тоже.

«Я стала пустой. Пора что-то предпринять», — решила Катя.

Назавтра, пока Дэна не было дома, она подготовила ему сюрприз, старалась и улыбалась, воображая счастливое изумление Дэна. Новые занавески. Идеальный порядок. Три блюда. Борщ. Рыба с картошкой. И салат. На сладкое — блины. Шесть штук. На большее терпения не хватило.

Дэн вернулся под утро. Надеясь поспать три часа перед работой. Не голодный. Какая-то сволочь успела его накормить. Пришел и задал дурацкий вопрос: «Ты не знаешь, куда я мог подевать свой паспорт?» Час угробили на поиски паспорта. Ну, кто знал, что во время уборки подлый документ свалится под кровать?

— Знаешь, лучше ты тут ничего не трогай, а? Я привык, что вещи лежат на положенных местах. В общем, пусть все будет как раньше.

Как раньше. Как теперь. Так будет вечно. Неизменно. Раб привычек, железный паровоз, уверенный в избранном пути. Довольный всем. И недовольный всеми. Непонятый. Но знающий, как надо. А я несусь за ним — прицепленный вагон, без выбора и цели.

Испугавшись своих странных мыслей, Катя решила вообще перестать думать.

В какой момент произошло осознание простого факта своей пустоты и бесполезности, Катя сказать не могла. Просто внезапно она поняла, что ведет какое-то сомнамбулическое существование. Не имеет ни увлечений, ни умений — ноль. Ощущение никчемности поразило ее сильнее, чем можно было ожидать. Поначалу ей захотелось загнать неприятную мысль куда подальше — что, собственно, такого, многие так живут, — но самолюбие вдруг запротестовало: ну да, живут. Рождаются, получают образование, заводят семью и детей, доживаются до смерти и перед самым эпилогом задаются вопросом — ау, мир, а зачем я тут побывал?

— Вспомнила! Это все Веревка виноват! — спохватилась Катя.

На самом деле Веревку звали совсем иначе, но это не важно. И если быть объективной — жизнь свою он прожил не зря. И сейчас в той далекой деревне, где Катя отдыхала в детстве, Веревка пахал как черт. Содержал многочисленную семью. Систематически пил по-черному до ползучего состояния. Но именно он задал когда-то Кате этот будоражащий вопрос — для чего я в этой жизни сгодился?

Мелкий и веселый — больше ничего о Веревке Катя вспомнить не могла.

Но этот чертов Веревка точно пригодился миру. А вот Катя? Вопрос требовал ответа. Но его не было. А ведь всего семь лет назад жилось просто и счастливо. Почти беззаботно. Главное — понятно.

«Может, мое предназначение — любить? Просто любить и сделать любимого счастливым?»

Почему бы и нет?

Ответ был найден, но легче не стало, а вместо этого сразу захотелось оказаться на могиле Егора. Выговориться. Выплакаться. Сбросить с себя груз накопившихся сомнений. Рассказать Егору свои куцые новости, которы еобладали тенденцией накапливаться и переливаться через край. Дэн пропускал их мимо ушей, поэтому на роль слушателя не годился. Новости непременно нужно рассказывать самому близкому человеку. Сберегать.

Облекать в самые лучшие слова. И рассказывать. Немного привиная и приукрашивая. Смотреть, как он слушает и удивляется. И удивляться вместе с ним.

На следующий день она отправилась на кладбище.

Раньше у входа Катю встречали коты. Штук десять, и все разной масти. Уверенные, что она принесла им еду, и заранее подозревающие, что еды на всех не хватит. Теперь котов не наблюдалось. Остались только бдительные голуби и вороны. Катя не любила ни тех, ни других. Вороны умные, склонные, но им далеко до ворона Риты. А про голубей и говорить нечего — крысы в перьях.

— Ну вот, я пришла. Соскучилась и пришла. Я знаю, ты рад меня видеть...

Близость осени сделала кладбище еще печальнее, чем оно казалось цветастым летом или зимой, когда весь мир тихо спит под снегом. Притворяющиеся жизнерадостными, но на самом деле мертвые от рождения, букетики создавали идиотское ощущение только что прошедшего карнавала. За могилой Егора ухаживали, но уже не так тщательно, как прежде. Делясь своими новостями, Катя выдергивала из земли упрямые листья подорожника и зловредный хвош. Смущаясь от мысли, что пропалывает могилу как грядку. Словно надеясь, что на ней вырастет что-то красивое или полезное. Оглядевшись по сторонам, она задрала футболку и показала Егору его портрет — свежее тату под левой грудью. Не сомневаясь, что он бы его не одобрил, несмотря на очевидноесходство. Портрет по фотке сделал настоящий мастер. Мастер Дэн. Ее любимый Дэн, с которым она спит уже два года и два года бегает тайком от него поплакать на могилу бывшего возлюбленного, с которым даже не успела переспать.

Поплакала.

Поревела навзрыд.

Высморкалась.

Ощущала свое беспроблемное одиночество и поплакала еще.

Голуби поняли, что пропитания им не дождаться, и улетели восвояси, зловредно хлопая крыльями. Остались только двоесамых настырных, да и то из чистого любопытства.

— Ритка меня бросила. Уехала. Даже не сказав, куда. Оставила сообщение — потом, мол, когда все наладится, расскажу. Ага. Как же, расскажет она. Ты помнишь — она рассказывать не умеет совсем. Лаконичная такая. Черт ее подери. Мы ведь решили пока взять тайм-аут. Для общего блага. Ну, ты же понимаешь...

Под ногтями собралась грязь. А с собой не было ничего подходящего, чтобы от нее избавиться. Катя сорвала травинку посуще и начала приводить ногти в порядок. Получалось не очень результативно, зато удалось позабавить голубей, которые с ехидством наблюдали за ее манипуляциями, попеременно склоняя головки набок..

— Ты не помнишь, наверное, Милку? Сестренка моя двоюродная непутевая из Тулы, с которой столько возиться пришлось? В общем, она теперь рок-звезда — ни голоса, ни слуха. Орет и по сцене скачет. Но зато вроде как знаменитость, у нее целая группа — «Горошина принцессы». Игги и его брат-близнец с ней выступают. Оба на тебя похожи... Помнишь, я тебе рассказывала про Игги? Дурацкое имя, наверное, не настоящее. Играют припосованный мелодик-дэт-метал. Близнецы рычат, Милка орет что-то, смахивающее на утяжеленный «Мираж». Адская жуть. И кому это может нравиться? Фанатов при этом толпы. Все соцсети группами поклонников оккупированы. Я на концертах их не была ни разу. Почему-то не приглашают, а напрашиваться неохота...

Сообразив, что разговаривает не с Егором, а сама с собой, Катя как можно точнее представила себелицо Егора и продолжила:

— И Соя этот. Тот самый, ну, ты помнишь. Ищет меня. Наивный какой-то, я бы сама себя вмиг вычислила. А он только один раз со мной столкнулся. И то случайно.

Воображаемый Егор тут же заинтересовался — а с какой целью Соя ищет Катю?

— Ты не поверишь! — громко ответила она, спугнув последних голубей, упрямо выжидавших подачку. — Ему надо, чтобы я третью часть трилогии написала. Так и сказал.

— О чём?

— Не о нас. И не обо мне. Об Эмомире. Типа он реально существует, и там постоянно что-то происходит. Соя верит, что Эмомир есть. Вроде бы старый уже, лет сорок, а такой тупой. Неоромантик хренов! Мне теперь все это неинтересно совсем. Эмомир остался в прошлом. А прошлое ушло. Я его очень ценю, наше прошлое. Люблю его. Люблю тебя. Я всегда буду тебя любить, ты знаешь. Но сейчас возвращаться в то наше время я не хочу. Это глупо и бессмысленно. Для меня тема Эмомира закрыта.

Катя снова заплакала. Тихо и горько.

— Ты была такая смешная, Кити. Была для меня целым маленьким черно-розовым миром. Миром, в котором было целое море любви. Ты была как чудо — когда я видел тебя, всегда боялся, что сердце не выдержит и разорвется, — Катя поняла, что почти кричит вслух, за себя и за Егора.

Слезы катились и высыхали на горячих щеках.

— А он хочет, чтобы я опять писала про всех этих эмо-котов, клоунов, бабочек и прочую подростковую чушь! Он что, совсем не понимает, как мне больно возвращаться туда? Садюга!

Она понизила голос, высказывая все, что думает о Сое и о писателях вообще. Словно подговаривая Егора найти негодяя и разобраться с ним по-мужски.

— Это был мой мир! Мой! Мир! — сорвалась на крик Катя напоследок. Взял себя в руки, погладила камень надгробного памятника и ушла. Она еще не знала, что портрет Егора в этот момент бесследно исчез с ее кожи. Такая уж особенность была у кожи Кати Китовой — она периодически поглощала ее татуировки.

Глава 2

Мытарства писателя

Соя никак не мог услышать кладбищенские вопли Кати, даже если бы захотел. В это время он находился в мокром финском лесу. Не наслаждался природой, а вдыхал чистый хвойный воздух, думая о Кики, которая к Кате никакого отношения не имела. Соя был счастлив, как бывают счастливы творческие люди в процессе рождения истории. В данном случае — сказки. Недавно изданная детская книжка про лошадку, которая поет, изменила его как личность. Нет. Она его просто изменила, и перед писателем открылся мир, полный чистых эмоций и радостного волшебства. Ради которого жить еще как стоило. Оказалось, что написание детской сказки — это такой восторг, который сравним только с первой влюбленностью.

В общем, несложно догадаться, что погружаться в безумный Эмомир Соя категорически не хотел. Но ситуация того требовала. Вернее, не ситуация, а контракт с издательством. Контракт с давно проеденным авансом. А Катя Китова, которая раньше приносила ему рукописи, сделала все, чтобы большес ним не встречаться.

— Беда-беда-огорчение, — пробормотал Соя, понимая, что пора возвращаться в невкусно пахнущий Питер и пытаться отыскать Катю. Другого выхода пока просто не было.

Город благоухал даже хуже, чем ожидалось.

Вооружившись розовой игрушечной лошадкой, типа пони, Соя отправился к родителям Кати. День выдался довольно жаркий, даже душный, отчего финские леса казались безоблачным раем. Лошадка весила немного, несмотря на внушительные размеры. На нее поглядывали в метро.

— Наверное, книжку мою успели прочитать, — решил писатель.

Книжка была с ним. Уже подписанная — «С надеждой на сотрудничество».

— Неправильно подписал, — сокрушался Соя, — Мне не надежда нужна, а уверенность.

Он не догадывался, что пассажиры метро, разглядывающие лошадь, принимают его за типичного «воскресного» папу. Лишь такие покупают огромные мягкие игрушки. Надеясь, что всем сразу станет ясно, что они не скучатся на подарки, пусть даже раз в год.

Дверь открыл Катин папа. И тут же хотел ее захлопнуть. Но Соя проявил завидную сноровку и успел впихнуть голову лошади в проем. Плющить детскую игрушку папа не решился, но зато сстроил однозначно суровое лицо.

— Уберите лошадь, — сдержанно посоветовал папа.

Соя не удержался и выдал цитату из фильма «Служебный роман», мол — сроднился он с ней.

— Ваши проблемы. Но я бы посоветовал вам уйти без скандала. Папа врал — скандалить он не умел, просто не знал, как выдворить наглого писателя, которому приспичило поговорить с его дочерью. Он клятвенно обещал не выдавать ему ее новый адрес.

Неприятную ситуацию спас Малыш. Он сразу полюбил лошадь, потянул ее к себе. Пришлось приоткрыть дверь пошире. И тут же в прихожей возникла Светка. Заметно беременная и еще более заметно злая. Для нее скандал — как вода для рыбы. И повод неплохой выдался, грех не воспользоваться. Она открыла рот и началось.

Соя сдался. Присел на корточки и под вопли Светки сообщил Малышу, что лошадь теперь его, а вот и книжка с картинками. На этом завершился первый этап поисков Кати.

Теперь наступила пора предаваться отчаянию. Которое балансировало на лезвии остального топора. В роли палача — господин издаатель.

— Как же мне ее найти? Я ничего не смогу без нее! — мысли Сои разделились на испуганные и совестливые.

Ему самому не нравился этот Соя, без приглашения пытавшийся вторгнуться в личную жизнь Кати. Категорически. Ну — влип. С кем не бывает? Влип — ищи выход, разруливай ситуацию сам. Он вздохнул. Не про него совет. В данный момент он не видел разумного решения. Лучше сделать все, что возможно в поисках Кати, а вот потом... Что будет потом, предсказать невозможно.

Как сказал бы какой-нибудь мелкий нервный подросток — бесячья ситуация. Бесит все. Совершенно понятно, по какой причине. Хочется забыть про все неприятности и сесть за любимую работу. Писать новую сказку, тем более чтосюжет уже родился и требует развития. Во сне мелькают увлекательные образы. А как сядешь за стол, фразы рождаются вялые, образы тускнеют. И все почему? Да потому что бессовестная Катя не хочет ему немного помочь.

— А если я ее найду, а она снова мне откажет? — и, устыдившись своих страхов, Соя в тот же день отправился в тату-салон.

Добрые языки шепнули, что Катя раньше работала именно там. Значит, найдутся люди, которые могут помочь. Уверенный, что сможет найти общий язык с кем угодно и именно сегодня ему повезет, писатель повеселел и начал подумывать — не взять ли с собой игрушечную лошадку на удачу. Поменьше размером. Брать или не брать, вот в чем вопрос. Обрастил привычкой ходить по городу с лошадью как-то неприятно. Он решил не поддаваться сомнениям, сунул лошадь в карман и вышел из дома. И на первом же перекрестке повстречался с наглым черным котом.

Соя остановился. Левая рука приподняла очки, правая отправилась в карман с лошадью. Взгляды кота и писателя встретились. Кошачий мозг послал сигнал лапам, но те совершенно неожиданно парализовало от ужаса. Метким броском в кота Соя распрошался с лошадью.

— От суеверий исцеления нет, — рассудил он и смело пошел дальше.

Модная шляпа. Клевые очки. И вообще — он весь такой подходящий к атмосфере тату-салона. Хоть бы все получилось!

В салоне Соя сразу столкнулся с Дэном. Два брутальных типа, только на одном татуировок значительно меньше. Двое взрослых мужчин, которым по разным причинам необходима Катя. Которую Дэн на этот раз называл Кити, сам не понимая почему.

— Ничем. Не могу. Помочь. Да что с тобой такое? Вопрос жизни и смерти? — пошутил Дэн.

— Можно сказать и так, — нехотя признался Соя, про себя поражаясь артикуляции Дэна.

Как странно он говорит, выдавая по одному слову за раз. И то шепеляво. Наверное, зубов нет. Или с языком неладно. А может — врожденное что-то?

— Кити больше писать ничего не станет. Ты ее знаешь — раз решила, не отступится. Ты ведь тоже не хочешь браться за продолжение? — почти упрекнул Дэн.

Он был до такой степени прав, что правее некуда. Не хочется, не можется, хоть убей.

— А тату у тебя реальные. Крутой мастер был, — явно завершая беседу, одобрил Дэн.

— Брат, — простонал Соя, — поверь мне на слово, катастрофа полная. Без Кати мне кранты. Если рукописи не будет, меня издатель подвесит за самую чувствительную часть тела.

Услышав про «подвесит» Дэн тут же начал прикидывать, как реально провернуть такой экстремальный подвес. Некстали вспомнил про нацистов, которые практиковали нечто подобное во Франции, вычитав это из истории пыток Китая. Или это были не нацисты, и пытки — не древнекитайские? Чертова память — опять подводит. Привык за один щелчок получать готовую инфу из Интернета и забывать лишнее.

— Так как? — напомнил о себе Соя.

— Да никак. Однозначно никак. Не проси.

Категоричность Дэна не оставляла надежд. Но сдаваться было не в привычках писателя. Он должен был испробовать все средства, чтобы не пожалеть впоследствии.

— Давай начистоту. Я аванс получил. Давно уже. А потом новый текст родился. Сказка. Для детей, — оправдывался Соя, — Аванс тю-тю, новой книги про Эмомир не получилось. Такой вот парадокс — мир есть, а текста нет.

Дэн пожал плечами. Он презирал безответственность в себе и в других. Смутно подозревая, что классное тату делается чуть проще, чем классный текст, для которого одного вдохновения мало. Еще надо невероятное количество раз стукнуть по клавишам. А потом не один раз написанное переделать. С тату проще: придумал рисунок, набил. Не понравилось — свел. Или набил что-то поверху.

— Сочувствую. Но сам пойми, это не мое решение. Я за нее написать только песенку про серого козлика могу. И то налажаю по полной.

Одного взгляда на Дэна было достаточно, чтобы понять, что про козлика в его исполнении слушать не хочется. Во избежание ночных кошмаров — артикуляция Дэна при желании легко могла навести ужас. Не то чтобы Дэн шипел, но лучше бы он шипел, ей-богу. Из лучших соображений Дэн показал Сое свой раздвоенный язык, после чего диалог был закончен.

— Вот беда какая, — мысленно высказался Соя, закрывая за собой дверь.

Погода, как нарочно, испортилась, превратившись в типично питерскую — моросил гнусный дождь, предвещающий пожилым кошкам приступы ревматизма.

— Я пропал, — решил писатель, чувствуя себя десятилетним оболтусом, не сделавшим домашнее задание и с горящими ушами стоящим у доски перед всем классом. С каждым бывало такое — смотришь в неискренние глаза одноклассников, в надежде на подсказку, а они даже не скрывают счастья — ведь это не их сейчас станут распекать и требовать свидания с родителями.

— Зря, зря я понадеялся. Это все кот тот черный беду накликал.

Конечно, кот был невиновен. Поражение было предопределено изначально. Писатели, они такие — догадываются, о чем думают люди, но часто ошибаются. Соя предполагал, что для Кати будет важно завершить историю Кити. Но Катя выросла. Изменилась. Как скальпелем провела черту, удаляющую прошлое. Воспоминания были не в счет.

— Напиться, что ли? — заранее зная, что пить не будет, вздохнул Соя, заходя в квартиру.

Вид у него был плачевный. Он устал от напрасных поисков, от отложенной работы над сказкой, от разочарования, в общем, устал как лошадь после вспаханного поля.

Он лег на кровать и тут же уснул беспокойным сном неврастеничного Винни-Пуха. И провалился в Эмомир.

Глава 3

Геро в Эмомире

Запустениеи разруха. Затхлый запах тлена. Бесчисленный мусор под ногами. Иногда — легкое дуновение морского воздуха откуда-то издалека. Иногда — нестерпимо горячего, словно где-то поблизости притаилась пустыня. Странное сочетание. Но чаще вообще отсутствие всякого запаха. Что не менее странно.

Соя, привыкший к путешествиям и повидавший разные страны, пытался догадаться, куда его занесло.

— Задворки какие-то, — решил он.

Узкие улочки. Невзрачные обшарпанные дома, высотой не больше чем в три этажа, демонстрировали отсутствие всякого архитектурного замысла. Когда-то выкрашенные в разные оттенки розового, с отделкой черным, сейчас все они стали одинаково тусклыми. По немыслимо грязным стеклам окон расползались трещины, заметные невооруженным глазом. Рамы, выщербленные временем и упорством ветра, только добавляли колорита этой мрачной обстановке. А вокруг нитрavinки, вместо газонов — скучная

иссохшая земля. Даже птиц нет. Неслышно было даже жужжания деловитых мух, которых подсознательно ожидаешь увидеть в таком месте.

Писатель приуныл. Заметив краем глаза свое отражение в пыльном стекле, он оторопел. Подошел ближе. Вытер стекло рукавом и в этот момент понял, что видит не свое лицо. Потрясение было настолько мощным, что сознание мигом юркнуло в сумрачный уголок, предоставив телу душу и разумного, кому они принадлежали.

Егор Трушин отряхнул рукав от приставшей пыли, отогнал смутное подозрение, что секунду назад в его голове мелькали посторонние мысли, и бодро пошел дальше.

Песок и мелкий неопознанный сор похрустывали под ногами. Егор не сомневался, что скоро он найдет того, кто сможет ему помочь. Для него все вокруг было естественным и совсем не пугающим. Улицы, перекрестки — все это он уже видел в своем сне, странном долгом и муторном сне после смерти. Сне, в котором он превратился в карикатурного ЭмоБоя. Сне, из которого ушел в небытие, отдав свое иллюзорное существование в обмен на реальную жизнь Кити. Небытие, из которого его вернула татуировка на теле любимой. Его портрет, который ожил и теперь шел по пыльному Эмомиру. Миру, где твои эмоции оживают.

— Как же тебя жизнь не пощадила, — вздохнул Егор, увидев ржавый спортивный автомобиль, вросший в пыльную землю по самые дверцы.

Смесь его удивления и огорчения вызвала еще один, не слишком приличный взглаз.

Из-под ног Егора, оптимистично помахивая полосатым хвостом, выскочила белая крыса в чепчике и прыжками помчалась прочь на кривых задних лапах, словно кенгуру.

— Эй, крысы так не бегают, — укорил ее Егор и весело рассмеялся.

Шесть птиц, похожих на колибри, вспорхнули и вдруг поняли, что не умеют летать. Тяжело приземлившись, они устремились вслед за крысой.

— Надо же — я не разучился смеяться, — обрадовался Егор.

Настроение становилось все лучше и лучше. Почему бы и нет? Ведь скоро он увидит Кити. Абсолютно непонятно почему, но он был уверен в этом. Просто знал, что так будет. Встреча, которая не была им предназначена, невозможная, запретная и оттого еще более желанная, произойдет в мире, придуманном Кити.

— Я живой! И снова такой, как прежде. Молодой, сильный и красивый и ни разу не похожий на страдальца Эгера. Ни челки, ни крыльев, два глаза и сердце на месте. Это офигенно, — радовался Егор.

Он подумал, что раз мир позволяет — надо исхитриться сделать Кити подарок. Цветы — самое то. Вспомнил их первую встречу и нежно произнес ее имя. Как будто только что из цветочного магазина, у него в руках материализовалась роза с длинным стеблем, покрытым шипами. Достойная Кити. Затем Егор вспомнил их первый поцелуй — теперь роз стало две. Одна алая, вторая чайная, и даже с каплями росы, которые не высыхали и не скатывались с упругих лепестков.

Теперь была необходима третья.

Как ему показалось, он выбрал самое подходящее воспоминание. Но получил вялый георгин. Судя по виду, побывавший под колесами грузовика. Егору не нравились георгины. Если честно, он даже не знал название этого тяжелого цветка, принимая его за гигантскую астру.

— Так, не унываем и — оп-ля!

Очередной цветок получился мало похожим на розу. Тощий, невзрачный, одним словом, дрянь, а не цветок. Егор до этого ни разу не видел цветущий столетник, поэтому восхищаться им не стал.

— Это все чувство вины. Из-за Риты. Надо отмотать воспоминания немного назад.

Кити спорит — кактус. Кити мучает его слух музыкой — конский щавель. Вскоре у его ног красовался качественный стог никчемных цветов, пригодных только для кормления животных. Крыса вернулась, поправила завязки на чепчике и принялась угощаться с небывалым аппетитом.

Воспоминания заканчивались, а третья роза не спешила появляться на свет.

— Вот зараза, — Егор нешуточно разозлился.

На этот раз он стал обладателем похоронного букета и низкорослой прожорливой козы с кошачьими глазами, которая без колебаний присоединилась к крысе и теперь чавкала как свинья.

— На, жри, тварь, — сунув прямо в пасть животного вторую розу, Егор зашагал по улочке, пнув по пути бок автомобиля, от которого с грохотом отвалились дверь и бампер. Два эхапомчались по улицам, множась и набирая силу. Вполне вероятно, что они оба встретились где-то на противоположной окраине и еще стараются вернуться обратно.

— Хорошо, — оценил Егор.

Теперь его шансы быть замеченным возросли.

— Кити, теперь все будет иначе. Так, как нам мечталось. Никаких иллюзий и житейской грязи, чистая любовь, ради которой стоит жить и умереть.

Егор вдруг застеснялся своей патетики.

— Мир светел и прекрасен, — сообщил Егор сам себе и улыбнулся.

Всего через два часа онрыдал в углу кривого двора, изо всех сил колотя обшарпанную стену, с которой неровными кусками отваливалась штукатурка. Последняя уже сумела образовать под ногами Егора впечатляющую кучу. Кулак болел и даже кровоточил. Джинсы стали белыми из-за пыли. Кроссовок вообще не было видно. Он, как в детстве, слизал солоноватую кровь с пораненной кожи.

— Упырь, разбей меня гроза. Полижет крови, а потом, глядишь, и бросится на горло. Стучит по стенам словно дятел. И весь в пыли, как мельник. Ну вот, еще ударил, что за прихоть злая. Эй, если будешь продолжать в таком же духе, то совершишь акт самозакопательства, чувак!

Ехидный голос точно принадлежал не Кити, поэтому Егор даже не поднял головы.

— Грызизубами стену или носом бейся, бобра и дятлапомесь с бугаем-балбесом, — голос хихикнул над своей шуткой.

Это хихиканье оказалось последней каплей.

Егор не умел плакать, поэтому шумно всхлипывал и размазывал слезы по лицу. В голове гудела единственная мысль — Кити его больше не любит.

— Болеслава Пруса читал? Нет? А зря — острейший ум. Послушай. Вдумайся.

«Для мужчины любимая женщина — святыня, алтарь... И вот, когда первый встречный авантюрист приближается к этой святыне, как к стулу, и обращается с нею, как со стулом, а святыня чуть ли не в восторге от подобного обращения, тогда... начинаешь подозревать, что алтарь-то и на самом деле — всего только стул».

Поначалу до Егора не полностью дошел смысл высказывания. Алтарь? Кити и есть алтарь. Какой она стул? Но она явно в восторге от Игоря. Кем бы эта сволочь не была.

— Ты прав, Геро. Конечно, Игорь — не авантюрист. Хотя — почти что первый встречный, — сурово уточнил голос, словно прочитав его мысли.

— Она и внешне изменилась. Одежда, взгляд... так она раньше смотрела только на меня, — размышлял Егор вслух.

— Наше Величество изволит нынче пребывать в безбрежной и всепоглощающей любви. Алтарь захочет стулом стать, коль в нем любовь проснется, и стул любой покажется влюбленному в него дороже алтаря! А в прочем все это красивые слова. Ты опоздал, Геро! Смирись. Наплюй! Напрасно бьешься в стену — не пробьешься, — продолжал вешать голос.

Егор решил проверить, как выглядит говорящий, обернулся и понял, что не ошибся.

— Тик-Так!

Клоунцеремонно поклонился, сделав взмах рукой и оттопырив зад, обряженный в полосатые штаны.

— Ну и страшен же ты, — сказал Егор и попытался кивнуть в знак приветствия.

Получилось не очень убедительно. Крошки штукатурки посыпались с волос, попав в глаза и даже в рот.

— Ура, Геро! В Реалебыл Егор, а здесь ты стал Геро! Теперь тебя все звать так будут. Ты не забыл того, кто так тебе мешал трудиться в страстных снах твоей любимой! Прости, но мы спасали мир, — клоун был польщен и кажется, даже искренне.

Егор кивнул старому знакомому по снам.

— Какими здесь судьбами, брат? Нет, подожди, я догадаюсь сам. Неужто госпожа Китова твой портрет на сиське вместо моего набила?

Признаваться, что Тик-Так прав, Егор не стал.

— Ага! Я прав! Создательница Эмомиразапачкала тобой свою божественную грудь, — констатировал клоун. — Так себе, кстати, сиськи, мелковаты, видали мы шикарней буфера.

Заявление прозвучало неуважительно, почти крамольно. Тик-Так поспешил исправить впечатление.

— Она великолепна, наш Создатель. Она — наш идеал. Наш ЭмоБог! Предмет для обожания. Она как чудо, что рассеет мрак безмолвной ночи В общем, она неподражаема во всем. Но, как известно нам, — на вкус и цвет фломастеры все разные бывают, — мечтательно добавил клоун.

Взгляд его маленьких глаз затуманился от приятных воспоминаний.

— Тебе от меня что-то нужно? — прервал его разглагольствования Егор.

Клоун всполошился. Желание выглядеть утешителем едва не превысило другое, более существенное стремление.

— Ну, в общем-то, признаюсь — да, — смутился он и вдруг заорал. — Я приглашу тебя на свадьбу! Ведь мы с тобой по крови братья! По крови Кати, что с тату смешалась! Геро! Я другом был Эгору, Егора первой ипостаси, и значит — буду другом я тебе! И хватит плакать, брат! Ты вроде не похож на эмоплаксу!

От воплей Тик-Така уцелевшая штукатурка полетела на землю лавиной, едва не прибив Егора, который и так был ею засыпан чуть ли не по колено.

— Ты что орешь? Сейчас тут все ваши уроды набегут. Давай, ори погромче, собери всех тут. Пусть поглумятся. Им всеравно тут нефиг больше

делать! Какая еще свадьба, клоун? Ты, что не понял — я жить без Кити не хочу! Мне без ее любви не нужен этот сраный мир!

Выйдя из себя, Егор начал хватать куски штукатурки покрупнее и прицельно кидать в Тик-Така. Тот от неожиданности завизжал и бросился наутек, нелепо размахивая короткими руками.

— Трус! Вернись — я набью твою отвратительную морду!

— Восхитительно, — проорал клоун откуда-то из недосягаемого закутка, — Явился ниоткуда и бузит не хуже, чем сапожник пьяный. Вот взял манеру хулиганить, негодяй. Чуть что — так сразу в морду. А ты спросил бы, может эта отвратительная морда нравится кому? Вот! Надо интересоваться! Такая девушка сочла ее приятной! Круче в Эмомиренет! О, Эллис, крошка Эллис! А ты дерешься, хам! И критику наводишь. И почему? Егонежданно разлюбила Королева Кити. Фигакс! А я-то тут причем?

Егор ругался, нещадно пинал все, что только можно пнуть, рычал и даже матерился. Оконные стекла ссухим треском взрывались, усеивая двор острыми осколками. Разнообразная мелкая нечисть, рожденная его эмоциями, металась в панике. Листы кровли гремели как гром, когда их сдувало словно ураганом.

Потом он устал и сел на скамейку, которая незамедлительно под ним рухнула.

Тик-Так заржал, выглядывая из-за угла.

— Мой трюк украл. Завистливый народ, как что увидит — сразу же сопрет. Но ты прощен — благодаря тебе деликатесов свора, один другого аппетитнее. Как раз к мальчишнику сгодятся. Удачно ты разбушевался, — Тик-Так явился с объемной клеткой, в которой уже копошились, пытаясь выбраться, разнообразные неведомые создания, возникшие по вине Егора.

— Эмоций ярких нынче недород. Все веселятся, а вот вкус не тот. Ну, что ты скучился? Остынь немножко, я номер отработаю — и рассмешу тебя. Мне радости твоей чуть-чуть не помешает. От бурной радости рождаются кондитерские штучки. К столу пригодные. Порадуйся, Геро! Сам погляди — крепленого немало, а на десерт пока что ничего. Не для себя прошу, для дорогих гостей стараюсь. Тру-Пак с Покойником хоть и гвардейцы Ада, а радость бурная для этих упырей услада.

Он наступал с клеткой наперевес — настырный, наглый, бесцеремонный. Продолжая требовать от Егора неведомо какой радости.

— Позволь мне анекдотец рассказать. Про страхового агента. Нет! Про Нюму и колье. Не рассмешит? Как вижу, тебя этим не проймешь. Поверь, я знаю массу анекдотов из Одессы. Нектар. Бальзам души. Какой же выбрать?

Ошалев от словесного натиска, Егор сделал единственно возможное — впервые в жизни побежал от противника. Он несся, задыхаясь и спотыкаясь, но не падая, надеясь оторваться от клоуна — толстого и с виду неповоротливого, к тому же груженого странным зверем. Прямые улицы бесконечно пересекались под прямым углом — пять домов и снова перекресток. Последствия Китиного пристрастия рисовать Эмомир на листах в клетку.

Егор заскочил в первую попавшуюся дверь и согнулся пополам, уперев руки в колени, — чтобы отдохнуться.

— Я понял. Это — Ад. Дерьмовый Эмо-Ад, где вместо Сатаны — веселый клоун, который требует веселья от несчастного, чье сердце только что разбито.

Катастрофа, которая произошла во дворце, сломила Егора. У него почти не было жизненного опыта — жизнь его не была, трудностей он не преодолевал. Он быстро стал сильным. Над ним недолго издевались одноклассники, не били гопники, не оскорбляли взрослые. Ни разу никто не обокрал. Его не бросали любимые. Он не знал, что через какие-то события в жизни правильнее переступить и идти дальше. Поэтому все происходящее с ним теперь он воспринимал с единственной точки зрения — Ад, это мир, в котором Кити его не любит. В подобные моменты каждый отвергнутый нуждается в словах утешения, пусть даже на уровне «все бабы — дуры».

— Любовь. Там, в прежнем твоем мире, в Реале, стихи и песни пишут про любовь, что душу в клочья рвет и заставляет жить... — голос Тик-Така звучал прямо за спиной уставшего Егора.

— Ты не мог бежать так быстро, — прохрипел Егор.

— Бежать? Зачем? Дурак я, что ли — бегать. Грозит мне бег потерей всей солидности фигуры. А я солиден, если ты заметил. Осанист. Величав. Объемен и увесист. Красавец хоть куда. Я прискакал на Гневе.

И правда, клоун сидел верхом на чудище с семью головами, которые жадно принюхивались к Егору. Судя по длинным вожжам слюны, выясняли — стоит ли им пообедать.

— Срань господня, — высказался Егор, произведя на светеще одно зеленое недоразумение, которое было моментально разорвано и сожрано головами чудища.

— Какой ужасный слог! Но в принципе ты прав. И боги испражняются, мы же созданы по образу их и подобию, Геро. Но в данном случае ошибка вышла, ведь я сижу на Гневе. На праведном притом. Прекрасный зверь и друг, он порождение эмоций Кити, в минуты тяжкие, подобные твоим, она его случайно создала. Таких их двое. Еще один у Эллис, моей

невесты. Ты присмотришь — какой окрас, не масть — шедевр, а на клыки взгляни, — Тик-Так ловко оттопырил губу Гнева и обнажил впечатляющего размера зубы.

Остальные головы Гнева зарычали.

— Хорош? Красавец? — не унимался клоун.

Дискутировать Егор не стал. В данный момент его интересовали другие проблемы. Что случилось с ЕГО Кити? Что заставило ее полюбить другого?

Егор не мог допустить мысли, что все так безнадежно. Кити, его Кити, не может его разлюбить. Это до такой степени нереально, как клоун в балете «Лебединое озеро». Чтоб он провалился, фигляр проклятый!

Свежие воспоминания душили, и перед глазами до сих пор стоял огромный черный замок. Он же королевский дворец Кити, явно навеянный готическими фантазиями Ритки. У ворот дежурят два каких-то монстра, с виду вроде бы мужики, а вместо голов — голые желтые черепа. Зверское зрелище. Того, у которого в череп ввинчен железный гребень, кажется Трупаком звали. Когда Егор был здесь Эгором — они дружили, вроде бы. Егора пропускают не сразу. Он топчется с розой в руках. От его мыслей ворота обрастают цветущими лианами. Пахнут нежно. Мелкие пушистые зверюшки разбегаются в разные стороны от его ног. Охранники бессовестно обрывают лианы, ловят зверюшек и кидают в зубастые пасти. Глотают, не жуя. Причмокивая и кряхтя от удовольствия.

Егор ждет Кити. Счастливый. Взволнованный. Нетерпеливый. Восхищенный предвкушением первого свидания — первого в этом мире. Он ищет нужные слова и не находит, мысли путаются, все затмевает восторг близкой встречи.

Лестница ведет наверх, по обеим сторонам от неебарельефы в виде костей и черепов. Прохладно, но не холодно — неопределенno. Шаги звучат громко. Но сердце стучит, заглушая звук шагов.

Кити, маленькая, хрупкая, одетая готической лолитой, стояла посреди огромного зала, отводила глаза, ждала, когда Егор подойдет ближе. Он нес розу в вытянутой руке. Он шел к Кити, как к алтарю. Искренне не понимая, почему она не кидается ему навстречу, не визжит от счастья, почему не виснет у него на шее, и вообще — почему она молчит?

Рука с розой опустилась сама.

Они стояли друг напротив друга. Близко. Можно дотронуться до ее волос. Взять за подбородок. Обнять за плечи. Так много всего можно, но нельзя.

— Егор, привет. Тебя я рада видеть. Но здесь ты не Егор, здесь ты Геро. Ты часть души Егора, образ, что татуировкой стал на теле Кати.

Прости, я тоже не совсем та Кити, которую когда-то ты любил, — равнодушным ровным голосом произнесла Кити.

Мурашки по коже — нет радости в ее голосе. — Да, это я! Зови меня, как хочешь. Я — тот, которого любила ты. Я тот, который для тебя прошел два раза через смерть и сохранил любовь. Я ожил, силою твоей любви спасен! А ты, похоже, мне нерада? Ты что, меня не любишь больше? — у Егора еще оставалась надежда, что все это нелепая шутка.

Вот сейчас Кити посмотрит на него влюбленными сияющими глазами. И он будет сжимать ее крепко-крепко. И не отпустит никогда.

Кити собралась с силами. Поражаясь тому, что внезапное появление Егора взволновало ее совсем не так, как она думала. Поразилась легкому раздражению на уровне «Ну зачем он явился?» и устыдились его, ведь Егор — не только любимый, хоть и в прошлом, он ведь еще и друг. Но почему нет радости от встречи? Нет волнения? Только досада — ну зачем?

— Ты прав. Я больше не люблю тебя, Горо. Прости меня, но я люблю другого. Игоря. Он сын Эгора-Эмбоя, и значит он почти что сын Егора. И в нем все лучшее, что знала я в тебе. Верней в Егоре. Мы жить не можем друг без друга. Я думала, тебя никто не сможет заменить. Он смог. Он делает меня счастливой. Прости.

Оглушенный таким заявлением, Егор не смог ничего сказать в ответ. Он стоял и почти не слушал Кити, пытаясь сконцентрироваться на сути, пропуская фразы мимо ушей и думая только об одном — она его не любит. Она что-то говорит, но что именно — он сейчас не хотел ни понимать, ни слышать.

— Давай попробуем остаться мы друзьями? — затасканная фраза, хуже удара по лицу. Означающая все что угодно, кроме надежды. Егор сам ее произносил много раз, он знал ей цену и не сомневался в ее смысле. Он молчал. Кити продолжила мучительные объяснения:

— Ты не Егор, и я не Катя. Что было, то прошло. Прости. Прекрасным было наше чувство, я сберегу его. Пойми, оно мне важно, но осталось в прошлом.

На видном месте в уголке далеком памяти моей. Но ты не сердишься? Я не хочу, чтоб ты сердился. Я видеть бы тебя хотела иногда. Чтоб знать, что у тебя все хорошо — не более того. На чувства я твои ответить не могу. Ведь я люблю другого. Друзьями можем мы остаться. Это все.

— Друзьями? Ты сама-то понимаешь, что говоришь?

Кити приняла его слова как оскорблени.

— По-твоему, я слабоумная? Я знаю, что сказала. Я люблю другого. Ты в мир ворвался мой, хотя тебя я не звала. Ты дорог мне, как память и как друг, по-дружески с тобой могу общаться, — последние слова она произнесла более мягко. Она хотела быть максимально честной, прекрасно понимая, что причиняет ему боль.

— А если я не хочу по-дружески? А если мне нужна только любовь?

Егор вдруг возненавидел розу, с размаху бросил ее под ноги и раздавил цветок ногой. Кити сморщилась — ей было неприятно.

— Любовь? Прости. Еедля тебя нет. Я пойму, если ты не захочешь даже видеть меня, но в моем маленьком замкнутом мире это будет довольно непросто, — теперь ее голос звучал цинично.

Выходя, Егор толкнул плечом одного из охранников и выругался, произведя на свет мелкую черную жабу.

— Фу, какая редкостная горечь! Лучше бы ты оставил свои обманутые ожидания при себе! — охранник разочарованно выплюнул ее на каменные ступени.

Соя сдернул с себя одеяло и понял, что его трясет озноб, словно у него жар. Даже зубы стучали — отвратительно и довольно громко. Если бы он проснулся иначе — спокойно и постепенно, когда мысли бродят в дремоте, высвечивая образы сна, — то наверняка бы вспомнил всеего подробности. Но пробуждение вышло слишком внезапным. Сон выветрился. В памяти остались две розы. Потом — только одно смутное желание разбить кулаком что-нибудь твердое. Не доверяя своим ощущениям, писатель встал и действительно стукнул кулаком по стене. И, ощущив сильную боль в костяшках пальцев, удивился.

Глава 4

У каждого свой Ад

Тревоги и безрезультатные метания в поисках Кати довели Сою до бессонницы и врача. Благо доктор Колосов был другом писателя с давних пор, наверное, навсегда. Он выслушал его внимательно, посочувствовал, но предупредил, что стресс затяжной и меры принимать надо. Иначе дело будет швах.

— Поверь мне на слово, пока все не так уж плохо. Но если ты не будешь принимать снотворное, то я тебя в больничку упеку. А ты сам понимаешь, что это значит.

В результате таблетки были подобраны самые безвредные. Первую Сою не решался принять два дня, спал урывками, привык к головной боли, но потомнаконец не выдержал и выпил.

Кот, он же бывший Эмо-Кот Ученый, выглядел теперь, как заядлый хипстер, даже обзавелся тоннелем в ухе, в который поместил убедительное чучелко полевой мыши. Без злого умысла он носил шляпу «свиной пирожок», точно такого фасона, как у Сои. А вместо очков — лорнет с неправильными стеклами и перламутровой складной ручкой,по всей видимости,антикварный. Легкое движение лапы, лорнет раскрывается, приятно щелкнув, и вот уже Кот внимательно и пристально смотрит на вас, по сути ничего не видя.

Кот не задавался вопросом что происходит с его зрением и называл его печальной долгорукостью. Поначалу Кити только смеялась над ним,но потом поняла, что писать и читать написанное Кот может, только лишь держа лист на вытянутых лапах.

— Ваше Высочество, — с умным видом заявил Кот, услышав ее разговор с Игорем о Геро, — решу проблему вашуна раз-два. Легко, гуманно и тактично. Наверно,вы забыли мой редкий в дипломатии талант. Я все Геро сумею разъяснить. В вопросах неудачных отношений — король. Простите, Игорь! Сир! Я мигом все уложу! От горечи любовных неудач спасет всех доктор Кот!

Скромно шаркнув ножкой, Кот изобразил почтительность, затмив улыбку чеширского родственника. После чего, пяясь, удалился.

— Тебе действительно не любопытно, что затевает этот паразит? — спросил Игорь.

Его немного смущала реакция Кити на появление Егора-Геро. Не обладая ярким воображением, он все же мог представить, каково это — вернуться к любимой девушке после стольких мытарств и узнать, что он больше не нужен. Но как большинство счастливо влюбленных, Игорь мало сочувствовал неудачнику Геро. И не воловался, потому что не видел в нем соперника. Да и зачем волноваться — мать приучила его к мысли, что Кити после него не сможет полюбить никого. Никогда. А это значитвичность — удобное и успокаивающее предопределение. Взаимная любовь с железной гарантией. Мама ведь волшебница, только вот с категорией у нее было слабовато. Зато дар предвидения и интуиция развиты на грани колдовства.

— Надеюсь, Кот к нему жесток не будет. Когда мы встретились с тобой, нам сразу стало просто и легко. Но ты тогда решила, что это дружба, а

не любовь, — ради справедливости напомнил Игорь. — Быть может, твой Геро смирится и удовольствуется дружбой. Я не буду против.

Кити округлила глаза и фыркнула. Дружбы с Геро не получится. Перебрав все общие темы для разговоров с ним, она поняла, что и говорить-то собственно им будет не о чем. Интересы не совпадали. То, что цементировало их отношения с Егором, теперь с Геро стало невозможным. Наверное, она сглутила. Даже о дружбе не может быть и речи. Если постараться, то получится отвратительный суррогат: «Как дела?» — «Погода сегодня хорошая» — «О, да — она всегда тут хорошая». О чем еще говорить-то? Оставалось только надеяться на дипломатический талант Кота.

— Кот — мудрый гад. Хоть я и не люблю его совсем. Но он полезен Эмомири. Всегда находит выход он из положений сложных. Я думать не хочу — пусть все решает сам, раз взялся. Я лучше буду думать о тебе. А ты о чем задумался, любимый? Надеюсь обо мне и сладких поцелуях?

Катя Китова, услышав подобные слова, взяла бы в руки кувалду и дала любознательной дуре по голове. Она не выносила сюсюканья и пошлости в любви. Но Королева Кити могла позволить себе все что угодно. Застряв в пубертатном возрасте, купаясь в счастье с Игорем, она не замечала изменений в себе. Быть может, их и не было. И потом — что плохого в том, если хочешь удостовериться, что твой возлюбленный ежесекундно о тебе думает?

Кот неспешно семенил по маленькому Эмомири. Если бы тогда в восьмом классе у Кити в тетради были странички побольше, или бы она заранее знала, что ей придется жить в нарисованном мире, она изменила бы масштаб. А так получился не мир, а мирок: город, окруженный морем, замок, он же королевский дворец, и странный Пик Удовольствия, торчащий у берега и смахивающий на острую трехзубую скалу. Одним словом, эмо-островок. Ни лесов, ни полей, ни рек с озерами. Да и город вышел совсем условный. С памятником ЭмоБою на центральной площади в форме звезды, от которой разбегаются луки-улицы, заброшенным кварталом вымерших барбекенов, пустым спальным районом и Кладбищем Несчастных Любовей, подбирающимся к самим воротам дворца.

— Топ-топ, ручки в бок, веселей, малышка, — напевал Кот, учуя запах Егора-Геро.

Тот, как сумел, починил скамейку и теперь сидел на ней, сгорбленный и понурый, что-то бормоча под нос. Клоунуныло шатался поодаль.

— Эгор, моя проекция, совокуплялся с куклой, и у них родился... — Геро передернуло, — сын, пернатый плут, по кличке Игорь. И эта птичка считала своим долгом спасти Реал от плена адских тварей. Был вариант

простой — убить малышку Кити. Тогда бы однозначно не стало ни адских бабочек, пришедших из ее фантазий, ни Эмомира. Нет человека — нет проблемы. И был, конечно, вариант сложнее. Малышку Кити, что для всех закрыла сердце, в себя влюбить идать поцеловать. Чмок-чмок, и мир спасен. После чего малышка Кити должна была опять одна остаться, а Игорь — убраться навсегда свой Эмомир. Но был нюанс один, что если Игорь получит поцелуй от Кити без любви, тогда погибнут оба мира. Я по-любому оказался бы в пролете.

Геро, нервно хихикнув, продолжил беседовать сам с собой.

— Но я, дурак, тем временем все уговаривал, во снах являясь Кити, меня забыть. Забыть, что я отдал ей все — возможность вечно жить и власть над Эмомиром, отдал за счастье нескольких секунд любви, которые ей подарили жизнь, а мне небытие. Так странно. Хотел спасти ее опять. И тут крылатый Игорь вдруг нарисовался. Он сильно рисковал собой и Кити, Эмомиром и Реалом. Я никогда б себе такого не позволил. И если он каким-то боком мой потомок, то в нем в сто крат сильнее сила воли, а наглость — та, наверно, в двести крат! Мотивчик благородный, но уж больно борзый — спасти своей любовью оба мира сразу.

— Оптом, — подтвердил Тик-Так.

— А получилось в розницу, — уточнил Кот.

— Как это? — спросили Геро и клоун одновременно, уставившись на Кота.

— Вот так. Нас не спасли. Реал как прежде — сам по себе, от нас он отделился. Целехонький, насколько для него возможно. А вот у нас лишь только с виду все в порядке. На деле же — проблем, как блох в кошачьей стае. И ты, Геро, гордись — ты первая из них, — соврал Кот.

— Создатель с нами, — отчаянно заорал Тик-Так, — значит, будет все как надо.

— Как надо? Это как? Создатель жизни хочет беззаботной. Для всех. И для себя, — вспомнив о блохах, Кот мучительно сдерживался, чтобы не почесаться. — Для Кити важно лишь одно — чтобы счастливым каждый стал, кто здесь приют нашел для мира и покоя. Но беспроблемный эгоизм пробрался в мир, своим унынием портЯ все святое.

Геро понял, что Кот его в чем-то упрекает. Возможно, даже обвиняет. И клоун почему-то молчит, смущенно и задумчиво. Тогда он решил защищаться.

— Отвянь, чудила с мышью в ухе. Ты ничего не понимаешь. Я буду здесь, я буду рядом с Кити. Я точно знаю — она опомнится, мы снова будем вместе, — но это решительное заявление было встречено без одобрения.

— Я знаю много судеб, но хоть бы раз любовь вернулась в переполненное сердце. Когда оно наполнено любовью, которая успела прорости богатыми побегами сплетений, нет шансов у забытых чувств, — пафосно поведал Кот.

— Попроще-то нельзя? — не выдержал Тик-Так.

— Можно. Если просто — валил бы ты отсюда, друг Геро, — Теперь Кот выглядел предельно честным и даже глаза округлил для убедительности, отчего стал смахивать на волосатого подлеца.

— Ведь ты же любишь? Значит, ей желаешь счастья. Так отвали.

— Уйти? Кудаи как? — Геро опешил.

— Да просто — пожелай уйти — и тут же нет тебя. Ты даже можешь здесь кому-то подарить свою несостоявшуюся жизнь, — объяснил Кот.

— Так запросто? А как же Кити? — Геро недавно мечтал исчезнуть, а теперь был искренне возмущен таким предложением.

— Тупица нереальный. Она не будет против, чтобы ты исчез. Ты облако на чистом небе ее счастья. Спросил бы лучше — куда тогда ты попадешь.

— Да наплевать на это. Я жить без Кити не могу.

Клоун потер нос, словно у него начался насморк, и решил высказаться.

— Привязанность — опасная болезнь. Почти что как занудство. Но с примесью маниакальности, мой друг — авторитетно заявил он.

Спорить не хотелось. Все правильно. Упорство хорошо во многих случаях, но не в этом.

Геро растерялся по-настоящему. Что делать? Он не может жить без Кити. Уже много лет. Любовь становится не меньше, а сильнее.

Уйти? Оставить ее с Игорем? А вдруг... вдруг он ее разлюбит? И нужно будет заботиться о ней, сопереживать. Или она разочаруется в нем? И тогда Геро тут будет очень кстати.

«Либо быть друзьями, либо — никем друг другу!» — сказала ему Кити. А если я не могу ни того, ни другого? Почему бы не исчезнуть, раз Кот уверен, что это так просто? Почему?

Ответ был прост. Это неправильно. Как было неправильно когда-то там, в Реале, не вступиться за доходягу-эмо.

Геро неслишком хорошо помнил, что делал и чувствовал Эгор, когда мстил за убийство Егора в Реале и осваивал Эмомир, но мог сказать с точностью — это был его Ад. Та часть Егора, что была Эгором, оказалась более подготовленной к миру Кити, чем часть по имени Геро. И сам Егор смог только еще раз умереть вместе с Эгором ради нее. Неужели все повторяется? Только в более ужасном варианте? Ад, в который он попал

снова, только в другом обличии, чтобы пройти второй круг? Ад, в котором Кити его не сможет полюбить и с этим придется смириться? Или уйти?

— Мальчик взрослеет на глазах, — суровым голосом констатировал Кот, наблюдая работу мысли на лице Геро.

— Мазохист? — предположил Тик-Так.

— Гораздо хуже. Ум его сейчас построит схему, в которой будет правильным уйти, а сердце строит схему, как оставаться. Как думаешь Тик-Так, кто победит?

Кот понял, что его подсказка насчет ухода Геро не вдохновила.

— Все после смерти мы получим только то, во что поверили при жизни. Наш юноша, похоже, верил в Ад и Рай. Теперь он сложит два и два и...

— Ты прав. Я остаюсь. И буду Кити ждать. Ведь вечность впереди. Чего ж не подождать. И если я в Аду — все справедливо. Придется заплатить за детские грехи. Ведь до других я не дожил, — почти весело сообщил Геро, старательно отгоняя тосклиевые мысли.

— Грехи? Так у тебя их было с гулькин нос. И все не детские совсем. Скорей наоборот. Но так себе грехи, не стоят Ада. Сношался без любви? С кем не бывает. Метался от любимой к нелюбимой — гормоны дикие тобой руководили. Егор, которым ты себя считаешь, был потаскун известный, — но на Ад не нагрешил. Не льсти себе, мой друг, — напомнил Тик-Так.

Покрывшись жарким румянцем, Геро не смог ничего возразить. Он встал со скамейки и принялся ходить кругами. Клоун тут же пристроился за ним, копируя его походку и осанку. Кот с вытаращенными глазами наблюдал, слушал и даже не пытался думать.

Мысленно Егор сложил на чаши весов свои вольные и невольные грехи и заслуги. Получалось равновесие — он не успел сделать много плохого, правда и хорошим похвастать не получалось. Мало жил. Так мало, что хочется снова заплакать. По всем статьям Ад должен быть другим — там принуждение, там заслуженные муки и пытки. Но Ад, из которого ему предлагают свалить по доброй воле? Смешно! И чем он заслужил такое? Жил, любил, умер, — все! Должна же быть где-то быть справедливость?

Геро резко затормозил, и Тик-Так врезался ему в спину. Кот хихикнул.

— Я остаюсь, — заявил Геро. — Я справлюсь. Буду жить иначе. Честно. Правильно. Так, чтобы потом не стало стыдно...

— За бесцельно прожитые годы, — мрачно продолжил за него Тик-Так.

Кот судорожно пытался проанализировать свои чувства, к которым раньше не прислушивался, извлекая из любых ситуаций лишь выгоду для себя. Он давно забыл, что такое сострадание и теперь ему было странно

ощущать жалость, сопереживать. Так странно, что он огорчился. Он даже потерял свой респектабельный вид — усыпуро опустились, хвост, бодро изображавший вопросительный знак, расправился, а рот сложился в скорбную мину.

— Да не переживай ты так, — серьезно посоветовал он Геро. — Все люди таковы. Живут в своем Аду. И покидать его по доброй воле не хотят. Им нравится страдать — привычен стал им Ад, вплоть до того, что часто путают они его с любовью.

Клоун взлохматил свои рыжие патлы, решив укорить Кота в лицемерии, но вдруг сообразил, что тот не лукавит, а по-настоящему существует. Факт, что при любом удобном случае предаст и нагадит, но не теперь. Случилось почти чудо. И Тик-Так умилился. Даже хотел погладить животное, зная наверняка, что Коту это категорически не понравится, и он рассорится с ним на всю жизнь.

— Тебя, наверное, прислали с порученьем? — предположил Тик-Так. — Пришел, чтобы просьбу передать Геро? С намеком, чтобы ушел он навсегда?

Вернув себе присутствие духа, Кот приосанился и, забыв о дипломатии, начал говорить правду. Что было ему несвойственно и даже слегка противно, будто он только что съел маринованную луковицу или понюхал скипидару.

— Да нет. Я напросился сам. Подумал — парень ведь не в курсе, что может бросить этот мир, когда захочет. Но раз он против, надо помогать. Он сам не справится. Ему придется плохо. А Кити — главное, ей часто на глаза не попадаться. Особенно им с Игорем вдвоем — они как попугаи-неразлучники у нас. Вот только Игорь любит часто полетать один. И главное, не ныть при встрече и вести себя как старый добрый друг, — закончил Кот.

Геро не улыбалась такая перспектива. Но что поделать? Он принял решение. Он — мужчина. Он будет мучиться и ждать.

Мятежный предпримчивый дух не давал Коту покоя, он заложил лапы за спину и теперь выглядел как престарелый профессор, читающий лекции студентам. Клоун тайком наблюдал за ним, не сомневаясь, что зреет важное решение, которое может исправить ситуацию. И он не ошибся.

— Придумал. Мы познакомим тебя с девушкой. И она скрасит твои будни, серые и злые, — Кот потер лапы, на которые были напялены рыжие автомобильные перчатки, и заметно повеселел.

Такая чудесная идея — Геро просто необходима подруга. Возраст гиперактивный, гормон хоть фигуральный, но играет обостряет чувства до

предела. Кот вспомнил себя в молодости. Хорош был, каналья. Жаль, что алхимия частенько отвлекала от любовных приключений. Если б не она — слыл бы он знатным кавалером и может даже переплюнул Казанову. Кот оценивающе оглядел Геро. И вдруг понял, что сам никогда не был красивым, только обаятельным. Хотя служанки никогда не жаловались на его ухаживания, короткие и всегда результативные.

— Секс. Без него никак. Особенно, когда успел к нему привыкнуть. От воздержания пока никто не помер, но лучше бы не рисковать, Геро. Тебе нужна разрядка, — вкрадчивым голосом увещевал он юношу.

Конечно же, Кот оказался послан по всем известному короткому адресу. Но не пошел, куда послали, а втайне сговорился с клоуном. Они на пару несколько дней преследовали Геро, уговаривая, убеждая. Надоедая, но не давая свихнуться от одиночества на скамейке, где он обосновался.

Поскольку Геро пытался отвлечься тренировками и бегал, Кот и Тик-Так были вынуждены бегать следом. Так они гуськом добегали до моря, где Геро оставался сидеть на берегу и тосковать, наблюдая череду закатов и рассветов. Заходить в эмо-море ему не хотелось, несмотря на всю его любовь к плаванию. Море казалось ему похожим на спящее, уставшее и очень древнее существо, слегка голодное, но не безмозглое. Которое затаилось в ожидании своего часа. Порой ему казалось, что оно и не затаилось вовсе, а просто прикидывается спящим и потихоньку подбирается к городу. Но проверять свою теорию он не стал. К чему?

Первым сдался клоун и перешел на «оседлый» образ жизни. Он очень быстро понял, что на Гневе прогулки получатся приятнее во всех отношениях. Семиголовый пес порыкивал, недовольный остановками, но к Клоун не давал ему обгонять Геро, а заставлял держаться немного поодаль.

Поначалу Кот тоже прыткими скачками несся за Геро, но как только Тик-Так из бегуна стал наездником, перебрался к нему за спину. Впившись когтями в малиновую куртку клоуна, он орал залихватские песни голосом раненого гусара и даже травил анекдоты, от которых все семь голов Гнева разом краснели.

Но потом тренировки прекратились, Егор счел их тупым времяпровождением и нашел новое развлечение.

— Ты убедишься, клоун, коли секса нет, начнет юнец крушить наш город, — предугадал Кот.

Действительно, Геро принялся бить стекла в домах. Сначала от безысходности. Потом решил, что грохот вылетающих стекол снимает

нервное напряжение. И делает дома лучше — теперь они не казались бутафорскими декорациями, авыглядели как надо — пустыми и никому не нужными.

— Все зло от баб, — сообщил Геро миру и даже написал эту «гениальную» фразу на стене дома.

Около надписи тут же столпились обитатели Эмомира — невысокие и довольно забавные эгровцы, больше похожие на кукол-эмо, и стайка мишек Тедди по главе с Губкой Бобом, который тут же начал вести себя как экскурсовод.

— Настенная информативная живопись, — объяснял он, яростно жестикулируя, — Неважный образец. Но как явление вполне приличный.

— Нам не нравится, — решили медведи, вызывающие посматривая на Егора, — Зло не от женщин. Была одна такая — Маргит, вот это было зло. Но ты же не о ней живописал.

Геро занервничал. Он не ожидал такой бурной реакции на древнюю сексистскую банальность.

— Правильно! Устроим митинг и обсудим, отчего исходит зло. — предложил эгровец с такой длинной челкой, что она опускалась чуть ли не до пояса.

— А после митинга устроим праздник! — забубнили мишки.

— Еще вопрос коротких стрижек нужно обсудить, особенно светловолосых, которые так полюбились гопарям, — сварливо сообщил обладатель черных волос и длинной челки.

— Ну а потом — праздник! — явно не зная, кто такие «гопари», заверещали мишки.

Геро удивился такому повороту событий, но Боб тут же пояснил, что поводы для праздников бывают разные.

— Ты думаешь, так просто каждый день придумывать, какой случится завтра праздник? Но я стараюсь, — скромно потупив огромные глаза, отметил он, — и в летопись вставляю Эмомира. Фиксирую. Нельзя же, право, повторяться? День шестисотого заката, День поцелуеви улыбок, и даже День дырявого носка, поверь мне — та еще проблема, но праздновали воодушевленно и дружно штопали носки на скорость. Мне даже кубок дали — за старанье.

— Мы празднуем дней пять в неделю. Но иногда и чаще, — важно поведал скромный мишко Тедди, стеснительно улыбаясь.

Действительно, ночуя на своей скамейке, Геро почти всегда слышал отдаленный смех и грохот фейерверков, освещавших Эмомир разноцветными

огнями. Они его раздражали до истерики. Нет ничего даже чужого веселья во время депрессии.

Эмомир праздновал с той поры, как Кити заняла трон и сочеталась браком с Игорем. Без праздников было скучно, а всем хотелось радости и других приятных эмоций. В остальное время эголовцы обдумывали свой богатый духовный мир и довольно склоно выясняли отношения. Постоянно кто-то в кого-то влюблялся, страдал, ссорился, кто-то сплетничал и критиковал, кому-то нравилось демонстративное одиночество, кто-то делал вид, что читает толстую книгу.

С книгами было хуже всего — поскольку в Эмомире их не водилось, приходилось придумывать самим. Бралась пачка бумаги, склеивалась, как попало. На первых страницах писатель старательно выводил строки своего дневника. Самые гениальные мысли выделялись красным или подчеркивались. На следующих страницах почерк становился корявым, и расстояние между строчками увеличивалось. Потом следовали листы с одиночными фразами. Дальше книга почему-то не писалась. Но дело было не в этом. Обложка — вот что главное. Качественная обложка скучного цвета с замысловатым названием. Иначе никто не поймет, что перед ним печальный вдумчивый интеллектуал. Правда, встречались книги попроще, в которых всякий желающий мог оставить свое мнение об их владельце. Там попадались и картинки, в основном сердечки, обвитые незатейливым узором. К Геро уже пару раз подходили чудесные эмочки с просьбой — «Напиши мне пожелание, а?» Он отказывался, нотолько потому, что не находил приличных слов.

Геро старательно обходил замок по самым дальним улочкам. Он мучительно хотел увидеть Кити и не менее мучительно боялся этой встречи.

Кот и Тик-Так выжидали, как опытные разведчики в разгар спецоперации по поимке фрица.

— Дождемся мы момента, — вещал Кот, — когда их встреча станет попаданьем в точку.

— Ты, лучше, Кот, закатай свои остроты в бочку, а то они еще тупей тебя, — ворчал клоун.

В Эмомире утро неизменно сменялось вечером, и Геро вяло тупел от безделья и круговорота невеселых мыслей. Праздники он не посещал из гуманных соображений — чтобы не портить своим мрачным видом настроение жителям Эмомира. Оставалось только хмуро болтаться по пыльным улицам. И когда однажды ему повстречалась типичная барбикенка, не такая кукла-карлица, как все эголовцы, а вполне себе похожая на человека, да еще и довольно симпатичная с виду, Геро не отказался от разговора. И без

долгих колебаний согласился заскочить к ней в гости, да так и оставилшись жить в ее чудненьком, уютненьком, ну и просто бесподобном жилище. Он даже не был удивлен этой встречей, хотя прекрасно знал, что все барбикены давно погибли. Кот и Тик-Так удовлетворенно расслабились. Их план удался.

— Я просто обзавелся куклой, — убеждал себя Геро. А почему бы и нет? Кукла? Ну да. Совершенно не похожая на его любимую Кити. Вдобавок она вообще даже не человек. Так — просто сексуальная игрушка, не жадная до любовных утех, но почти безотказная. Значит, он не изменяет своей любимой.

Капризничал барбикенка в постели редко, только когда ей казалось, что Геро слишком долго думает и говорит о Кити. Особенно во время секса с ней или после того, как в гости к Геро приходили Кот и Тик-Так. Естественно, все разговоры у них сводились к двум темам: Кити и свадьба Тик-Така. Еще неизвестно, какая из них бесила барбикенку сильнее.

— У меня голова болит, — отворачивалась она от Геро.

— Хочешь, оторву? — Геро не старался быть вежливым или добрым с сожительницей.

— Да, можешь оторвать, если тебя это возбуждает, — разрешала барбикенка. — Ведь Кити, наша Госпожа, когда-то вырвала глаза у мамы будущего мужа, прекрасной и великой барбикенки Мании. Еще в Реале до создания Эмомира!

В ее голосе звучал трепет. Вырвать глаза — что может быть ужаснее? Она не раз воображала себя на месте куклы Мании. И потом долго плакала по ночам.

— Сомневаюсь, что это ее возбудило, — ворчал Геро.

Барбикенка раздражала не только Геро. Особенно ее манера говорить залпом. Сначала менялось лицо, всем своим видом показывая, — у меня есть что сказать. Глаза округлялись, брови ползли вверх, изгибаясь дугой. Потом она набирала полные легкие воздуха и выдыхала его вместе со словами, как пулеметную очередь. Сплошь заимствованными, но не из книг или умных разговоров.

— Если бы в твоих журналах говорилось, что в этом месяце последний писк моды — прыгнуть с башни замка, ты бы прыгнула? — как-то спросил Геро.

Его подруга задумалась, что было ей не свойственно. Она явно не вспоминала журнальные статьи, а тщательно пыталась думать.

— В журналах с картинками?

— А как же. Только представь — объятая трепетом, таинственная фигура в длинном плаще на краю черной башни...

— А плащ розовый? Или черный? Лучше бы черный. Но на розовой подкладке.

— Хорошо, пусть будет черный. И вот фигура прекрасной девушки....

— Ах, ты считаешь меня прекрасной! А волосы белые? Или черные?

— Белые. И вот фигура раскидывает руки и медленно падает в бездну....

— Тогда надо пояс с бантиком, вот тут — на талии, где спина, чтобы плащ не слетел во время падения. А волосы надо вот так уложить, — она картинно откинула длинные волосы на левое плечо. Потом на правое. Потом назад. Потом растерялась, скрутила их в хвост и явно уже забыла, зачем придумывает прическу.

Геро взбесился:

— Прости, но ты совсем не кажешься прекрасной. Обычная пластмассовая Барби. Таких, как ты, дизайнер ненавидит за банальность. Таких, как ты, трудолюбивые китайцы лепят миллионы. Потом недолго девочки играют ими, потом они пылятся в ящике стола, потом их обнаруживают и...

— А что потом? — с ужасом спросила барбиленка.

— Известно что — помойка. Мусор. Огромные такие горы. А там ются крысы. Голодные, им наплевать, во что вонзятся зубы. И вот они выкапывают куклу...

— Ужас какой! Крысы отгрызут мой красивый носик! — относясь к своему лицу как к главной части тела, барбиленка заплакала, прикрывая его руками.

— Помойка ждет тебя или утиль, — убежденно подтвердил Геро. — На гранулы разложат старый пластик, потом спрессуют их, и неплохая плитка для детских игровых площадок выйдет.

— Лучше уж плитка, — решила барбиленка. — Я буду из нее засматриваться на детей.

— Да ты не парься, — сжался над куклой Геро, — это все в Реале. А в Эмомире будешь с носом ты всегда. И вечно счастлива. Здесь рай для кукол, Ад — для таких, как я.

— Ты такой умный, — обрадовалась кукла.

Она встряхнула волосами и преданно посмотрела на Геро.

— Ты меня любишь?

— Нет.

Зачем множить свои грехи враньем?

Их комната была похожа на картинку из глянцевого журнала. Соседняя — забита именно такими журналами. Третья — шмотками. Когда

все барбикены погибли, их вещи стали никому не нужны и каждый мог брать все, что душа пожелает. Например, целое ведро наимоднейших электрических зубных щеток. Или платья. И туфли. В общем, все лучшее. А потом забрать все остальное и сгрудить в четвертой комнате. Но когда выяснится, что помещение маловато, захватить и соседнюю квартиру. А потом еще одну. И заполнить весь дом чужим имуществом — никогда ведь не знаешь, что может пригодиться.

— Ну, я просто не знаю, что надеть!

Геро тряслась каждый раз, когда барбикенка наряжалась на очередной праздник.

— Сожгу все к чертовой матери, — он бы и правда, поджег дом, но не хотел устраивать пожар в ветхом городе.

Почти все свое время безымянная барбикенка изучала журналы, перекрашивала волосы и смотрелась в зеркало. Егору было лень даже побрить ее наголо, чтобы поглядеть на реакцию. Наверняка и на этот случай в журналах имелись советы, и она их успела заучить. Хуже всего, что даже во время занятия сексом она вела себя так, как учат статьи. Издавала подобающие вздохи и в нужный момент кричала, как чайка, потерявшая кусок булки. Геро грубо входил в покорную куклу, не балуя ее ласками, и старался скорее кончить, не глядя в ее счастливое плоское кукольное лицо с розовыми щеками, маленьким носиком, умильно закатившимися глазами и тихо постанывающим полуоткрытым ртом. Он вел себя, как последний эгоист, сознавая это и зарабатывая дополнительные угрызения совести. После секса Геро откидывался навзничь на постели и сжимал веки, пытаясь забыться. Но барбикенка не давала ему уйти в забытье. Она нежно прижималась к нему и шептала на ухо, тяжело дыша:

— Ты мой единственный! Любимый! Мой настоящий человек. Я так ждала тебя! Мне очень важно, чтобы ты меня сейчас услышал. И знал, что это все не просто секс.

— Для меня — просто секс. Не нравится — уходи, — огрызался Геро.

— Пусть так, я не уйду, — соглашалась барбикенка, — и буду верить, что все равнomenя полюбишь. Ты больше всех похож на человека здесь. Ты мучаешься сам и мучаешь других своей любовью.

— Браво, — думал Геро, — журнал «Браво» или какой-нибудь еще. Откуда в голове у куклы такие мысли? Я полюблю ее? Смешно. Меня в ней раздражает все!

Но вскоре, незаметно для себя, он привык к раздражению, которое вызывала у него кукла; привык к тому, что всегда мог сорваться на нее без ответа и мучиться потом от своей слабости и от того, что вымешивает свою

злостьна еще более слабом и безобидном существе, к тому же безответно любящем его. Он стал нуждаться в ихпостоянных соитиях, страстном шепоте и дополнительном чувстве вины, которые стали блеклым суррогатом его личной жизни в бесконечном и безнадежном ожидании Кити.

По мнению Кота, главное, что Геро теперь не был стекла. Изредка он выбирался на прогулки. Плелся к берегу моря просто по привычке, ни о чем толком не размышляя. Надо же было чем-то себя занять.

— А вдруг эта кукла меня действительно любит? — глядя на подползающие к его ногам волны, думал Геро.— Я так жесток с ней, срываю на ней свою злость и вымешаю боль, как последний гад. Вдруг у нее тоже есть чувства? Она же не виновата, что рождена чужой больной фантазией тупою куклой, покорно раздвигающей передо мною ноги. К тому же я питаюсь ее обидами и ожиданием любви. Я стал подонком в мире Кити, — с отвращением понимал он.

Море, сейчас больше похожее на алый студень, вздымалось волнами, словно поеживаясь от вечерней прохлады.

Забыв о барбикенке, Геро попытался вспомнить, насколько далеко от воды раньше находился вон тот камень? Вроде бы значительно дальше. Вода всхлипнула, оставив на песке мокрый след от очередной волны.

— Девятый вал, — усмехнулся Геро ивспомнил, как в детстве считал волны, уверяя всех, что девятая волна самая сильная и опасная.

Утро писателя Сои не было легким. Мысли метались в панике, как курицы при виде лисы. Образы путались. Голова была набита ими как шариками для пинг-понга.

— Я что-то знаю. Надо записать, — вяло решил Соя и с трудом встал.

Добрался до ванной и посмотрел в зеркало. На секунду он не узнал свое лицо. Вроде бы кот? Но почему с таким огромным носом?

Вода текла из крана, беззвучно скапливаясь на дне раковины. Не сразу уходя в сток, словно изменив свою плотность, она колыхалась, как плохо сваренный кисель и местами даже пускала миниатюрные волны — как будто готовилась устроить потоп в ванной писателя. Как бы странно это ни звучало, вода казалась опасной, но Соя отбросил сомнения и сполоснул лицо. Он почувствовал себя лучше ирешился поглядеться в зеркало еще раз.

— Надо сразу записывать. Уже ничего не помню!

Вечером он снова принял сноторвное. Не потому что боялся бессонницы, просто последовал совету врача.

Глава 5

Глазами клоуна

Тик-Так хлопотал, готовясь к свадьбе. Согласием Геро он заручился, и теперь его беспокоило, как тот поведет себя на мальчишнике. Проблема заключалась в том, что на праздник были приглашены начальники гвардейцев — Тру-Пак и Покойник. А у Геро остались крайне неблагоприятные воспоминания о посещении дворца. В общем, лучше бы их познакомить заранее, чтобы чего плохого не вышло, а то Эллис будет недовольна. А что хуже недовольства Эллис? Только его жуткий нос.

Тик-Так посмотрелся в зеркало, где его объемистая фигура не помещалась целиком, и в который раз перекосился от отвращения.

— Какому идиоту первым в голову пришло так изукрасить свое рыло, чтобы попытаться рассмешить детей? И что за жизнь тогда была, раз этакую харю считать веселья верхом приходилось? А ведь немало кто вам скажет, что в детстве клоунов боялся. Ужасный красный нос и желтые кривые зубы. Штаны не по размеру, как и обувь. Театр, Англия, Срединные века... И почему не белый клоун я, а рыжий? Вот невезение. Эх, лучше б нас оставили тогда на шутовских ролях. Тогда и навсегда — ведь бубенцы куда приятнее, чем красный нос. Звенел бы бубенцами всем на радость, и выдавал язвительные фразы, чтобы не забыли короли, что и они — навоз для матушки-земли.

Тик-Так вдруг подумал, что сказал бы Кот по поводу бубенцов, и жутко разозлился. От обиды все лицо Тик-Така стало таким же красным, как и его нос.

— Буффонные мне шутки по нутру. Но внешность... Интересно, Кити знала, что лучше б меня Августом назвать, как всех подобных клоунов? Уж лучше б я был белым — какое амплуа! А мне положено быть прыгуном, в противном случае подайте мне зверушку — такие клоуны, как я, всегда трудились в паре со зверьком.

Ему виделось, как он кривляется подле виселицы, в толпе дурно пахнущих крестьян, которым что чума, что война — все едино. И в руке у него веревка, к которой привязана тощая визжащая свинья. И каждый норовит пнуть его посильнее. А потом все гогочут.

— Зачем свинья? Ее бы съели в голод. Уж лучше быть медведеводом. Или котом обзавестись, медведю я не доверяю. Кот мне бы больше подошел.

Клоун снова вспомнил о Коте, но понял, что вообще-то он не в цирке, и Кот вряд ли потянет амплуа комика.

— Спешите на представление — наш клоун и дрессированный котик! — голосом циркового зазывалы провопил он.

В зеркале отражение выглядело хуже некуда. Пора бы научиться владеть лицом. Наверное, можно приучить себя ходить с приличной физиомордией.

Он сстроил умное лицо. Лицо серьезное. Лицо радостное. Влюбленное лицо его окончательно доконало.

— Как будто только что погадил, — злобно прошипел он.

Тик-Так долгое время относился к своей внешности, как к очень практичному и удобному вместилищу широкой души и острого ума. Но в тот день, когда он влюбился в Эллис, все переменилось. Ему сто раз говорили, что он урод. И его уродство было правильным. Нелепым. Самое то для дурацких шуток — ведь клоун обязан смешить. Всегда весело смеяться над кем-то, кто некрасивее тебя самого.

— Люди придумали нам внешность, как у макаки. Которая есть карикатура на человека. А я — карикатура на самого уродского клоуна на свете.

Он схватился своими короткими руками за обширный зад:

— Две откормленные свиньи!

Вцепился в нос:

— Свекла!

Ощупал тело. Поглядел на ноги. Уставился в зеркало.

— И глазки поросячьи. Ну что ж, я понял. Я — свинья, которой вмазали по пятаку свеклой.

Рыдая, он думал об Эллис. Бесподобной, отважной, великолепной Эллис, красивее которой нет ни в одном мире, ни в другом.

— И как она моей супругой согласилась стать? Ужаснее меня на свете нет урода. Как сердце рвется от несправедливости такой! Атлетом я мог быть прекрасным, с точеным профилем мыслителя, с огромными глазами, что взглядом душу бередят. Где правильность лица? Где выразительность улыбки? Где подбородок волевой? О боги, потеряю я рассудок.

Вдруг слезы высохли — ведь крошка Эллис сказала ему «да». Не сразу, но все-таки сказала именно это волшебное слово.

— Мир мой. Уж коли Эллис меня любит — плевать на нос и толстый зад. Я сделаю ее счастливой. Я был ей другом, братом, вместе бились мы в сраженьях жарких. Она мне цену знает, и цена та высока. Я горд от выбора ее. Я — лучший. И буду лучше с каждым днем, что проведем мы вместе.

Набравшись самоуважения, Тик-Так воспрянул духом.

Оставалось уговорить Тру-Пака и Покойника добровольно прогуляться по городу и найти Геро. Но к гвардейцам клоун отправился не с пустыми руками.

— Вот угощениеОтборное. Бодрит с душою тело! Для вас старался, — не скучился на рекламу клоун.

— И откуда же такое богатство? — делая мощный глоток ядерного напитка, поинтересовался Тру-Пак.

— Эмоции Геро. Когда он стекла бил, когда у моря думал, и тосковал, и сатанел. Я по натуре кулинар отменный, рецепт мне Кот наш подсказал по страшному секрету. Берешь в пропорциях эмоций по пучку и все в котел. И долго их мешаешь. Пока не заструится пар затейливыми завитками.

— Отменный вкус. Небось, к мальчишнику приберегал? — догадался Покойник.

— Ну да. Осталось познакомить вас с поставщиком изысканных деликатесов, — намекнул клоун.

— Что ж, Тик, поскольку нам доверена охрана не только замка, но и Эмомира, пришла пора опять взглянуть на отщепенца, — решил Тру-Пак.

Хвалясь знанием подведомственной территории, гвардейцы шагали по Эмомиру. Но Геро словно сквозь землю провалился.

— Его там нет. Как нет и тут. Пропал, как в воду канул, — Тру-Пак смачно сплюнул.

— Да вроде скрыться негде здесь, — клоун огорченно вздохнул — его затея оказалась на грани провала.

— Быть может, он пошел знакомиться на Пик? — предположил Покойник, намекая на Манию, которая когда-то любила Эгора.

— На площади в разгаре праздник, но я смотрел внимательно и барбикенки Геро тоже не увидел, — вспомнил Тру-Пак.

— Зато я в курсе дели знаю, где они, — Кот возник рядом с ними бесшумно и внезапно. По его хитрой морде блуждала ухмылка.

Гвардейцы последовали за Котом. Тик-Так нетерпеливо забегал вперед, снова отставал, невежливо толкаясь и спотыкаясь на ровном месте. Кот предводительствовал важно, сегодня он был в зеленом суконном пиджаке и синих шортах с золотыми лампасами. Он явно считал себя неотразимым и постоянно шарил в карманах, словно у него там было нечто ценное, — просто он забыл свой лорнет.

На берегу городского пляжа, где слышен шепотволн и запах моря носится в воздухе, Геро и барбикенка занимались весьма странным делом. По сути, странному же было то, что они вообще заняты делом.

— Руками рыть песок? Мои пропали ноготки! Они все грязные и три уже сломались, — рыдала барбикенка, прилежно роя песок.

— Лопаты нет. С инвентарем тут все печально. Но ты обязана копать, — убеждал ее Геро.

Он и сам копал куском фанеры, стоя по пояс в яме приличных размеров, рядом с которой лежала груда странных предметов телесного цвета.

— Что, блин, за сюрный натюрморт? — удивился Тру-Пак. — Вдали «Предчувствие войны» Дали, или собака здесь зарыта его товарища Магритта? Что значит сейплевок в Дельво?

Покойник тут же съел его эмоцию, воплощенную в виде бугристого кабачка.

— Сто лет не наслаждался твоими чахлыми эмоциями, — заметил он. — Ты ко всему еще знаток сюрреализма, брат! Удачно ты болваном притворялся! Вот если бы еще понять, что ты сказал.

Егор пристально оглядел гвардейцев, вновь пораженный их внешним видом. Татуированный череп Покойника и увенчанный стальными шипамихэд Тру-Пака вызывали неосознанную зависть.

Кот рысцой подбежал к Геро и выхватил из непонятной груды что-то, отвратительное на вид.

— Однако. Вот половина головы — девичей. Глаз моргает. А вот рука. Мужская. А вот и зад, чей — не определить. Ребята, это что — конструктор? Останки набери и барбикена собери? — предположил он.

— Догадлив ты. Но чем трепаться, лучше бы помог, — укорил его Геро.

Гвардейцы топтались поодаль, не привычные к радостям копания ям. Им было проще разрубить коня на две половины, чем рыть землю.

— Я рассказала прошлое мое, как жили мы на грани счастья. Был мир для нас хороший. Королева Маргит давала нам все то, что захотим.

Барбикенка выпрямилась, бросив рыть песок, и с удовольствием принялась вештать о прошлой беззаботной жизни. Егор не обращал на нее внимания и продолжал копать.

— Ну да, я помню. Пиписьки выпросили вы, чтобы трахаться, как люди, — ведь сексуальность в тренд тогда попала. И барахло, чтобы выпендреж устроить модный, хотели быть похожими на тех людей из глянцевых журналов, — напомнил Кот с нескрываемым презрением.

— Не смей их осуждать. Ты, брат, хоть и кастрат, а без пиписьки загрустил бы точно, — расхохотался клоун. — К тому же модник хренов, не хуже барбикенов.

Барбикенка недовольно выждала, пока все внимание вернется к ее персоне, отряхнула руки от песка и протараторила:

— Я жду от вас всех поздравлений. Сегодня день особенный сверхмеры. Как мы закончим рыть — дадут мне имя, и перестану быть я манекеном. Ведь безымянные они как горсть тумана, лишь злого прозвища достойные — ну, как не странно?

Покойник и Тру-Пак похлопали в ладоши. Но неискренне.

— А как же вы друг к другу обращались, — без особого интереса, спросил Геро.

— О, это просто. Чика, браза, пипл. Чувак на красном мериине. Я классная. Ты просто супер. Крутой типок. Отстой. Малая. Мало ли как. Конечно, барбикены с именами тоже были, но это — исключение из правил.

— Ты бы лучше завершила рассказ про эту груду, — потребовал клоун.

Барбикенка, польщенная вниманием, откашлялась, набрала в грудь воздуха побольше и выпалила:

— Нас много было. В один злосчастный день мы все взорвались. А я одна осталась. И тучи бабочек из наших тел помчались в мир реальный.

— Принцип размножения бешеного огурца, читал об этом в школе, — Геро вытер вспотевшее лицо.

Барбикенка продолжила:

— Что делали они там — я не знаю. Но я цела, жива. И все по той причине, что не было во мне личинок. Себя блюла и червяка сомненья в себя я не впускала никогда. Ждала я своего Геро и дождалась.

— Личинки, — мечтательно пробормотал Тру-Пак, — Я помню их — зловредные создания. Но пользы много оказалось в них. Сначала было неприятно ищекотно — сожрали плоть мою, местами. Одна забралась в ухо, потом пробралась в мозги выела его...

— Недаром наблюдаю я в тебе приметы слабоумья, — раскатисто рассмеялся Покойник.

Стоило ему это произнести, Тру-Пак взвыл от восторга и наперегонки с Тик-Таком кинулся ловить плешихих белок с длинными носами, рожденных сарказмом Покойника.

— Геро, мой господин и повелитель, — барбикенка посмотрела на него, надеясь увидеть польщенную улыбку, но не дождалась, — он мне сказал, что мерзко это — так тела оставить...

— Реально, что за хрень, ребята? Покойников же надо хоронить, — Геро понял, что сказал что-то и добавил: — Конечно, тех, кто уже умер.

Мысли окончательно запутались. Геро понимал, что не только он сам покойник, новдобавок еще и парочка присутствующих давным-давно отбросила коньки.

— Короче, нечего телам валяться тут и там. У вас же не чума. Живые мертвых хоронить должны. Такое правило для всех миров годится.

Барбикенка по его знаку начала сбрасывать руки-ноги и прочие части тел в яму. Ударяясь друг об друга и шмякаясь в яму, они издавали донельзя неприятный звук.

Тру-Пак и Покойник посовещались и начали помогать. Вырыли несколько ям в рекордный срок. Кот игнорировал их приглашение и даже отговаривал Тик-Така, но тот счел нужным работать вместе со всеми.

Вскоре на горках из песка выселились кривые кресты, сооруженные из досок, заранее принесенных Геро из города. Тру-Пак подумал и нацепил на кресты по клоку волос, потерянных мертвыми барбикенами. Слабый ветер, внезапно появившийся словно из любопытства, лениво шевелил прядями.

— А вот рука с неважным маникюром, вы чуть не затоптали — я нашла, — и барбикенка воодрузила когда-то бывшую чьей-то руку на одну из могил.

— Хорошая работа. Впечатляет. Но слово полагается прощальное сказать, — Кот потер лапы, он успел сочинить приличествующую мероприятию речь.

— Ну, вот и все. А имя тебе будет Нюша, — Геро уверенно зашагал прочь от импровизированного кладбища.

— Что? Нюша? Он смеется? Такой, как я, и дать такое имя? Давайте мне другое. Не менее красивое, чем я. Анжела. Лиз. Снежана. Кракозябра...

— Что? — хором переспросили все.

— Ну, так меня Геро назвал однажды.

— О, боги, — Кот высморкался, скрывая идиотический смешок.

— Геро! Я не хочу быть Нюшой! — убивалась барбикенка.

Но все уже удалялись вслед за Геро, и Нюша, чуть всплакнув, побежала за ними. Оставаться рядом с могилами у нее не было ни малейшего желания.

Под действием собственной силы тяжести рука барбикена покачнулась и словно помахала им вслед

— Как славно! Я предполагал, что труд сближает. И вот, мне кажется, вы подружились. Я так рад. На свадьбе сядете поближеи будете кричать нам «Горько-горько!». И Эллис будет целовать меня... — вслух предавался мечтам Тик-Так.

— А у нее получится? И то мой череп лобызать удобней. Тебе, мой друг, для поцелуев придется ампутировать свой нос. Иль он привязан на

невидимой резинке? Дай посмотреть, — Тру-Пак схватил клоуна за нос и потянул.

— Ты что творишь! Мне больно!

Тик-Так прикрыл нос руками, над которыми зло засверкали его маленькие глаза.

— Не слушай никого, — Геро дал ему совет. — Когда-то у меня была подружка — нос, как паровоз. Шучу. Большой такой, орлиный и с горбинкой.

Клоун с надеждой прислушивался к словам Геро, потирая неимовернораскрасневшийся нос.

— И что?

— Мы целовались до распухших губ. Тут, главное, нисколько не смущаться и положение удобное найти. Она хорошая была. Жаль, имени не помню. А, может, даже и не знал.

— И все-таки ты бабник был при жизни, — констатировал Кот

— Пусть так. Он ждал любви, и он ее нашел. И у него был выбор. Мне повезло — я кроме Эллис никого не видел. Как слепой был, — тихо поведал клоун.

— Красивых много баб. А есть еще такие, с какимикажешься себе красивым сам. Умеют и слова хорошие сказать, и смотрят так влюбленно, что поневоле хочется... — заявил Тру-Пак.

— Тик-Таку тоже хочется. Ждет не дождется свадьбы. Малышка Эллис давногорит от нетерпенья, — Покойник грубо похлопал клоуна по плечу.

Тот улыбался глупой улыбкой счастливчика.

Внезапно навстречу им показались Кити и Игорь. Для их прогулки был хороший повод — намечалась полная луна, при которой влюбленные просто обязаны вздыхать и нежничать.

На мгновение Геро словно впал в ступор, но быстро сделал над собой усилие и с каменным лицом зашагал им навстречу — так что этой его внутренней борьбы никто не заметил.

— Привет, — Кити в эпатажном наряде невесты-хулиганки держала Игоря за руку.

— Приветствуем тебя, Высочество ты наше, — высказался клоун.

— Неуважительность я слышу в каждом слове, — набычился Игорь.

— Не надо ссор. Такой чудесный вечер! Летать хочу. Возьми меня на небо, милый — потребовала Кити.

В слове «возьми» Геро уловил двойной смысл. И понял, как давно мечтает врезать Игорютак, чтобы кровь брызнула. Но не при Кити. Нет, нельзя. Несмотря ни на что, он не хотел огорчать ее.

Игорь заметил настроение Геро, подхватил Кити одной рукой за талию, и они взмыли ввысь. Геро впервые видел их полет и был потрясен гораздо сильнее, чем ожидал.

— Невысоко парит. К плохой погоде, — мстительно съязвил он.

— Переживаешь? — с пониманием спросил Покойник.

Врать не было никакого резона.

— Очень. Могло быть хуже, например, когда б на одном курсе мы учились, и я был вынужден их видеть каждый день.

— Слабое утешение, — Покойник никогда не учился, но суть уловил.

— Зато она счастлива, — сам себе напомнил Геро.

— Но не с тобой, бедняга. Как мне жаль тебя. Я б обезумел, если б Эллис другого полюбила. Я б сразу умер. Это как понять, что больше в жизни ничего хорошего не будет. Как рыбу вынуть из воды и требовать парящего полета, как птицу закопать под землю и требовать быть червяком счастливым. Так для меня лишиться Эллис, — лицо клоуна выражало беспредельный ужас.

— Без воли Кати, нашей Госпожи в Реале, тут умереть нельзя, — нечаянно проболтался Кот.

— Всем нам? — ошеломленно переспросил клоун.

Мысленно ругая себя последними словами за болтливость, Кот вдруг подумал — почему бы не побыть искренним?

— Нет, это правило не всех касается. Геро и я, гвардейцы — тут другое. Мы — гости в Эмомире. Ты тоже не совсем умрешь. Догадываешься, чем ты станешь? Правильно — вернешься на родное место и будешь снова ты татуировкой. Мне думается, Эллис та же участь ожидает. У каждого из нас своя судьба. А вот сам мир зависит в полной мере от подсознанья ЭмоБога.

— Жуть полная. Безрадостная доля, и Катя в роли мира палача, — после встречи с Кити Геро вдруг захотелось говорить гадости. — А что тогда во власти нашей Кити?

— Ну, скажем так, она тут Королева. Правит миром. Такой нюанс.

— Управляет? — уточнил Геро.

— Ну да, она тут власть. Она здесь может все менять и чудеса творить народу на потеху. Но энтропию не остановить ей. Все думают, что Эмомир от Королевы Кити полностью зависит. Полнейший бред — на третью, не более. Так заблуждается порой почти что каждый, считая, что своей судьбою управляет.

Покойник и Тру-Пак внимательно прислушивались к каждому слову Кота.

— Мир наш в руках Китовой Кати из Реала. Хорош расклад. И если вся ее любовь к Егору сгинет, значит Эмомир умрет? — проницательно предположил Тру-Пак.

— Да что вы привязались? Я что — пророк? — Кот решил, что и так сказал слишком много и бессовестно удрал.

— За это надо выпить, — решил Покойник и повел друзей в замок.

Тем временем Нюша до последней минуты бродила вокруг, надеясь на приглашение. Но в ее сторону даже никто не посмотрел.

— Ну и пожалуйста, не больно и хотелось. И ногти сломаны. И мой наряд не тот. И имя — ни о чем. Ах, я так страдаю, — и она, вскинув голову, отправилась домой читать, как правильно страдать и делать маникюр.

Попойка затянулась. Тик-Так радовался от души — Геро запросто подружился со стражниками, и все веселились. Если можно так выразиться. Веселье отдавало тоской Геро о Кити. Ему сочувствовали. Но разговоры крутились не только вокруг прошлого, но и настоящего.

— Море наступает. Вы не заметили? И странное оно какое-то, друзья — заплатающимся языком сообщил Геро, тщетно пытаясь сфокусировать взгляд на одном из трех клоунов.

— Да, брат. Стихия наступает, правда это. Но всем плевать. Высочество не хочет замечать забвенья Море, — согласился Покойник.

— Море забвения? Что может быть банальней и страшнее! И мир погибнуть может от него? — не унимался Егор.

— Ну да. Поверь мне — шансов выжить нет, — «успокоил» его Тру-Пак и смачно опрокинул в глотку очередной стакан.

Подушка валялась на полу. Одеяло тоже. Соя подтянул его к себе и укрылся с головой. Так он поступал в детстве, когда не хотел идти в школу. Зачем-то потрогал макушку — к счастью, она была покрыта его собственными волосами, а не шипами.

— И то хорошо. Железо нужно в других местах. И вообще — как я стал бы носить шляпу?

Образ Тру-Пака мелькнул перед глазами.

— Море. Они все боятся моря, — внезапно вспомнил он. — Боятся, но делают вид, что им не страшно.

Рассчитывая и в следующую ночь собрать полезную информацию, он проводил день в ожидании сна. Нервничающий, осунувшийся, но не потерявший надежду написать книгу.

Глава 6

Эмомир, как он есть

С каждый днем климат менялся. Теперь между бесконечными закатами и рассветами начал появляться солнечный луч. Первым его увидел любознательный мишка Тедди, чуть ли не самый потрепанный, тот, что с плохо пришитым ухом. Он кричал одновременно от страха и от восторга, кричал на площади у дворца, где когда-то было Кладбище Несчастных Любовей. Кричал, пока не охрип. Пока первый солнечный луч не нырнул за горизонт. И именно тогда всенаконец прибежали поглядеть, почему он так истошно орет.

Тогда ему никто не поверил.

Но вскоре все убедились — солнце есть, и уходить никуда не собирается. И придется решить, что с этим новшеством делать. Естественно, в первую очередь был устроен праздник шестого солнечного луча. И только потом все затосковали по прежним сумеркам.

Кити, на правах полновластной Королевы, порекомендовала своим подданным гулять по городу и днем. Совет Королевы все сочли жестоким приказом — солнце мало кому нравилось. К тому же обитатели Эмомира сошлись во мнении, что днем они выглядят как-то иначе. Геро был полностью согласен с таким мнением. Не дети, но и не взрослые — нечто среднее идовольно комичное с виду. О том, что они — эмо, кричало буквально все в их внешности. В привычном полумраке они казались гораздо симпатичнее.

— Немыслимо. Кити такая талантливая — и не смогла придумать ничего оригинальнее? — ужасался Геро.

Он прекрасно помнил время накануне своей смерти в Реале. Тогда эмочки выглядели очень даже симпатичными инемного одинаковыми из-за причесок и подведенных глаз. Геро под страхом гильотины не признался бы Кити, что пирсингу них в носу часто казался ему козявками, в бровях — бородавками, синие волосы напоминали о кретинке Мальвине, а целые связки пластмассовых черепушек, которые они носили на шее и запястьях, не казались ему украшениями. Бог мой, мало ли что ему тогда казалось? Они были трогательными и милыми, и почти все — искренними. Ну а чего стоили перлы типа «Сама дура жирная» или «Педовка гребаная — на себя посмотри!», а эти пальцы, сложенные сердечками? Черт подери, ну кто поверит, что сейчас эмочку запросто можно перепутать с парнем. Точнее — наоборот. Няша. Ужас какой, ну и слово. Его Кити была няшкой, милашкой, тру, суперской, очаровашкой. Или все таки позеркой?

Нахлынувшие воспоминания превратились в ком в горле.

Одно утешало, она никогда не выкладывала свои фото в Сеть в надежде на лайки и восторженные комменты. И никогда не критиковала других в Инсте. Ей нравился мир таким, каков он есть. И она была счастлива, когда он стал еще лучше — после появления Егора. Она ценила все, что с ними происходит. Насыщалась каждым мгновением. Но не уставала общаться с другими эмо, постоянно посещая концерты любимых групп. Он не слишком понимал, почему ей необходим такой вид театра, в котором музыканты и слушатели должны быть равноправными участниками спектакля. Сложно сказать, за кем было интереснее наблюдать.

Ему хотелось критиковать Кити до тех пор, пока он не разочаруется в ней.

Как он мог влюбиться в нее? Не благодаря, а вопреки всякой логике. Что и говорить — на первый взгляд Кити была совсем не в его вкусе. Помнится, ему тогда нравились совсем другие девушки — этакие длинноволосые, тихие, изящные лани, которые таяли при одном его взгляде и мечтали как можно скорее очутиться с ним в постели. А потом появилась Рита, совсем иная, но бесподобная во всех отношениях.

Или он ошибается?

Когда Рита впервые пригласила его к себе, он был ошеломлен. Вот уж кто точно — Королева. Королева Ритуал. Безупречная красота. Обалденный секс. Еще пара недель встреч с Ритой, и он бы не смог без нее жить. Ну зачем она решила познакомить его со своей лучше подругой? Наверное, это был самый опрометчивый поступок в ее жизни. Роковой поступок и для него, и для Кати Китовой.

Он бродил по такому непривычному в дневном свете городу и пытался анализировать прошлое.

Среди жителей Эмомира тут и там мелькал потасканный Губка Боб, вечный предводитель мишек Тедди. Приветливо кивал Геро и тут же несся по своим неотложным делам.

При свете солнца незамысловатый скелет города выступил наружу. Как и нелепость его обитателей. Но солнце повлияло и на характер эгровцев — некоторые вели себя вызывающе и откровенно хамили Геро.

— Егора ипостась, по имени Геро? Ха-ха! Подделка. Фейк. Геро, похожий на несчастного Пьеро? Кривое отражение Великого Эгера. Герони разу не герой, а только тень героя, — крикнул ему в след эморист неопознанного пола.

— Обличили — обтекай, — прокомментировал его слова неведомо откуда возникший Тик-Так.

— Мы — все эголовцы — почитатели Героя-Эмбоя. Который спас наш мир. Который Кити так любил, что умер за нее...

— Да! И за нас, — вставил потрепанный мишка Тедди, шастая вдоль стены.

Он ковылял, переваливаясь с одной лапы на другую, — туда и обратно, с трудом поворачивая в конце дома. Казалось, что ему оторвали ноги, а потом пришили, как сумели. Впрочем, и левое ухо держалось на честном слове, грозя вот-вот сделать своего хозяина корноухим.

— Знаешь, Тик, боюсь, что я не продержусь тут долго, — пожаловался клоуну Геро, забыв про псевдошекспировский слог, официально принятый в Эмомире для общения. — Буду терпеть сколько могу, а потом попрошу Кити меня убить. Думаю, она столкнет меня со стены замка из сострадания. А Игорек будет при этом насвистывать свои любимые мелодии. Свистун хренов. А еще эти его лицемерные глаза... Они же разные!

— Ну да, один левый, а другой правый, — усмехнулся клоун, прекрасно понимая, что Геро говорит о другом.

Глаза Игоря были разного цвета, и Кити каждый раз удивлялась этому, как чуду.

— Он во всем двуличный, — не унимался Геро, понимая, что не прав. — У него голос, как у меня. Он укралего! Но я хотя бы не дистрофик! Кити никогда не нравились скелеты, на которых даже футболка висит, как на вешалке! Ну, скажи мне — ведь я же лучше? Нет, не лучше. Я прошлогодняя новогодняя елка, которую забыли на балконе. Даже хуже...

Тик-Так не смог найти слова утешения.

— Каждую минуту, даже во сне, я думаю о ней и о нас. Такой несправедливости не может быть на свете. Знаешь, как я понял, что полюбил ее? Тебе это покажется странным. Конечно, она мне сразу понравилась, но внешность дело десятое. Я тогда вдруг подумал, что меня переполняет желание делиться с ней всеми своими мыслями. Такое сумасшедшее ощущение... Нет, все-таки как это несправедливо — была любовь, и вся вышла.

— Испарилась от жара другой любви, — уточнил клоун, уверенный в том, что его подобная несправедливость не коснется никогда. И он всегда будет делиться с ней... Геро как-то правильно об этом сказал... Ах, да — всеми своими мыслями.

Хотя Эллис и была к нему благосклонна, она немного скучала без битв. Но Тик-Так мудро отвлек ее от скуки новой задумкой, которую ему посоветовал Геро. Каждый день они устраивали соревнования: например, кто быстрее доберется от замка до моря на Гневах. Кити одобрила новую затею и

каждый раз вручала победителю приятный приз. Тик-Таку приходилось непросто — он знал, что Эллис тяжело переживает поражения. И специально проигрывал один из каждого из трех заездов, о чем признался Геро.

— Не придумывай. Да с чего бы ей проигрывать? Она — прирожденная наездница и боец, — упорствовал Геро.

— Ты лживый клеветник! Ты — зеркало кривое, в котором истина скучожена в клубок уставших змей. Как мог сказать ты про меня такое? Она — боец, но я еще бойчее. Когда б ты видел меня в деле! Как черт я дрался! Снопами падали враги к моим ногам.

— Ты про бабочек? Уж лучше бы придумал огнемет, и все дела. Немного пепла и победа ваша.

Про огнемет клоун тоже думал, но после битвы. Огонь его пугал — он знал, как умер Егор. Поэтому промолчал.

— Тик-Так, а почему ты так уверен, что Эллис выбрала тебя из-за большой любви, а не из-за отсутствия альтернативы? Из кого тут выбирать? Эгровцы, карикатуры на позеров, — они совсем ей не подходят. Гвардейцы? Вполне себе нормальные ребята, но целоваться с вечно оскаленным черепом? — Геро передернуло от отвращения.

Клоун опять предпочел не отвечать. Пусть злопыхает. Пусть выговорится — дело неплохое. Пусть говорит, пока язык до дыр сотрет. Может, легче станет.

— Я вот все думаю, за что я нравился девчонкам? Влюблялись штабелями. И каждая твердила, что я целуюсь лучше всех, ну и, конечно, остальное... А как теперь поймешь — вдруг, врали? Прикидывались все. Стонали сладко. А если это все была игра? — Геро обеими руками взъерошил шевелюру.

— Зачем? — искренне удивился Тик-Так.

— Ну, чтобы я от них в восторгебыл, — это весьма туманное объяснение повисло в воздухе.

Действительно, как угадать, насколько честен кто-то? По глазам? По слову? Или по поступкам? Но если этот кто-то захочет понравиться — ему будет несложно обмануть тебя.

— Ты посмотри на тему эту тонкую со стороны иной. Ведь Кити выбрала тебя тогда, — начал утешать приятеля клоун и тут же умолк.

— Вот тут ты не прав на все сто. Она меня не выбирала. Ну да, она влюблялась пару раз. Но близости-то не было ни разу. Я первый, которому она доверила себя. Вернее собиралась. Какое тут сравнение? Где выбор? Вот Рита — та действительно могла сравнить, но выбор ее в пользу Кити пал. А Игорь, тут другое дело. Со мной его сравнила Кити и решила, что лучше он.

Хоть я любовью занимался с ней только во снах, а наяву не довелось. Реальность победила сны. Хотя какая тут реальность, сюрный бред, — Геро горько усмехнулся.

— Несешь ты ерунду. Любовь не выбор. Коль нет ее — так нет, а есть — тогда не надо объяснений, — утверждал клоун.

— Поцелуй, — тихо бормотал Геро. — С них все начинается. Но вкусы разные у всех. Мне кто-то объяснял, не помню кто, мол, надо языком орудовать умело, тогда и поцелуй получится такой, что ни одна не сможет устоять. Но помню точно, что некоторые млели от восторга, а вот другие что-то не тянулись повторить... но все равно потом мне говорили, что я хороший. А был ли я хороший? Теперь я сомневаюсь. Мы все живем в иллюзиях, теперь я в это верю. Нам кажется, что знаем мы так много о себе!

— А лучше бы спросить, поговорить об этом, быть чутким к каждому движению и не бояться быть смешным. Тогда б сейчас не мучился вопросом глупым, за что тебя любили бабы, с которыми ты спал, и почему ты любишь ту с которой у тебя так ничего и не случилось — решительно заявил клоун.

Егор судорожно пытался вспомнить тех, с кем был близок, и кого не полюбил. Цвет волос и имена, запахи, голоса, какие-то особые привычки и главное — каким он с ними был? Наверное, всегда одним и тем же. Без лишней траты времени и денег, понравилась — позвал в постель. Наверное, он нравился им тоже. Но в чем причина? Нюша говорит, черт подери ее журналы, что девушки довольно часто партнера выбирают с дальним прицелом. Самый простой из которых — ах, как клево будет показать этого парня подругам — обзавидуются. Хуже, если у тебя есть деньги. Еще хуже — родители с деньгами. А если просто ей замуж хочется? Или ее не долюбили в детстве, и ей хочется стать для кого-то дороже всех на свете? Как понять? А с виду просто — понравились друг другу и в постель, там буря страсти, и снова «Ты был лучше всех», «Мне никогда ни с кем не было так хорошо», «Я позову» и прочие шаблоны.

Егор продолжал думать о своем, выдавая вслух обрывки мыслей.

— Скучаю не по Кити, не по ней страдаю. Скучаю я по настоящей Кате. Я ведь даже не знаю, как она живет, какая она теперь, — одновременно Геро машинально присматривал за мишкой, который словно членок в ткацком станке ковылял от одного угла дома до другого. Иногда он просто косолапил, а иногда переходил на лунную походку.

В какой-то момент Геро обратил внимание на Кота, который спрятался за углом дома и явно что-то затевал.

Кот дождался, когда мишка Тедди добрался до его угла и внезапно заорал.

Мишка рухнул как подкошенный. Эгоровцы завопили от возмущения.

— Бодрит! — радостно заметил Кот, потряхивая колбой, жидкость в которой сменила белый цвет на лиловый.

— Он издох? — спросил Тик-Так, оглядывая поверженного мишку.

— Да нет, сомлел немного. Он в коме, что так часто косит Катю. Удобно, да? Чуть что — фигак, и ты в больничной койке, без памяти и с новой жизнью впереди. Пардон, хамлю и сквернословлю, вот настроение такое — так хочется помаяться мне дурью, — Кот причмокнул, рассматривая жидкость.

Услышав его слова о Кате, Геро вспылил и замахнулся. Кот ловко отпрыгнул на безопасное расстояние и снова принялся трясти жидкость в колбе.

— Любуйтесь все — шедевр скромнейшего таланта всех веков — меня. Если в ударе я, то просто гений. Кого бы угостить? Достойного такого, — Кот огляделся. — Таких тут нет. Отдам-ка Игорю, для матери его, она ценитель тонкий. Не то, что всякие плебеи...

Мишка с трудом поднялся, но Кот легонько толкнул его лапой в лоб и тот снова упал.

— Как я силен, медведя лапой с ног сбиваю, — насмешливо сообщил Кот.

— Дрянное существо, ехидны грязной порожденье! Булыжник в мостовой, и тот чувствительней тебя, — возмущался Тик-Так.

Кот лишь польщенно захихикал и напоследок выдал:

— Да, кстати говоря, сказать хотел, на всякий случай... Катя, она устроилась неплохо. С каким-то жутким бородатым мужиком. Не любит. Но живет. Вот и поймите женщин. И раз наш Эмомир еще живой, хоть и на ладан дышит, пока еще в ее душе есть место для Егора...

— Она меня до сих пор любит? — дрожащим голосом спросил Геро.

— Ну да, тебя. Того тебя. Слегка. На дне души скопился жалкий тот осадок любви прошедшей. В спрессованном и сжатом состоянии. Заныканый в кармашек сердца. Так сложно все. Ну — я пошел. Вы не скучайте.

Напоследок, без особого энтузиазма пуганув мишку Тедди, Кот помахал всем задней лапой и ушел к гвардейцам, на которых проверял все свои новые рецепты. Даже если напиток оказывался не того качества, то кроме водопадной рвоты с ними ничего не случалось.

Геро вдумался в слова Кота. Ему показалось, что в них много потаенных смыслов. Он перестал замечать все вокруг и думал только об одном. Увидеть Катю — вот что ему нужно.

Нет.

Зачем?

Снова встречаться во сне? Секс-марафон и ничего больше.

Нет — больше. Выговориться. Она поймет. Она подскажет, как найти ключик к сердцу Кити.

Или объяснит, что такого ключика нет в принципе.

Черт! Это ведь нечестно — попросить помочь у Кати в таком деле. Как в «Дне Сурка» — выведать тайны для завоевания. Но ведь в фильме сработало.

Но это нечестно.

Даже подловато.

Душу грело чувство благодарности — там, где-то далеко, в реальном мире, его любят. Почти чужая теперь девушка, которая живет с каким-то мерзким типом.

Геро добрел до скамейки, которая окончательно развалилась, но он даже не подумал ее чинить. Просто соорудил настил из обломков досок. На нем можно сидеть, когда хочется побывать одному. Думать о Кате и Кити.

— Наверное, он заботится о ней. Это хорошо. Обижать он ее не может. Я знаю Катю, она бы и минуты не прожила с таким.

Геро проводил глазами начало праздничной процессии. Эгоровцы шлепали по улице, размахивая искусственными цветами. За неимением живой растительности они навострились мастерить цветы из бумаги, проволоки и обрезков ткани. В дело шло все яркое и блестящее, даже бусы и стекла. Геро пришла в голову мысль, что шествие напоминает организованный переход кладбища.

— Благодушие на грани маразма, — подумал он.

Эгоровцы недружным хором затянули бодренькую песню. В руки просился кирпич, чтобы прекратить это счастливое безобразие.

Тик-Так сидел поодаль, на обломках обрушившейся стены, и болтал ногами, как Шалтай-Болтай.

— Значит, Кити только думает, что Эмомир полностью принадлежит ей? А вдруг беда нагрянет? Спасти его она не сможет? — спросил его Геро.

— Сможет. Так ей казаться будет. Но только до тех пор, пока в душе у Кати еще живет Егор, — на полном серьезе уточнил клоун. — Спасения от Кити ты не жди. Она и мир наш — как подростки, что в смятении от обилия эмоций. Подростком не был я, но знаю, как сложно жить им в возрасте таком. Вокруг враги, а ты в борьбе и упоении ломаешь все, что дорого тебе — а потом рыдаешь. Не грусти, Геро. Беда нагрянет — будем воевать. Не противя войны. У нас есть опыт, бой вести умеем. Не кисни! Немного

обучения — и ты отличный воин! Я научу тебя коронному удару. Нишурт и Рогэ, наши злобные враги, от одного лишь вида моего тряслись!

— Кто бы сомневался, — двусмысленно заметил Геро.

— Обидеть хочешь? Зря. Пойдем — я свой двуручный меч недавно заточил. Учись, пока я жив. А вдруг и пригодится? Мы прозвище придумаем тебе. К примеру, Отважная секира... или Людоруб!

— Тогда уж лучше — неумеха, — усмехнулся Геро, но идея потренироваться ему пришла по душе.

За тренировочными боями Геро немного отвлекся от мучительных мыслей. Приходя домой, он видел, как Нюша с вдумчивым видом листает журналы. Замечал ее взволнованный взгляд, но она не сказала ни слова упрека. Только безуспешно попыталась «привести его ужасные руки в порядок». И была послана далеко и надолго. После этого плакала, смотрелась в зеркало — видела обезображенное слезами лицо и пряталась. Чаще всего в шкаф или под кровать.

Геро не получал удовольствия от ссор. Он в глубине души жалел свою сожительницу. Просто говорил только то, что думает и чувствует. А потом еще больше жалел Нюшу. И очень боялся, что его жалость перерастает в привязанность. Злился на себя, ругался с Нюшой и опять ее жалел.

Дни ползли медленно, как черепахи. Тик-Так ходил чрезвычайно довольный — ему казалось, что будущее прекрасно, а настоящее наполнено полезными делами. Ему нравилась роль тренера Геро. Эллис его постоянно хвалила — она любила смотреть, как он обучает Геро обороне и изредка критиковавшего за недостаточно быстрые атакующие выпады и удары. Так здорово было после каждой тренировки сидеть с ней в гвардейском зале и спорить, вспоминать сражения и строить планы на будущее.

Море, равнодушное и мало кому интересное, пузырилось алыми искрами, отражая перезрелый закат. На его берегу чаще всех бывала Нюша. Собирала округлые камешки, предпочитая всем остальным белые, и складывала их в орнаменты из сердечек на песке около могил. Она часто замечала на фоне неба фигуру Игоря, который летал к матери на Пик Удовольствия.

Со стороны они выглядели ровесниками. Обоим не дашь больше двадцати. Безглазая полуголая кукла Мания и ее крылатый сын.

— Здравствуй, мама, — Игорь высыпал на пол разнообразные подарки, на первый взгляд выглядевшие, как обыкновенный мусор.

— Спасибо. Я рада тебя видеть счастливым. Что ж, лети домой, мой сын. А мне пора заняться делом, — до появления Игоря Мания гадала, но как только он явился, бросила карты на стол.

Разбирать и сортировать изношенные и поломанные вещи было ее любимым занятием.

Игорь с нежностью поглядел на свою нестареющую маму, любовно поглаживающую чай-то рваный свитер.

После того, как он улетит, она бережно отнесет каждую вещицу в нужную кладовку и сложит в ей одной понятном порядке.

Особенно она ценила разбитую посуду. И еще — обувь. Кладовок в Пике Наслаждения было много, никто кроме Мании не знал их точного числа. Обувь хранилась в подземной пещере, аккуратно расставленная по самодельным полкам. Больше половины — кеды.

Эмомир жил налаженной, скучной, бестолковой жизнью, планомерно разрушался и ветшал. Клоун оказался прав — он напоминал подростка, который занят целый день, но вечером не может вспомнить ни одного завершенного полезного дела. Зато ему интересно жить.

Праздники несколько скрашивали серость будней и отвлекали внимание от проблем.

Пожалуй, первой всерьез забеспокоилась Эллис. Прогуливая на рассвете своего Гнева, она обнаружила Нюшу, которая растерянно смотрела на свои сердечки из камешков и никак не могла понять — что с ними не так.

— Они были такие белые. Ровные. Округлые. А сердечки вот такие, — Нюша сложила пальцы рук, соорудив сердце. — Я ведь очень аккуратная. Правда! А теперь они неправильные.

Эллис, как и большинство, недолюбливала барбикенку, но спрыгнула с недовольного остановкой Гнева и присмотрелась. Ну, белые. Ну, камни. Ну, выложены узором. Вроде бы ничего оригинального.

— Кто-то их передвинул. И каждое сердечко разделил напополам. Разбитые сердца — довольно символично, — догадалась Эллис.

— Быть может, море? — понимая нелепость предположения, решилась сказать Нюша.

— Нет. Однозначно.

Обе девушки чувствовали что-то недобро. Одна — хрупкая, но сильная, похожая на хулиганистого мальчишку. Вторая — типичное Гламурное кисо. Очень разные, но в данный момент похожие выражением лиц.

— Мне проще думать, что сама ты их сломала, — призналась Эллис. — Если это не ты, нас скоро ждет беда.

Стояла качественная тишина. До звона в ушах.

Не сговариваясь, девушки посмотрели на море, которое странно вспучивалось, словно собираясь лопнуть. Тусклое солнце отражалось в нем багровым плевком, создавая на волнах кровавые отсветы.

— Оно что — дышит? — шепотом спросила Нюша.

Эллис рассмеялась.

— С чего бы вдруг? Хотя...

Стараясь быть и выглядеть отважной, она вдруг поняла, что тоже понизила голос.

Судя по виду Нюши, она не доверяла большим водным пространствам.

— Я видела вчера, — продолжая шептать, торопливо рассказала она, — как мишка Тедди, обычный с виду, но с большим и рваным ухом, потрогал море лапой...

Нюша умолкла, словно была не в силах справиться с волнением.

— И что? — тоже перейдя на шепот, спросила Эллис.

— Он лапу намочил и начал ей трясти. Летели брызги. А потом зашел он в воду, лег на нее, как на кровать, и мордой вверх лежал. Потом вода его, как губку, напитала, и он стал едва виден. Торчали только носик и живот.

— И что же дальше?

— Вода его не приняла. А выбраться не получалось — он стал тяжелый. И я его на берег затащила.

Эллис не знала, смеяться ей или ругаться. Но она прониклась ощущением опасности. Больше всего по той причине, что барбикенка обычно не могла так долго поддерживать диалог.

— И где теперь этот по жизни штопанный медведь?

— Не знаю. Был вон там. Он сох. Я на него садилась, а потом перевернула. Чтобы вода стекала лучше. Хотела я его отжать, как полотенце, но это как-то жестко, да? А только я нашла еще один хороший камень на могилку, гляжу, а нет его. Лишь мокрое пятно темнеет на песке.

— Какая-то история гнилая, — Эллис задумчиво погладила крайнюю левую морду Гнева между глаз. Ему это нравилось, он даже прищурился от удовольствия. Но остальные головы остались недовольны, итихи зарычали.

— Он что-нибудь сказал? — спросила она.

— Да нет. Молчал. Наверное, стеснялся своего поступка. Быть может, он ушел? Но я не видела следов от лап. Медведи не летают?

— Я поняла, — нахмурившись сказала Эллис. — Похоже, он себя пытался в жертву принести.

— Зачем?

— Чтоб всех спасти.

— Спасти? А от чего?

— Забудь. Я просто так предположила.

— Он морю жертву приносил, чтоб всех спасти от моря, что камни двигает мои, — обрадовалась своей сообразительности Нюша.

Но ее уже никто не слушал. Эллис мчалась на Гневе, думая, стоит ли рассказать обо всем Тик-Таку. Конечно, стоит. Он умный, он поймет.

Заново сложив сердечки, как следует, Нюша с удовольствием оглядела свое произведение. Если Геро вздумается снова прийти к кладбищу — он увидит их и все поймет. Осталось только установить вертикально руку, которая все время норовила свалиться плашмя на могилу. Нюша втайне называла ее «перстом судьбы».

Обхватив руку покрепче, Нюша начала ввинчивать локоть в песок. И замерла от ужаса.

Новый шипящий звук был ей незнаком. Но он был. Прямо за ее спиной — там, где море. Порог страха у Нюши был, как у трехлетнего ребенка, иза секунду она оледенела от ужаса. Но тут же возникло жгучее любопытство — новое чувство для барбикенки. А что, если оглянуться и посмотреть, что там? В душе пискнул страх, но любопытство пересилило. Голова начала медленно поворачиваться, кося глазами.

— Ой!

В следующий момент «перст судьбы» был отнят, и Нюша получила им по лицу. Удар был такой силы, что она мигом потеряла свое кукольное сознание.

— Она вышла из моря. Вся белая. В пене. Хотя вроде бы и черная. Хвать за «перст», и как вмажет мне по носу. Погляди — он теперь кривой, да? — жаловалась она Геро дома.

Геро слушал и поражался. В Эмомире случилось нечто необыкновенное. Нюша перестала выражаться журнальным языкоми даже на время забыла вымученный слог сошедшего с ума Шекспира, которым все пытались изъясняться в Эмомире. А то, что она силилась описать, больше всего напоминало явление Венеры в лучших традициях — море, пена... Однако скропалительное рукоприкладство явно не было атрибутом нежной богини любви. Поверить в то, что Нюша фантазирует, не представлялось возможным. Она не умела ни врать, ни привирать.

— До этого произошла история с медведем, — Нюша рассказала Геро про корноухого Тедди. — А до этого... в общем, еще кое-что...

— Тебя Кот ничем не угощал? — на всякий случай поинтересовался Геро. — А как эта Венера выглядела? Голая? Рыжая? Белокожая?

Это походило на локальный триумф. Нюша понимала — все внимание Геро сейчас принадлежит только ей одной.

— Нет. Я мало ее рассмотрела. Знаешь ли — трудно быть внимательной, когда тебя вот так конечностью по лицу. Искры из глаз. Я даже чуть-чуть не описалась. Но дура эта драчливая точно была не голая и не рыжая. Она высокая, почти как ты. Волосы прямые, черные. Как антрацит. Но мода на этот оттенок прошла еще в прошлом сезоне...

Нюша отсчитывала модные сезоны по тому, какой журнал она читала вчера и сегодня. Вчерашний считался устаревшим.

— А еще на ней было такое эффектное платье. Черное. Узкое тут и широкое там. Длинное...

Триумф закончился — Геро наспех оделся и убежал. Он рыскал по городу, но никого похожего на Венеру не нашел. Он даже подключил Кота и Тик-Така к поискам. Клоун с энтузиазмом ринулся на помощь — он был уверен, что Эллис тоже предчувствует что-то малоприятное, и искал подтверждение ее интуиции.

— Встревожили ее слова твоей неумной Нюши. Разволновалась Эллис от рассказов. Волненье ей помеха, пусть думает о важном, о другом. Невесте не о странном мишке думать надо, а о наряде, что так скоро ей положено надеть. Ты знаешь, в этот миг моя невеста советуется с Королевой Кити. Они наряд для Эллис обсуждают. Ведь Эллис — воин, для нее наряды не слишком приятное занятие. Я слышал краем уха — вырез, юбка в пол, какие-то принты... и ничего не понял.

— Обращайтесь к Нюше. Она и мозг вам вынесет изрядно, и выдумает что-нибудь нарядное, — резонно предложил Геро.

Запыхавшийся Кот отчитался по результатам поисков. Венеру он не видел. И вообще — дел у него по горло, не до девок, хоть бы и богинь.

— Любители мифологем! Венеру подавай им. Размечтались. Богиня тут одна — Создатель наш. Привиделось кому-то что-то, а может, солнце напекло мозги. Венера. Ха! А я, блин, Аполлон. Местами Бельведерский.

На этом спорном утверждении Кот смылся.

Он решил развлечься. Устроился в одной из башен замка, разложил вокруг себя бумажные кульки, в которые насыпал сухих белил. Сноровисто наливал в кулек воду и метал на площадь. Пакеты падали, взрываясь. Белые брызги летели как салют, оседая на всех, кто оказался поблизости.

— А как визжат! Подпрыгивают лиxo! Вон тот танцует краковяк. А этот — джигу. Чудесно как!

Последний пакет шлепнулся под ноги Тру-Паку. Тот витиевато выругался, поглядел вверх, пытаясь определить, из какого окна вылетали снаряды. Кот спрятался. Он умирал от смеха, сам не зная, почему ему так весело.

— Теперь они устроят праздник под названием стирка, потом затянут песни, спляшут. Какой я умница — всем я доставил радость.

Пока длились поиски таинственной Венеры в черном, Кити согласилась принять помочь Нюши. И теперь они вдвоем к большому неудовольствию Игоря упражнялись в дизайне свадебного платья. Нет, ему нравилась вся эта предсвадебная кутерьма. Но она лишний раз напоминала о прискорбном факте — у них с Кити настоящей свадьбы не было.

— Это, по меньшей мере, странно, Кити. Ведь ты же отказалась от мещанской свадьбы.

Кити вспомнила, как Мания сопротивлялась простому оглашению брака, но в итоге вышла на балкон замка и сообщила собравшимся подданным, что Создатель и ее сын теперь муж и жена.

Нюша слушала молча. Конечно, она мечтала о свадьбе. С Геро. Но смутно подозревала, что такого чуда с ней не произойдет. И настоящая скорбь начала перерастать в ненависть. Ну почему все вокруг выходят замуж, а ей это счастье не дано?

Тем временем Кити продолжила спорить с Игорем.

— Все к лучшему, любимый. Я ненавижу фарс, прости. Я просто бы описалась от смеха, когда б увидела епископа-Кота. Ведь он на эту метил роль? — вспоминала она.

— Твой смех услышать были бы все рады, Кити, — серьезно возразил Игорь.

Вместо ответа Кити, зарывшись в лоскуты ткани, принялась агрессивно щелкать ножницами. Прилежные эгровцы разного пола старательно сшивали выкроенное. Поблизости высился манекен из мишек Тедди, которые сцепились в подобие фигуры Эллис. Нюша рисовала эскизы. Но Кити уже решила, каким будет платье. Понимая, что теперь всем не до нее, Нюша ушла домой — шить свой шедевр.

Наутро прошла двойная примерка. Планировалось нарядить невесту в платья Кити и Нюши. Эллис разбушевалась, забыв про этикет.

— Здесь нет огородов! И птиц тоже нет! Кого мне отпугивать тут? — ругалась она на платье Кити. — Тик-Так впадет в расстройство. Забавный он, но у него прекрасный вкус. Я в таком виде на глаза ему не покажусь.

Кити была оскорблена. Она старалась. Она сделала нечто воздушное, изящное, но одновременно в бохо-стиле.

— Прости меня, но выгляжу я как тряпичник, — настаивала Эллис. — Ходить и то могу с трудом. Свободы нет движеньям. А если бой — как быть тогда?

Вообразить бой во время свадьбы ей было нетрудно. Например, слегка опьянев, Эллис отбивает железо с головы успокойника. Или гоняет мужа из-за неприличной шутки. Или лупит Губку Боба, за то, что он прилег на ее стул.

— Я не хожу, я падаю как швабра, — сделав широкий шаг, Эллис действительно чуть не грохнулась.

Треск рвущейся материи прозвучал хуже вороньего карканья.

— Ты погляди, какой наряд тебе я сшила, — напомнила о себе Нюша. — Вот тут три розы, бежевый атлас. А тут оборки пышными рядами. И вот — какими складками лежит подол...

Эллис нерешительно поглядела на Кити, но пересилила себя и померила платье. Игорь ехидно заулыбался. И Кити, и Эллис отвергли творение барбикенки, не удостоив ее объяснениями.

— Так как нам быть? С твоей фигурой решиться можно нам на балахонистый фасон...

Нюша поняла, что на нее никто не обращает внимания и незаметно ушла.

— Ну, хоть примерила, и то спасибо, — утешала она себя. — Но ведь могли хоть слово доброе сказать. Сказали бы — не по фигуре нашей дуре. Нет, оно очень даже по фигуре получилось. И ведь его я сшила все сама. Стежочеккаждый. Все сама! По лучшей выкройке сезона! Не понимают в моде ничего!

Она шагала по городу, неся платье, как половую тряпку. Подол волочился по пыльным розовым кирпичам, оставляя на мостовой заметный след.

Дальше произошло невиданное — домаНюша вышла из себя и порвала платье на мелкие клочки.

Геро был поражен, когда вернулся. Нюша пряталась в шкафу, зарывшись в наряды, и делала вид, что она просто кукла. Еще то зрелище.

Тем временемКити и Эллис крепко задумались. Свадьба совсем скоро, а платья нет.

— Моя бы воля, я б пошла на свадьбуодетой, как всегда, — Эллис смотрела на себя в огромное зеркало.

— Ну, уж нет, — вмешался Игорь. — Даже Королева Кити изволила встречать меня на крыше в праздничной пижаме.

Эллис не поняла юмора. А Кити раскраснелась, вспомнив их первое свидание в Реале. В той прошлой жизни, когда она еще была Катей Китовой, любила погибшего Егора и жила с Ритой.

— Ну да. К тому я и веду. Тик-Так не говорил, он робок стал во время разговоров, но точно знаю я, что хочетон, чтоб я смотрелась лучше всех на свадьбе, и значит нужно мне такое платье, чтоб каждый, кто увидел, падал ниц, не в силах выдержать атаки красоты! — Эллис могла бы догадаться, что при Кити такое говорить не следовало.

— Подумаешь, какая фифа! Для клоуна ты хороша и так, — надулась Кити, — хоть в платье, хоть без платья, смотреться лучше всех ты будешь на фоне его щек и носа.

Обиженная за Тик-Така, Эллис сильно разозлилась. Ну их, этих Высочеств! Для них внешность слишком много значит. Как им понять, что проведя столько времени вместе и столько пережив в боях за Эмомир, даже едва не погибнув... Эллис вдруг озарило, что ближе и дороже Тик-Така у нее никого нет. А ведь они уже успели привыкнуть друг к другу, что чуть ли не опаснее всего для любви.

— Щеки, нос, щеки, нос... Да наплевать мне на Тик-Така внешность, — буркнула Эллис. — Его люблю не за нее, а вопреки. Его душа в сто раз красивей ваших тел.

— Плевать на внешность? — Кот просунул нос в щель двери и гаденько захихикал. — Оплеванный он вряд ли станет лучше.

— Что надо, Кот? Кто разрешил тебе вынюхивать секреты наши? — Игорь прицелился, чтобы зашвырнуть в кота тапком.

— Обстоятельства. Там, у ворот, гвардейцы суетятся недостойно. Им передали почту для тебя. — Кот указал на Эллис.

— Почту? Тут нет почтовой службы, — напомнила Кити.

— Теперь она случилась. Так бывает с почтой. То нет ее, то целый воз.

— А что там? — Игорь не скрывал интереса.

— Посылка. Вот такой пакет. От тайной незнакомки. Вроде как подарок. Точнее не могу сказать — не знаю. Принесу?

Не дожидаясь позволения, Кот удрал, топая по лестнице.

— С чего бы ему топать? Он же Кот? — размышлял Игорь.

Эллис и Кити сгорали от нетерпения в ожидании первой почты Эмомира.

Вернулся Кот, запыхавшийся от быстрого бега. На вытянутых передних лапах он держал объемный бумажный пакет, перевязанный бечевкой.

— Был даже вице-королем, теперь — курьер. Спешу и тороплюсь, а почему меня не хвалят? И что уставились на ноги? — удивился Кот.

— А, вот откуда этот топот, он в ботинках. Кошмарных, рыжих и с утиным носом. Добыл же где-то, паразит, — ворча, Кити решила дать Эллис развернуть посылку.

Все волновались, предвкушая нечто удивительное.

— Как тесаком махать, так только свист стоит, а тут копается, как черепаха, — шептал Кот, невежливо толкая Эллис локтем, чьи пальцы никак не могли развязать тугой узел.

— Проклятый узел, кто ж его вязал так туго? Наверное, боялись, что какой-нибудь подлец его развязает по пути доставки, — она достала из-за пояса острый кинжал и резанула по бечевке.

Зашуршала оберточная бумага. Эллис бросила ее прямо на пол.

— Вот это да!

Все залюбовались на платье, оказавшееся в посылке.

— Шедевр. Как ткань струится, как корсет пошит, отделка, швы! Примерь скорее! — потребовала Кити.

Эллис убежала за ширму.

Все молча ждали ее появления. Кот шмыгал носом и неврастенично пристукивал ногой по полу, выдавая немелодичную барабанную дробь.

Сияя от ощущения собственной красоты, Эллис выплыла из-за ширмы, немного сутулясь и пытаясь оглядеть себя без зеркала.

— Чудесно! Лучше не бывает, — решил Игорь.

Кити тут же захотела примерить платье.

— Нельзя. Так не положено. Невесты платье — для невесты! — яро возмутился Кот.

Поняв, что он прав, Кити решила не настаивать.

— Только один лишь человек мог сшить такое платье. Но там, в реальном мире. Это Рита. Как я хотела бы ее сейчас увидеть! Я так соскучилась по ней. Как жаль, что не обнять ее...

— Ну почему же — обними! — откуда ни возьмись в комнату вошла Рита и раскрыла объятия.

Кити кинулась к ней с радостным вскриком.

— Ты тут! Какая радость! Смотрите — вот она, моя подруга! Теперь мой мир стал лучше во сто крат!

Первым делом Кити начала расспрашивать Риту о том, как она тут очутилась. Ответ был прост — сама не знаю.

— Была я там, а оказалась тут. Без всякого вмешательства извне. Да, я жива. Там ничего со мной не приключилось. Такие чудеса. Наверное, все дело в моей тоске по нашим лучшим дням. Я сильно тосковала, правда.

Кити насторожилась. Рита могла называть лучшими днями все что угодно. Точнее — то, что неугодно для Кити теперь. Она решила сразу расставить все точки над «и».

— Знакомься — это он. Тот самый, с крыши. Его платок ты помнишь, да? Знакомься — Игорь, избранник мой, любимый. Мужчина мой он первый и последний. Навсегда.

Ответом был знакомый оценивающий взгляд, с прищуром, как у ведьмы, заметившей желанную добычу. Взгляд, после которого Рита обычно говорила «Поехали ко мне». Кити была в смятении — что делать? Дружить, как в детстве они теперь не смогут. Вернее, Кити бы смогла, но вот Рита — она не церемонится в желаниях. А Игорь ей явно нравится.

— Так вот на что Реал ты променяла! Не верю я глазам, твой мальчик — с крыльями. Как хочется потрогать...

— Пойдем, я покажу тебе дворец, точнее замок, помнишь — я его когда-то на уроках рисовала.

Не обратив внимания на презрительную усмешку Риты, Кити взяла ее за руку и вывела из комнаты.

— Тут хорошо. Спокойно. Подданных не много, но и не мало. Управлять не нужно. Налаженная жизнь. А главное — я постоянно вместе с Игорем. Я счастлива. Менять не хочется мне больше жизнь свою.

— Даже для меня? — Рита изогнула бровь, словно огорчилась, но тут же рассмеялась. — Не думай обо мне так плохо. Мешать не стану. Мне тут нравится. Мне Игорь твой не нужен. Но я б Егора повидала. Я слышала — он здесь теперь?

— Ну да. Он здесь. Но только это не Егор. Его субстанция, лишь часть его души в обличии Егора. Зовем его Геро. Живет он не один. Но будет рад тебе, я точно знаю. Мне так стыдно — он любит до сих порменя. И бешено страдает.

— Еще бы. Ты с крылатым Игорем. Они в постели хоть слегка похожи?

— Игорь лучше! Хотя, какую чушь я говорю. Не лучше. Просто я его люблю.

— Ты не волнуйся понапрасну — я лезть не стану в ваши отношения. Я счастлива, что ты нашла свою любовь. Быть может, я кого-нибудь себе здесь тоже подыщу. Но только не Геро. Второй раз не зайду я в эту реку. Я буду

просто жить и наслаждаться с какой-нибудь красоткой, — Рита улынулась, и Кити сразу же успокоилась.

— До чего же неприятно ощущать себя в платье, — понял Соя, борясь с желанием ослабить корсет.

Сон не запомнился. Почти. Немного ощущений и неясное желание сходить на кладбище. Почему ему кажется, что платье немного тесновато в районе подмышек, но свободно в поясе, он не задумывался. Пальцы шевелились, словно распутывали узел. Еще он вдруг вспомнил, что в кладовке хранятся старые ботинки, которые когда-то были писком моды, но выбросить рука не поднялась.

За все эти дни он не написал ни строчки, и впервые это не угнетало. Период паники закончился. Он смог переступить через него, и даже странные мысли о платье его не беспокоили.

Интуиция подсказывала, что нужно отвлечься. Заняться чем-то. Насытиться новыми простыми впечатлениями. И тогда все получится — так или иначе.

Глава 7

Рита

Геро то улыбался, то грустил — он слушал Риту и не верил, что это она, вот тут, совсем рядом. Не верить было отчего. Та Рита, которую он знал, говорила и вела себя немного иначе. Но выглядела девушка, как Рита — тут спорить бесполезно. Геро подумал — ну да, она же прожила немного дольше его и просто повзрослела. Теперь она, как старшая сестра Риты. Которая наверняка сможет рассказать ему подробно, что сейчас происходит с Катей. Тик-Так, сраженный эффектной внешностью Риты, задержался в гостях у Геро, чтобы послушать новости.

— Венера, блин! Не слишком-то похожа на богиню, но дивно хороша. Осанка, взгляд, и тембр речи — просто королевские, — подумал он, но вслух не сказал ни единого комплимента.

Рита произвела фурор своим нежданным появлением в Эмомире. Эгоровцы никак не могли привыкнуть к ее необычной, словно траурной одежде и властному поведению. На приветствия она отвечала не всегда и только едва заметным кивком, что было воспринято, как высокомерие. Но жители Эмомира решили — если такой характер, пусть величествует. Кити ей рада, чего же еще желать? Только нервный Губка Боб впервые отказался

от идеи праздника, решив выждать некоторое время. Если Кити захочет — она сама предложит отпраздновать встречу с подругой детства.

— Расскажи еще, — попросил Геро.

— Конечно, расскажу. Ты уже понял, что Катя окончательно запуталась. Еще немного, и она поймет, что уважением и благодарностью сменились ее чувства к Дэну. Его любовь — она однообразна. Ее завоевав, насытился он счастьем. Оно заполнило его. И он вернулся к прежней жизни. Работа. Увлечение подвесами. Хороший секс. И больше ничего. А Катя так не может. Ей надо чувствовать и чувства принимать. Давать и брать. Круговорот любви. А с ним она, как в луже воробей. Помыться можно, утонуть нельзя.

— Причем тут воробей? Он в луже блошек топит, — невпопад заявил клоун, приглядываясь к новоявленной Рите. Больше всего ему хотелось поймать ее взгляд и рассмотреть глаза. Но Рита умело избегала прямых взглядов.

— Есть что-то в ней не то, в ней словно фальшьгнездится, как в спелом яблоке червяк противный, — думал клоун.

Все они нелепо смотрелись в гламурной гостиной Нюши. Рита — как готический замок посреди розовых зарослей, Геро — как потертый веник во дворце, а клоун — как огромная мягкая детская игрушка-пылесборник.

— Тебе, дружок, к невесте, не пора ли? — намекнула Рита ядовитым голосом.

Она явно хотела поговорить с Геро с глазу на глаз.

— Да нет. Мне тут неплохо. Эллис, — глазки клоуна засверкали, — моя малышка Эллис занята. Она сегодня в замке с Кити. Мне приказали там не появляться. Какие-то секреты перед свадьбой.

— Тогда займись собой. Побегай. Есть шанс реальный, что от бега твой центр тяжести сместится, куда надо.

— Куда же? — Тик-Так заподозрил, что его сейчас оскорбят, и не ошибся.

— От зада в плечи. У нормальных мужиков они заметно шире зада.

Клоун стал белее бумаги.

— Рита, да что с тобой? Похоже на сарказм. Тик-Так мой друг. Он добрый и ранимый. Не смей его так обижать! — возмутился Геро.

Но клоун уже уходил. Он медленно поднялся и, стараясь сохранять достоинство, зашагал к двери, но когда его настиг раскат заливистого смеха Риты, чуть ли не побежал.

— Вот и чудесно, жирный хряк свалил. Теперь приступим к делу. Катя может все исправить, но только с нашей помощью. Ты понял?

— А почему ты так странно пахнешь? — Егор принюхался к незнакомому запаху, внезапно ударившему в нос.

Рита только поморщилась и нехорошо усмехнулась. Но быстро приклеила на лицо смущенную ухмылку.

— Вопросом на вопрос не отвечают, — укорила она.

— Наверно, я сморозил глупость, — решил Геро и покраснел.

— А пахнет эта гадина серой, — догадался Тик-Так, но это был не повод возвращаться.

Расправив складки платья, Рита изящно закинула ногу на ногу и продолжила рассказ.

— Катя вполне может сделать так, что все будут счастливы.

— Последним такое утверждал Гитлер, — напомнил Геро.

— Причем тут гриб с усами? Я дело говорю. Ты любишь Кити?

Вопрос выветрил все посторонние мысли из головы Геро.

— Очень. Еще немного и умру я, глядя на счастье ее с Игорем проклятым, — но ему тут же подумалось, что такие мысли отвратительны.

Но Рита понимающе кивала.

— Вот-вот! Ты должен слушаться меня и вскоре Кити ты прижмешь к себе. Она от счастья будет таять, и все забудется, как сон. Кстати, о снах — тебе никто не говорил о том, что Кати сны тебе подвластны? Ты можешь погружаться в них. И очень осторожно действуя, вернуть любовь, что спрятана надежно в ее сердце.

— Ты первая мне говоришь об этом. Я был уверен, что больше в сны ее мне хода нет.

— Бруны. Особенно ваш Кот. Он знал, но промолчал. Он лжет, как пестрый кот, хотя окрасом черный.

Ее напряжение выдал лишь корсет, который чуть скрипнул, будто намекая на расправу со всеми, кто помешает замыслу хозяйки.

— Но есть же Игорь — он ее избранник, — Геро очень хотелось быть справедливым.

— Все происки маман. Интрига подлой Мании. Слепая кукла, брошенная в детстве, мстит злой кота, пришибленного тапком, который он с сортиром перепутал. И ведь как ловко провернула — и цель благая, и любовь в придачу. Мотив, как видишь, благородный. А на деле — коварный план. И все тут повелись на бредни эти. Она же точно рассчитала, что Кити в Игоре увидит отражение твое! И голос на тебя похож, да еще крылья эти... Для девушки полет любви всегда приятен.

Геро понял главное — Кити полюбила Игоря, как его подобие. И еще — все можно исправить. Сны!

— Доверься мне — вернись в сны Кати и получишь Кити. Все так просто. Катя готова вспомнить все и снова разбудить запрятанные чувства. Удачный тут расклад, не упусти его. Не слушай никого, ты не Геро, ты истинный Егор, и ты герой, не будь я Рита!

Но сомнения продолжали будоражить Геро. Он думал, насколько правильно поступит. Нет ли в этой затее жульничества, как в колдовском привороте?

Рита увидела, как он страдает, и решила обратить внимание Геро на еще один немаловажный аспект.

— Ты был у моря? Был, я вижу по глазам. Ты понял, что оно такое? Забвение. Небытие. Проклятье бесконечности гнилое. Пожалуй, даже хуже смерти. Проглотит море вас, как мошек. И все — погибнет целый мир. Ты можешь это допустить? Не верю! — Рита почти кричала. В ее голосе был напор вожака, что гонит стаю за добычей.

В это время Нюша, сидя в спальне, подслушивала их разговор. От вопля Риты она выронила из рук журнал и испугалась, что ее обнаружат. Недолго думая, она забралась под кровать и затаилась, почти не дыша от страха. В квартире стало так тихо, что Нюша успокоилась, только когда снова послышался голос Геро.

— Подумать надо. Я почти согласен. Но только вот, что будет с Катей? Она как прежде влюбится в меня? Потом останется совсем одна в Реале? Вот несправедливость — обречь такого человека на одиночество навек...

— Нет. Это не несправедливо. Это — неизбежно. Одна любовь на жизнь. Ведь у кого-то ее вовсе не случилось. Тут спорить нечего, любовь — болезнь. Но вот без этой хвори мир скучен и тосклив. Решись, и Катин мир окрасится любовью вечной. Ты назови ее судьбою, кармой. Но запомни, вы больше никогда не встретитесь, Геро. И ты ее страданий не увидишь. Как и она про твое счастье с Кити не узнает.

Напомнив, что Геро в итоге будет счастлив с Кити, Рита дружески похлопала его по руке.

Всю ночь Соя проспал в одном положении, и теперь у него затекло все тело. Первое, что он увидел, открыв глаза, была его собственная рука, неестественно поднятая вверх. Пальцы скрючены. Пошевелиться невозможно. Он с удивлением оглядел себя и никак не мог понять, почему одеяло напоминает ему могилу.

Сознание судорожно пыталось удержать обрывки сна.

Глава 8

Ворованный голос

Это случилось в Питере два года назад. Осенним вечером принцы-близнецы, дети Маргит — самопровозглашенной королевы Эмомира, погибшей при родах — сидели в аккуратно убранной комнате в съемной квартире, заменяющей им номер в гостинице. Во второй комнате царил полнейший беспорядок — там проживала Милка.

— Нет голос у Милки, который нужен нам, — Нишурт развалился в потертом кресле, как на троне.

— Тут, чтобы петь, особо голос и не нужен, — его брат Рогэ, не отвлекаясь от кропотливой работы, старался говорить тихо, почти не дыша.

— Нет, нужен, брат. Для магии он нужен. А наша Милка на высоких дребезжит, срывается на низких. Нет глубины. И модуляции не те. Фанатам больше нравимся мы вместе. Но не настолько, как нам нужно. Короче, далеко мы не уедем на голосе таком. Не завоюем мир.

Он выбрал другую, более изящную позу, чем-то напоминая кошку, устроившуюся на послеобеденный отдых.

— Если голоса нет — его можно украдь, — аккуратно закрывая крохотный фарфоровый флакон, предложил Рогэ.

Прилежный ученик Кота, он обладал истинным талантом в особой химии. Той, что способна менять не только настроение, но даже личность человека. Исходным материалом для смеси служила пыльца с крыльев бабочек. Но лучше бы не тех, что пасутся на луговых разноцветьях, а иных, что обитали в Эмомире, а также и в других мирах, о которых Кот упоминал только намеком. Поскольку нужных бабочек отыскать было трудновато, использовались обычные. Для верности оба принца добавляли в состав частички своих волос, ногтей и чешуйки с кожистых крыльев, истолченные в пыль.

Именно этим только что и занимался Рогэ. Для Нишурта подобные упражнения были не под силу. Он легко отвлекался и умудрялся чихнуть в самый неподходящий момент.

— Снадобье, что надо. Но к цели нас оно не приведет. Как лестница трухлявая, как мост с разрушенной опорой. А мне уверенность нужна. Нам каждый миг так важен! Но еще важнее то, что в мире нашем, родном и горячо любимом, в песок уходит время.

— В песок? Скорее — в воду. И наша мать в опасности. Я с нею разговаривал во сне. Она еще в Аду, но снова рвется в бой. Она сказала мне, что самозванка Кити живет с проклятой куклы сыном во дворце. Всему,

конечно, Мания виной — безглазая уродка, ей место на помойке. И надо же такому приключиться — закинули в кладовку и забыли. В кладовке памяти ее хранил наш ЭмБог. Дурная у людей привычка хранить все, что ни попадя, на случай. Ты видел их балконы?

— Конечно. Но подоконники не лучше — завалены под потолок забытым барахлом. Я думаю, от нищеты все это вековой. Или проблема в небрежности умов и мелком скопидомстве.

— А телевизор? Хуже, чем балконы.

— А Интернет? Хотя, постой, хоть и помойка, но для нас полезен, рекламу делает он нам.

Братья быстро освоились в Реале, извлекая из всего пользу для себя и своей Великой цели.

— Мы мусора не собираем. Лишь только человечий мусор нас интересует. Он сам приходит на концерты. Мы — высший род людской. Мы — бабочек ночных потомки, — горделиво сказал Рогэ. — Ты не забыл?

— Забудешь тут! Я крылья наши век не расправлял. В Реале нам они мешают. Как хорошо, что их теперь не видно. Сумели ловко их убрать, как кошка когти. Но скоро выпустим, — поежился Нишурт.

В разгар ночи братья-принцы отправились на охоту за голосом. Питер не спал. Центр был светел и спокоен. Счастливые и не очень, люди неторопливо прогуливались по Невскому проспекту, наслаждаясь последними теплыми днями, уже грустя от мыслей о наступающей зиме.

На Малой Садовой у Елисеевского магазина, там, где свадебные пары на удачу пытаются подбросить монеткуочаровательному чугунному коту, восседающему на карнизе одного из домов, принцы замерли. Необыкновенно чистый и мягкий женский голос был похож на журчанье горного родника. Он то обволакивал слух, словно бархат, то едва касался, скользнув нежнейшим шелком. Но мог быть и острым, как бритва. Казалось, что загадочная певица — твой давний друг, с которым ты ведешь душевную беседу. И горести уходят, а счастье множится лавиной.

— То, что надо, — решил Нишурт.

Несспешной походкой они приблизились к обладательнице голоса.

— Побираешься? — хамовато спросил Рогэ.

Отступив к шершавой стене, теплой, надежной, привычной, девушка перестала петь. На вид она была еще подросток, из тех, что живут отдельно от родителей, но звонят маме раз в день, и всегда говорят «спасибо», получая сдачу в магазине.

— Не обижай ребенка, — вступил Нишурт. — Деньги нужны? Сколько? Говори. У меня скоро должно случиться великое событие. Хочу быть щедрым и галантным.

Опомнившись, девушка принялась закрывать старый потертый саквояж, с какими-то ходили доктора. Не слишком многочисленная мелочь звенела, как погремушка.

— Ишь, косу отрастила. Дай подергать? — Рогэ схватил девушку за волосы и притянул к себе.

Он был выше ее почти на голову. Красивый. Хорошо одетый. Источающий странный запах лаванды и миндаля. Почему-то девушке показалось, что так должны пахнуть истребители крыс.

Нишурт нетерпеливо топтался, явно боясь, что редкие прохожие прервут их затею.

— Ты — мышка, рыжая. И ты обречена — сердце с червоточиной. Я слышу, как оно колотится. Лет сорок проживешь. И то не факт. Я предлагаю тебе сделку, детка. Ты хоть понимаешь, что я говорю?. Кивнула. Вот и хорошо. Ты мне подаришь поцелуй, а он тебе отвалит денег. На больничку хватит.

Не в силах сопротивляться гипнотизирующему взгляду Рогэ, девушка послушно подставила нежные губы.

Спустя недолгое время улица совсем опустела. И только черный чугунный кот равнодушно взирал на безвольное тело с раскинутыми руками. Монеты, выпавшие из саквояжа, фальшиво блестели при свете фонаря.

Братья шли молча. Нишурт знал, что Рогэ нельзя разговаривать. Хотя его подмывало сказать что-то этакое, чтобы брат рассмеялся или высказался. Но дело есть дело. Он вертел в руке отрезанную косу, свой трофей.

Милка крутилась перед зеркалом, примеряя новый наряд. Рядом валялись фирменные пакеты из дорогих магазинов.

— Классно, да? Все будут в отпаде. Ну, скажи, я круто выгляжу? А зачем коса? Фу, какая гадость — мертвые волосы. Бррр.

Вместо ответа Рогэ сосредоточенно поцеловал ее так, что перехватило дыхание. Нишурт стоял рядом и смотрел, как происходит волшебство. Глаза его горели, словно в них отражался отблеск пламени.

С этого дня рок-группа «Горошина принцессы» стартанула по-настоящему. Концерты следовали один за другим. Очень скоро уже ни один питерский ночной клуб не мог вместить толпу орущих фанатов, и началась гастрольная жизнь.

Перед каждым концертом Рогэ аккуратно распылял в зале свое волшебное снадобье. Раньше одной его капли хватало человек на двадцать.

Но теперь, когда слушатели были потрясены обновленным вокалом Милки, эффект усиливался, и сколько бы человек не пришло на концерт — все попадали под его влияние. Это был не наркотик. Впрочем, и наркотик тоже. Просто такому химикату пока не было названия. Все, кто попадал на концерты «Горошины принцессы», незаметно для себя становились неистовыми фанатами, найдя этому простое объяснение: «Я не могу жить без их музыки». Истинная правда — не могли. Заболевали, чахли и снова мчались на концерт, где становились счастливыми. И могли бы убить любого, кто скажет плохое слово о группе.

Так продолжалось два года. И снова принцы, возвратившись с гастролями в Питер, сидели на съемной квартире в центре и обсуждали планы.

— Вербовка идет удачно, — Рогэ прикинул численность их армии и улыбнулся.

— Они считают себя «армией принцессы». Это греет душу, — Нишурт тоже был доволен. — А будут принцев армией они!

Еще немного, и можно будет готовиться к битве. Реальный мир им не нравился совершенно — в нем не было ни смысла, ни цели. Но даже у мира должна быть цель, пусть глупая, не важно. У Эмомира цель была — исчезнуть безвозвратно. И этой цели братья собирались противостоять.

— Спасем мы Эмомира и вместе с матерью им будем править. А Игоря казним по правилам земным. История людей кишит советами по пыткам. Советы превосходны, придуманы в порыве вдохновеня. Мы все применим их к ублюдку. А королем мать выберет из нас кого-то одного...

— Кого же именно? — Милка вошла в комнату и взбешенно хлопала накрашенными ресницами, — я ничего не слышала еще про вашу мать! А может, вашу мать, у вас и папа есть? — насмешливо спросила она.

Милка вообще не церемонилась со своими крылатыми любовниками, считая их своей собственностью. Они обещали ей трон в потустороннем царстве, а вот про свекровь она услышала впервые. Но она привыкла ничему не удивляться с тех пор, как познакомилась с ними.

Оба принца побледнели и осунулись, тут же став похожими на злых крыс.

— Заткнись! Отец у нас святой! Ни слова об отце, или замолкнешь раз и навсегда. Ты бросила родную мать! Как часто ты звонишь ей? Отвечай! Она глаза свои уж выплакать успела — тебе все напоминай. А наша мама — черный ангел ночи. Ей нелегко теперь. А было еще хуже. Ты знала бы, что ей пришлось перенести...

Милка завелась. Напоминание о семье вывело ее из себя, и она пошла в разнос.

— Ага! Мать ваша вас давно забыла — даже не звонит. Моя хоть изредка орет мне в телефон, а ваша где, крылатые, стихами говорящие, дебилы?

Ссориться с Милкой пока не входило в планы принцев, и они сдерживались, как могли, переглядывались молча, и только. Хотя у Рогэ чесались кулаки. Нишурт вспомнил, что раньше делали с колдуньями за лишние слова. И мысленно все это сделал с Милкой. Стало легче.

— Вы сто раз мне говорили, что власть в Эмомире принадлежит Кити не по праву. Что она всего лишь эрзац Создателя, Кати Китовой, которая от Эмомира отреклась. И что раз так, то следующей Королевой по праву буду я, а вы — моими королями. Причем здесь ваша мать, мать вашу? — продолжила Милка.

— Все так и будет, Мила! Мать не помеха нашим планам. Она во всем поможет нам. Ты просто слышала наш разговор урывком. Назначит мать из нас кого-то королем лишь для проформы, для народа, а жить мы будем, как сейчас живем. С тобою, Мила. С нашей новой Королевой.

— Все, спать пора. У нас завтра концерт. Итак, на всякий случай, хочу вас я предупредить — раз мне обещан трон, то я сидеть на нем железно буду. Хоть с вами, хоть без вас, — Милка вдруг подумала, что общение с принцами не идет ей на пользу.

Секс — да, он ей казался неотъемлемой частью сценической жизни. Два красивых принца принадлежат ей, хотя все поклонницы визжат от страсти, глядя на них из зала. Это возбуждает — обладать теми, кого желают многие. А вся мужская половина фанов вожделеет ее. Как это чудесно! Даже не верится, что у нее такая особенная красота. И, разумеется, талант.

— Два мужа у меня, у Королевы, быть не может? Мы издадим закон. И будет все разрешено. А козни мамы вашей меня совсем не беспокоят. Раз Кити — фэйк, я буду править. Точка, — отчеканила она напоследок.

Глава 9

Такаси

Катя сварила борщ. По рецепту Дэна. Кто сказал, что мужчины не любят борщ? Неправда, его не любят женщины. Готовить долго, а результат сжирается слишком быстро. А главное в борще что? Правильно — хлеб с маслом и сметаны.

— Кухарки из меня не получается, — вздохнула Катя, когда в доме не оказалось сметаны.

Топать в магазин не хотелось. Хотелось сидеть дома и читать. Или уснуть под работающий телик. С трудом пересилив себя и одев первое, что попалось под руку — «Не на званый прием иду», — Катя отправилась за подозрительной субстанцией, выдаваемой производителями за сметану. Слегка растрепанная, сонная и даже злая. Жизнь — налаженная, сытая, скучная взрослая жизнь не приносила радости и состояла из сплошных «надо». Быт торжествовал победу над неспокойным характером Кати и самодовольно ухмылялся. Он словно намекал — ты думала, что жизнь состоит из радости? Фиг тебе! Не ожидала? Конечно, за последний год такие мысли тебя не посещали. Ладно, ты думала, что внешний мир будет так же духовно богат, как и твой внутренний? Опять же — фиг тебе! Я — быт, суть всего сущего. На мне все держится, а свою тонкую ранимую нервную организацию засунь, сама знаешь куда. Выполняй скучные домашние дела, учись, жди мужа, корми его, ублажай, но не забудь вымыть посуду с вечера. И все будет тип-топ. В виде бонуса иногда можешь устраивать бунт и брать выходной. Раз в год — не чаще.

Катю так захватил этот монолог, что она даже забыла, зачем очутилась на улице. Просто шла без единой мысли в голове. Передвигалась, как древняя рыба, плывущая по течению теплого моря.

— Вот тут мы долго целовались, — действительно, ноги сами привели ее к заветному мостику, словно специально придуманному для ночных поцелуев.

Мысли о Егоре, потускневшие и почти прозрачные, вдруг засверкали свежими красками. Губы вспомнили его поцелуй... Резкий звук крыльев вернул Катю в реальность. На секунду ей почудилось, что ее атаковал ворон Ритки, сбежавший из добровольного заточения.

— Да и откуда ему тут взяться, — подумала Катя и тут вдруг поняла, что на нее в упор смотрит симпатичный тип.

Смотрит, как на больного ребенка, с приглушенным сочувствием и пониманием. Это было неприятно — словно тебя застукали без одежды. Где-то она уже видела этого фантастически круто одетого, загадочного азиата с почти европейским лицом...

Словно прочитав мысли девушки, незнакомец мягко улыбнулся и поинтересовался, могли они уже где-то встречаться? Например, на его родине, в Японии?

Какого-то лешего Кате захотелось спросить «Где много обезьян?», но она сумела промолчать. За что сразу стала себя уважать. Обычно только уже после сказанной глупости ей приходили на ум правильные остроумные фразы.

— Мне кажется, что я вас раньше где-то видела. Но не в Японии точно, — нашлась она.

Про Японию зря сказала, там ей половина населения показалась бы близнецами. По крайней мере поначалу.

— Не буду продолжать лукавить — конечно мы встречались. Как у вас говорят — пересекались. Случайно. И довольно часто.

По подсчетам японца это «часто» сводилось к двум случаям. И каждый раз он не мог забыть эту странную девушку. А она его если и замечала, то как-то неочевидно.

Японец улыбался. И сердце Кати потянулось к свету его улыбки. Как будто она до сих пор металась по ночному штормовому морю и вдруг увидела маяк. Она словно вернулась на семь лет назад, во время встречи с Егором. И те же восхитительные, почти болезненные ощущения предчувствия любви наполнили сердце.

— Я счастлива? Вот так — сразу? Этого просто не может быть, — изумленно подумала Катя.

Смесь испуга и восторга вызвали невероятный эффект — она решила сбежать. Но японец не дал ей этого сделать. Успев преградить ей дорогу, он выпалил, забавно смягчая согласные:

— Нет, только не это. Если вы сейчас снова исчезнете, я буду очень страдать. А разве вам хочется причинять страдания?

Вопрос пригвоздил Катю на месте. Довольно страданий, и ей самой, и кому-то еще. Мелькнула мысль о Дэне, о борще и сметане. Дэн все время так занят, что почти не замечает ее. Для него она часть обстановки, чуть более важная, чем мебель — просто та не ругается и с ней не займешься сексом. Поначалу он говорил ей, что сделает ее счастливой, а потом стал жить по принципу «Скажи мне что делать, и я сделаю». У Кати было стойкое ощущение, что этот японец из другой категории мужчин.

Они не сговариваясь, пошли вместе. Неторопливо. Рядом. Молча. Каждый думал о своем. Катя впервые оценивала мужчину. Сравнивала — пока только внешность и ощущение от молчания. Ей они нравились. Потом она вспомнила, что одета слишком просто и рядом с модным японцем выглядит, как уборщица после трудовой смены.

— Ты забавно выглядишь, — вдруг сказал он. — Мне нравится. И еще я хотел напомнить — иногда полезно делать именно то, что тебе в данный момент хочется больше всего.

Дельное замечание. Сметана тут же была отодвинута на дальний план. Катя сейчас хотелось вот так просто идти рядом, спрашивать и получать ответы. И ощущать душевную теплоту, которая исходила от незнакомца.

Просто невероятно — как будто греешься под теплым солнцем после долгой зимы.

— Я — Катя, а тебя как зовут? — Кате было важно услышать его имя. Если оно будет противное, то волшебство испарится.

— Такаси, — ответил он.

— Красивое имя! И прически тоже ничего, — брякнула Катя и покраснела.

— В русском языке слово «ничего» имеет так много смыслов — я теряюсь, — признался Такаси. — Но я, кажется, понял — ты похвалила моего парикмахера.

«Такаси... — вспоминала Катя. — Художник? Писатель? Да какая разница — все Такаси чужие, но не этот».

Через час, сидя в кафе, Катя поняла, что настояще, без всяких заоблачных полетов и нереальных чудес, волшебство случается и в реальном мире. Ей было совершенно все равно — будет ли у них секс, какой он будет, и что ест Такаси на завтрак. Просто хотелось идти рядом и разговаривать. Точнее — слушать. Про Лондон, где он учится, про его любовь к Достоевскому и Чехову, которая привела его на практику в Питер, про трудности освоения русского языка, про Японию.

«Он — человек из другого мира. Как это странно — снова другой мир, но совершенно настоящий. И он настоящий. И прошлое не важно. Нет ничего, кроме здесь и сейчас».

Подсознание ворчало, как столетняя старуха — мол, деточке экзотики захотелось, на сладкое потянуло, мужик-то ейный — медведь гризли, а тут такой красавчик. И культурный, и воспитанный. Ну просто принц из чужеземья.

Посланное по конкретном адресу подсознание обнаружило там быт. И они на пару начали критиковать Катю, мелочно перемывая ей кости. Но потом пришли к выводу, что девочка она хорошая, а главное — своя и страдалица, пусть радуется. Они даже пожелали ей удачи.

Скрыть отсутствие сметаны оказалось сложнее, чем новое настроение. Дэн сразу догадался, что с Катей произошло нечто, способное изменить их жизнь. Но он не стал выспрашивать — к чему? И так все ясно. Теперь нужно только время — оно покажет, насколько сильное чувство свалилось на его девочку. И как большинство мужчин, не стал искать причину в себе. Хуже — он не стал ничего менять вообще. Решил, что судьбу не обманешь. Как будет — так тому и быть. Ведь он сделал все что мог, да?

Глава 10

Глазами клоуна — 2 или Мальчишник

Последнее удачное пробуждение после сна окрылило Сою. Правда, пока это был единственный прорыв.

Вчера вечером он уснул моментально, и приснился ему сон, будто он Тик-Так...

— Мальчишник! Завтра! Крут! Все подготовлено, как надо. Мне Кити выделила зал, тот самый, где гвардейцы пировали. Тогда еще нас много было, до гибели в боях за мир реальный.

Тик-Так обвел придирчивым взором накрытый стол. По меркам Эмомира стол выглядел богато. Почти как к свадьбе. На полотнах, к сожалению, пока без рам, он сам изобразил два ростовых портрета — себя и Эллис. Получилось неплохо, сходство было несомненным.

— Все мальчики придут: Геро и Игорь. И даже Губка Боб и мишки. Эгородцы со мной весельем будут рядом наслаждаться. Придется проверять их, уж больно девушки у них на юношей похожи, и наоборот. А девушкам захочется проникнуть на мальчишник. Но как проверить, чтобы не обидеть? Как это дело провернуть? Объявим вечеринку в одних шортах? Пропалят, мы тут не на пляже. Обыскивать при входе, якобы желая отыскать спиртное? Но все же знают, что его у них и быть не может, ведь после Маргит все запасы выпиты давно. Все упиваются лишь чувствами друг друга. А это не запрещено!

Он задумался так глубоко, что так и стоял, как статуя в мрачноватом зале, напоминающем о дремучем средневековье. Но скоро будут зажжены сотни свечей, и смех и поздравленья преобразят его до неузнаваемости.

— Прощанье с холостяцкой жизнью. Брак. Союз. Я до сих пор не верю, что моей она навеки станет. Как две звезды в рассветном небе друг другу будем мы светить. И каждый день я видеть буду лицо моей прекрасной Эллис. И буду говорить ей все слова любви, что в сердце накопил за эти годы. Молчать и слушать каждый ее вдох и выдох. И перемены настроенья чутко замечать. И делать все, чтоб крошка Эллис была довольна мной и весела!

Тик-Так убежал принаряжаться. Сменил красные штаны на розовые. Потом решил, что будет в черно-белых. Нацепил вместо привычного широкого и короткого галстука сразу три бабочки. Сел на шляпу, поерзал, стараясь придать ей как можно более бесформенный вид, взбил ее ивроде бы остался доволен полученным результатом. Но потом решительно забрался в

огромные старые ботинки, выудил из них стельки и прицепил на шляпу. Получились кошмарные уши.

— Да, ясно — мне нужны очки. А Кот не даст. Да мне и не нужны такие. Не нужно мне его очков, не буду подражать Коту. Я буду сам собой. Урод неповторимый! Не модник я — природный харизматик! Не тот набрал очки, кто их надел на нос, а тот, кто женится на Эллис. А шляпа хороша, в ней можно хоть куда!

Прихватив деревянный ящик со свечами, Тик-Так вернулся в гвардейский зал и начал расставлять свечи по канделябрам.

Слева от двери прямо на полу стояло огромное зеркало впечатляющих размеров. Тик-так обсуждал сам с собой достоинства Эллис и то и делопоглядывал в него на свое отражение. И с каждым разом настроение его ухудшалось.

Потом ему пришло в голову придумать что-нибудь прикольное, поядреней-позабористей, все-таки грядет мальчишник, нов конце концов он передумал.

— Вот странно же — ведь раньше я шутил про трах, прекрасно извращался на словах и остроумием блистал на тему эту. Как только предложение я сделал Эллис и «да» в ответ услышал — все шутки эти кажутся мне полной ерундой, пошлятиной и верхом мерзости. Любовь — святое. И все, что связано с любовью, свято и обсуждению не подлежит. Пускай Геро и те, кому отказано в любви, толкуют о своих победах и пошлят без меры. Они о сокровенном тоже ведь молчат. Любовь не терпит трепа и досужих сплетен.

Стук сапога в дверь возвестил о начале пира — пришли гвардейцы во главе с Тру-Паком и Покойником. Вслед за ними в дверном проеме появился Игорь. Мишки, как цыплята, семенили за эгоровцами. Гости дружно собирались. Итак, пирушка началась. Все поздравляли клоуна — кто дружеским хлопком по голове, кто по плечу, кто лез обниматься, а мишки Тедди изготовили торт в виде двух сердец. Торт был высокий и наводил на мысль, что в нем скрывается особенный сюрприз.

— Тост! За последние дни холостяцкие! — Тру-Пак и Покойник преподнесли Тик-Таку бутыль выдержанной пьянящей жидкости из тайных погребов.

— Припрятали от всех мы Маргит стратегический запас. И сохранили для тебя, мой друг, бутыль прекрасной «Ностальгии», — Покойник откупорил ее и первым налил себе.

— За Эллис! — недружным хором прокричали гости.

Игорь радовался вместе со всеми не как Высочество, а на равных, и даже примерил шляпу клоуна.

Пирушка длилась час, потом другой, все веселились от души. Тру-Пак и Покойник устроили спектакль, изображая бой у последнего портала. Эгоровцы тоже воодушевились, вспомнив, как бились. Мишки Тедди кричали боевые кличи. Клоун затянул бодрую песню:

— И слева нас рать, и справа нас рать, люблю с перепоя мечом помахать...

Допев, произнес тост:

— Мы выжили. Но именно сейчас мне выпить хочется за боевых друзей и тех, с кем не успели подружиться. Погибших надо чтить. Геро был прав — без кладбища нельзя. Оно хоть выглядит убого, но память освежает. Как дань, тела погибших в тех боях кровавых пожрало море. Но мы-то помним их. Пока живем, в сердцах они для нас живыми будут, — Тик-Так утер слезу.

Все встали и выпили.

— Как хорошо, что живы мы! — пропищал корноухий мишка Тедди и тут же спрятался под стол, устыдившись своей отваги.

— Бои — как мне теперь их не хватает. А Маргит нас, бывало, отправляла в мир Реала. На стрельбы. Чтобы научить владеть другим оружием. Там весело бывало, — начал вспоминать Тру-Пак.

— Ага. Особенно ночами, — поддержал его Покойник.

Остальные гвардейцы заинтересовались.

— На полигоне ночевали мы. Ворон там много жило. Бывало, что пуляя трассерами, случайно попадешь ей в попу. Ворона крылья растопырив, летит ракетой, а из зада сноп огня. Красиво...

— Да, были времена, а вот в Афгане... — начал было Тру-Пак, но тут же умолк, увидев Кота.

— Ага, все в сборе! Тут пир горой, а обо мне никто не вспомнил! — Кот, разряженный в долгополый фрак и слегка великоватый лоснящийся цилиндр, вошел в зал. — Что, вспоминаете победы наши?

Последние слова звучали фальшиво до невозможности.

Все прекрасно знали, на чьей стороне воевал Кот, но напоминать ему не стали, соблюдая правила приличия.

— Наша память — прекрасный инструмент ума и сердца... — клоун не успел развить свою мысль, как Кот его прервал.

— Ты лучше б инструмент другой готовил. Точил и закалял. Для свадьбы он скорее пригодится.

Стало тихо. Гвардейцы ожидали ответной реплики Тик-Така, готовые расхохотаться. Но он сделал вид, что не понял. Кот пожал плечами. Такая подача пропала впустую.

— За успокойников! — разумно предложил клоун, а те благородно встали и поклонились.

Кот загрустил. Мальчишник без веселого и сального словца — тоска зеленая, напрасно наряжался. Ради хоть какого-то развлечения можно было спеть со всеми песню, но он не знал слов. Хотя другие тоже половину позабыли, а ничего — орут вовсю.

«Какая скучаваш мальчишник. Влюбленный клоун — это не смешно. Быть может, скоро будет драка, и хоть тогда слегка повеселимся», — подумал Кот и, ничутьне стесняясь, зевнульво всю пасть.

Его тоска по химикатам обострялась всякий раз, как только он хотел веселья.

— Соль бертолетова и марганцовка! Эх, хоть селитры бы немного раздобыть, я тут бы им устроил взрыв эмоций...

Он пел, мяукал, подывал, как все коты в известный месяца и тосковал по первой своей весне в кошачьем обличии. Взор его затуманился от приятных воспоминаний.

Когда голоса охрипли и глаза покраснели, Кот произнес тост:

— За любовь!

Но выпить никто не успел. Отворились двери, и на пороге возникли две фигуры.

— Что за дела! — пьяно воскликнул Тру-Пак. — Геро и баба. На мальчишник с бабами не ходят!

Постепенно гул голосов утих. Кот, заведя лапы за спину, мелкими шажками приблизился к Геро и Рите.

— Ну, как мне объяснить, конечно же она не мальчик, в том смысле, что и опыт у нее не мальчика, скорее мужика, — начал оправдываться Геро.

— Не нужно оправданий, милый. Плевать я на приличия хотела. Я зритель тут. Как пропустить такой спектакль? Шикарный бенефис, а в главной роли — самый мерзкий в мире клоун, который нагло жаждет тела чудной Эллис! С какого хрена, я хочу спросить? — отчетливо и громко произнесла Рита.

Она была превосходно одета. Геро смотрелся рядом с ней, как бомж с огромным стажем помоечной жизни. Все прочие выглядели, как стая первоклассных мультишных монстров, даже гвардейцы. Тик-Так вдруг оказался отдельно ото всех — он стоял в одиночестве возле торта и слушал. Онемевший от ненависти клоун.

Кот противно хихикнул. Он пронырливо юркнул за спину Рите и принялся подобострастно смеяться. Одна его лапы была занята бокалом, другая придерживала цилиндр, чтобы тот не свалился.

— Ты почему молчишь? — Тик-Така задело за живое молчание Геро.

— Я не молчу. Хотел тебя поздравить. Пусть здесь хоть кто-то будет счастлив, — похоронным голосом оправдывался юноша.

Он был поражен поведением Риты, набившейся с ним на мальчишник, но списал его на ее прямолинейность и вздорный характер. Он считал, что у нее стресс от попадания в Эмомир, противный ее готической природе.

— Ну как же, счастья он тебе желает! В глаза одно, а за глаза — другое. Вчера ты говорил — завидуешь, тебя гладит зависть. Чужое счастье костью в горле застrevает. Ты, друг мой, лицемер. А это недостойно. Ползешь по миру, как дитя гадюки подколодной, — пригубив из бокала, заявил Кот.

Увы, в его словах была доля правды, и немалая. Геро показалось верхом коварства выдавать всем их недавний разговор, в котором он не раз упомянул, что счастье клоуна его бесит.

— За правду бить нечестно! — предупредил Кот.

Геро ловко извернулся, цапнул его за шкирку и хорошенъко тряхнул. Кот тихо взвыл. Бокал выскользнул из его лапы и упал на каменные плиты пола. Звон разбитого стекла показался оглушительным. Кот сосредоточенно смотрел в потолок и навесу пытался выползти из фрака. Цилиндр свалился с его головы и покатился прямо Тик-Таку под ноги. Огромный ботинок клоуна остановил его и расплющил одним мощным ударом.

— А котик прав. Ведь всякий скажет — жених наш форменный урод, обличьем он ужасен и счастья в браке меньше всех достоин, особенно Геро, — сочла нужным напомнить Рита.

— Никто не смеет упрекать Создателя в отсутствии ума и чувства красоты! — рявкнул Покойник. — Она для Эллис и Тик-Така выбрала обличья. Потом своей их кровью обвенчала, на теле своем чистом разместив. Красавцы — оба! Баста! Разговор закончен!

Рита заметно поморщилась при слове «Создатель».

Клоун приободрился — и правда, Катя не их тех, кто делает случайные тату.

— При чем здесь ум и красота? Она хотела просто приколоться. А Эллис-то зачем в мужья берет нелепого и жирного шута? — почти прошипела Рита ядовито.

Корноухий мишка Тедди, кряхтя, выбрался из-под стола, встал перед Ритой и срывающимся от собственной отваги голосом закричал:

— Уйдите оба и Кота с собой берите. Вы все испортили! Наш праздник не для вас!

Тедди махал на Геро с Ритой лапами, как на докучливых ос, разевая пустую пасть, скаля отсутствующие зубы.

— Дешевый пьяный пафос, — фыркнула Рита. — Я никогда не мучилась вопросом, какого пола мишкы Тедди? Ты — самка? В клоуна влюбилась? Ну и пара!

— Дура! — мишкa запыхтел от возмущения.

Проглотив оскорбление, Рита напоследок оглядела зал и всех присутствующих, после чего хмыкнула и медленно удалилась.

Геро сильным взмахом руки перебросил Кота через стол. Он хотел извиниться, но не придумал нужных слов.

Кот оправил фрак, покачнулся, но не упал. Он пытался понять, понравилось ему висеть на шкирке или нет. Ощущение оказалось вовсе не из противных, совсем без боли, к тому же так забавно было вдруг понять, что шкура — не более чем мешок, в котором ты согреваешься. Решив оставить эту мысль для последующего обдумывания, он метким броском вырвал из-под ноги Тик-Така испорченный цилиндр, толкнул мишку и помчался вслед за Ритой.

— Какая мерзость, даже я так праздник не изгажу, — резюмировал Тру-Пак.

— Опля! — совершенно внезапно из торта выскочил Губка Боб и вытаращился от изумления — вокруг можно было наблюдать одни похоронные лица.

Тик-Так, пребывавший до этого в полной пропастрии, вдруг четко и ясно произнес:

— Она не врет — я монстр, я урод. И мерзко так устроена природа. Красавице не полюбить урода! Не важно, кто он — клоун, эмо или гот.

— Опля, — мрачно высказался проснувшийся Соя.

Он помнил только последнюю строку из стихотворения.

— Ну, хоть какая-то зацепка, — решил он.

После чего воспоминания хлынули потоком — успевай только записывать. Но длилось это счастье недолго — ровно до звонка издателя. Теперь Соя снова ничего не помнил. В итоге получилось полстраницы текста. Маловато будет.

Глава 11

Повсюду страсти роковые

Книга не писалась. Даже сюжет не вырисовывался. Написал — стер. Взбесился и едва не выбросил комп. Мысли были только об одном — нужен помощник, одному уже точно не справиться. В блокноте наброски гелевой ручкой: роза, могила, морской берег, рожаклоуна, ворон... Конечно — ворону и положено кружить над могилами. Черный замок получился кривовато. Зато кукла без глаз выглядела вполне убедительно.

— Как в анекдоте: тут помню, а там — нет. Но был ведь мальчишник, был! Какого лешего звонить мне в самый неподходящий момент?

Соя решил подойти к своей катастрофической проблеме с другой стороны. И ему показалось, что он нашел выход из затруднительного положения. Но для начала снова принял снотворное.

Мания продолжала жить подальше от эгровцев, на Пике Удовольствия. Такой географический объект, доминанта жилого назначения. Как и все приличные пики, он был высок и остроконечен. Еще он был задуман ярко-розовым, но теперь выглядел полинявшим. Что в принципе не портило общего впечатления. Если быть объективным, то Мания не жила на Пике Удовольствия, она жила в нем. То есть внутри — мало кому удается с комфортом жить на игле.

В общем, Мания обосновалась в Пике, не вмешиваясь ни во что, но приглядывая за всеми своими отсутствующими, но все видящими глазами. Раскладывала пасьянсы и гадала на картах. Смотреть на море она не хотела. В отличие от обитателей Эмомира она лучше всех понимала степень его опасности, но смирилась и поддалась настроению невмешательства. Как можно бороться с лавиной, если ты всего лишь кукла на ее пути?

Такое со всеми случается, когда часы начинают тикать, отсчитывая последние секунды. Попытки спасти хоть что-то заранее обречены на провал, и руки сами опускаются. Так нет ли этом великоц мудрости?

Море забвения. Избитый штамп? Скорее, неизбежно опасная банальность. Есть близкие, ради которых необходимо жить, как ни в чем не бывало. Сын. Ради него Мания готова на все.

— Мы уходим. Это хуже смерти. Это — полное ничто.

Когда маленькая Катя ослепила ее, казалось, что хуже быть не может. Растряжанная, прежде любимая игрушка уже тогда была обречена на это «ничто», но сумела вернуться и изменить свой мир к лучшему. Предпочитая оставаться не на первых ролях, но всегда рядом с главным героем.

— И кто теперь об этом вспомнит? Мой сын? Он занят исключительно собой и Кити. Ну, что поделаешь — у них любовь, им большого не надо. Я воспитала так его, что чувства разума главное, а он прилежный ученик. Я знаю, раз живешь в чудесном Эмомире, — либо страдай, либо на пике чувств любовью наслаждайся. Производи эмоции и ими насыщайся. Круговорот эмоций. Безотходный. Спокойствие и равнодушие оставлены в Реале, а здесь свои законы.

Она невесело усмехнулась. Ее убежище было ничуть не респектабельней той кладовки, в которой она провела свои худшие годы.

Часто тут появлялся Игорь. Проведать мать и рассказать новости, в основном о Геро. Больная тема, которую она отважилась поднять к свету. Попробовать опять вкусить хотя бы тень той страсти, что подарила ей сына.

— Хочу Геро я видеть. Скажи Тик-Таку, пусть приведет его ко мне, — сказала она сыну, прилетевшему ее навестить.

Мания чувствовала теплое волнение. Такого давно с ней не бывало. Она не сомневалась, что Геро сейчас нуждается в ней. Быть может, даже больше чем Эгор когда-то? По правде говоря, ей нетерпелось познать другую сторону Егора. Геро и Эгор вместе разве не Егор? И будет ли Геро похож на Эгора в минуты страсти? Такие мысли возбуждали и дразнили Манию.

— Да, кстати говоря, что эта Рита — она тебе не портит жизнь? — вскользь поинтересовалась она у сына.

— Да нет, ну что ты, мама. Она обосновалась во дворце. Сдружилась с Эллис, часто у Геро бывает. Какие-то вокруг нее сплошные тайны. Что стоит только попадание ее сюда! Не знаю, говорит, как я сюда попала. Соскучилась по Кити, оп — иуже здесь. В Реале невредима, здесь полностью сохранена, и даже имя не сменилось. Странно!

— Не верится, что появление ее случайно, — Мания наугад вынула три карты из колоды. — Черная дама. Дама пик. Еще и в окружении туз и короля пиковых. Но для кого-то туз крестовый уготован. Казенный дом. Тюрьма. Какие-то опасные расклады. Так не забудь насчет Геро!

— Ма, я давно хотел спросить. Хоть были мы врагами, я все-таки родня тем принцам-бабочкам крылатым по отцу. Что с ними там сейчас в Реале? Они мертвы?

Мания повернула лицо к окнам, тем, где виднелось море, лоснящееся маслянистым отблеском заката.

— Запомни, любопытство стало роковым для кошки. Не думай ты о них. Если бы гусеница думала о прошлом, она бы никогда не стала бабочкой. Ты счастлив?

— Да. Конечно.

— Вот и славно.

Он улетел. Она осталась коротать остаток дня в одиночестве. Думая о Кити, которая зачем-то сделала татуировку на спине в виде крыльев бабочки. Не думая, на что они могут повлиять. Колода старых карт удобно лежала в руке. Жаль, на себя гадать запрещено судьбой, и она не поощряет любопытства. К тому же, как только ты узнаешь свое будущее — оно тут же изменится. Какой-то мудрец назвал этот феномен штанами времени. Ты проваливаешься в одну штанину, и ты же — в другую. Но вам никогда не узнать, как тебе другому теперь живется.

— Печально — может быть, рискнуть? А сделаю я так — гадаю на Геро, коль скоро он ко мне придет, и о себе чуть-чуть узнаю тоже.

Мания увлеченно начала бросать карты на стол.

Геро дошел до той стадии ненависти, когда начинаешь меняться внешне. Глубокие складки у рта, нехороший прищур глаз, неопрятные волосы и одежда... При ходьбе его руки болтались, как веревки. Все вокруг были отвратительно и безоблачно счастливы. Все, кроме него одного. Тик-так и Эллис напоминали ему его самого и Кити в период ожидания полной близости. Кити и Игорь выглядели как наркоманы, растворившиеся друг в друге. Он задыхался после каждой встречи с ними.

От вида Нюши его начинало трясти мелкой дрожью. Та старательно изображала счастливую возлюбленную, особенно при посторонних. При Рите это получалось у нее убедительнее всего. Только и слышно было — дорогой, любимый, радость моя. Минут пять она щебетала, но потом Рита одергивала ее новым оскорблением, и бедная Нюша бросалась прятаться в шкаф. Среди вечерних платьев обиду было переносить гораздо легче.

Терпение Геро было на исходе. Проклятый Эмомир! Сам выбрал себе Ад и в нем же погибал без перерыва.

— Ты мог бы быть здесь счастлив, — многозначительно напомнила Нюша.

— С кем? С тобой? — моментально зверея, поинтересовался Геро. Пауза затянулась.

— Так что — с тобой? — язвительно переспросил он.

Нюша смотрела в раскрытый журнал и демонстративно молчала. Обычно у нее не очень получалось держать рот закрытым, но не в этот раз, Когда перед глазами напечатано «молчание — золото». Геро взбесило такое поведение.

— Ты хоть понимаешь, кто ты? — напористо приставал он.

— Да. Я — барбикенка. Пустышка. Мусор. Манекен. Не то, что ты — герой и мученик любви. Страдай страдалец. Я же не в обиде, — ей так давно хотелось высказаться.

— Еще бы. Если бы не я, ты бы вырыла в своих журналах нору и там жила, как крот, — озлобившись, ответил Геро, уже ненавидя себя за сказанное, но входя в раж скандала.

От безобразной ссоры их спас Тик-Так, прибежавший с посланием от Мании. О том, что он получил его от Игоря, клоун благоразумно умолчал.

Громко хлопнув дверью, Геро опрометью побежал прочь от дома.

Прогуливаясь по улице, Рита увидела его, но не стала догонять. Ей было ясно, что Геро почти готов к серьезному поступку. Пусть Мания его немного подтолкнет. Конечно, сама не ведая того. Какие же все бабы дуры. Яснее ясного — увидит горестного Геро, и ну его жалеть, бедняжку,ексом. Аекса ему и с Нюшой хватало — оскомину набил. Неделю проваляются в постели, Геро поймет, что суррогатов много, а любовь одна. И к Рите прямиком. А там, глядишь, и с Катей разберемся.

— Мне нужен Эмомир, а жизнь и смерть его зависят от этого ничтожества в Реале. Вот засада!

Рита тяжело вздохнула, но тут же приободрилась.

— Ко мне придет. За панацеей. Бабы дуры, одно лишь на уме. Как хорошо — теперь чуть-чуть подкорректируем мы свадьбу клоунаи Эллис. Недели хватит. Надеюсь, план мой близится к развязке.

Рита убедила всех, что свадебный наряд не идеален. И что она работает над ним.

Эллис сомневалась, ну зачем что-то менять?

— Я кое-как работать не умею. За два-три раза все подгоним. Ты завтра приходи — сама увидишь, — Рита всегда умела найти нужный тон в разговоре.

Как и было велено, Эллис пришла на новую примерку платья.

— Прическу нужно сделать именно сейчас. Чтоб видеть, как все вместе будет выглядеть. Садись. Терпи. Я сделаю как надо, — Рита вооружилась расческой.

Платье, одетое на специальный манекен, красовалось на возвышении рядом с троном. Тут же были аккуратно разложены фата, туфли и белое ажурное белье.

— Ты так красива, девочка! Ты просто бесподобна. Фигура, волосы, лицо. Ты лучше всех тут. Клоун не дурак — он выбрал лучшую.

Помогая покрасневшей Эллис раздеться, она нежно дотрагивалась до нее, слегка проводя кончиками пальцев по коже. Иногда ее дыхание согревало шею Эллис. И та вздрагивала, боясь, что за этим последует поцелуй. Рита, ничуть не смущаясь, вела себя на грани непристойности, уверенно и деликатно приручая Эллис.

— Почти довольна я. Ты завтра приходи еще разок. Какая кожа у тебя — ну просто нежность, — голос обволакивал, манил, таил в себе запретные удовольствия.

Примерки следовали одна за другой. И вскоре Эллис с нетерпением стала ждать новой встречи.

Перелом в отношениях случился, когда наряд был абсолютно готов. Выяснилось, что Эллис не умеет надевать пояс и чулки.

Поцелуй случился как бы невзначай. За ним лавиной последовали ласки, сладкие и пьяные, как забродивший вишневый сок, нежные, как миллионы шелковых нитей, смелые и жаркие, как бои, по которым так скучало сердце воительницы. И амazonка Эллис не сумела устоять.

Теперь для Эллис мир взорвался фейерверком новых ощущений, который смел препятствия, а вместе с ним и прошлое. Рита вела себя так уверенно, будто в их отношениях нет ничего запретного. Как будто правильно и честно поступать только так. И Эллис приняла как должное свой новый статус. Только Кити, глядя на них, сочувственно вздыхала. Но верила — Рита и Эллис будут счастливы, иначе быть не может. Ведь выбор их был непростым. Уйти от жениха накануне свадьбы — такое из-за минутной влюбленности не делают. А может в глубине души она даже радовалась, что Рита в Эмомире так быстро обрела любовь, и к ней не будет подбивать пороги. Ну а Тик-Так? Тик-Так переживет. Хотя и жаль его, беднягу.

Клоун пока ничего не знал. Он счел странное поведение своей невесты нормальным волнением перед свадьбой. Она смущалась, избегала его, старалась не видеться наедине, слишком часто оказываясь вместе с Ритой.

— Не велено пускать тебя дружище, — как-то раз сказал ему гвардеец, стоявший при входе во дворец.

Тик-Так, пока не сильно обеспокоенный, решил, что Эллис занята и вернулся через час.

— Похоже, ты не понял — тебя не велено пускать. Совсем. Прости, дружище — бабские интриги. Та девка, что зовется Ритой, с твоей невестой заперлась в светелке наверху, и не выходят обе. Стучали мы. Но Эллис нас послала, мы принимаем ванну, говорит. Какая-то фигня там происходит.

— А завтра? Завтра меня впустят? — недоумевал клоун.

— Наврядли. Рита, чтоб ей пусто было, конкретно приказала — клоуна взашей.

— А что сказала Эллис?

— Промолчала. Но я не слышал слова возраженья.

Тяжелая алебарда преградила путь во дворец. Тик-Так опешил.

— Ушам своим не верю! Я сошел с ума? Или, быть может, ты свихнулся? Прими лекарство, исцелись скорее и пропусти меня. Не стой же, как скала и убери преграду.

— Я не могу, сам понимаешь — служба.

— Пусти меня тогда хоть к Кити, пусть она даст разъяснение!

Гвардеец возмутился:

— Что за персона ты великая такая — давать тебе отчет? К тому же Королевы нет. Они летают, — гвардеец поднял лицо к небу, словно рассчитывал увидеть там Кити и ее супруга.

Сдаваться вот так запросто — да ни за что!

— Тогда мне нужен Кот. Он все расскажет, — клоун старался сдерживать ярость и говорить как можно вежливее.

— Нет шансов, друг, наш Кот при Рите этой. Сам понимаю, что-то тут не так. Кота я знаю хорошо. Он сучий хвост отменный, и просто так не станет липнуть к бабе. Тут у него серьезный интерес. Почище лежбища. Коварный Кот, предатель и изменник.

Получив пару сочувственных ударов по плечу, Тик-Так вынужденно убрался восвояси.

Все так запуталось, что стало просто нелепым. В смятении Тик-Так метался по улицам, схватившись за голову. Трагизм в его смешной фигуре не читался, и эгровцы решили, что это новая потеха, и, улюлюкая, бежали вслед за ним.

— Отстаньте, что вам надо? — отбивался клоун, но слышал только смех.

Пришлось схватить кирпич и погнаться за эмокуклами и мишками. Поначалу они визжали от восторга — ну как же, это ведь игра такая, почти пятнашки. Губка Боб спохватился первым, поняв, что клоун по-настоящему не в духе, и угнал эгровцев, как стадо, подальше от взбесившегося шутника.

Тик-Так хотел найти Геро. Но корноухий мишканец поведал ему, что тот не выходит из пещеры Мании в Пике Наслаждения. А Нюша прячется в квартире и даже носа не кажет на улицу.

— Проклятье! Я совсем один. Никто мне не поможет.

— А вот, дружище, как бы и не так.

Мишканец Тедди скромно приблизился к Тик-Таку и робко поглядел на него.

— И чем помочь ты сможешь мне? — в его положении любой совет был не лишним.

— Подозреваем мы, все мишканцы, все эгровцы, а больше всех, конечно, Губка Боб, что Рита нас погубит. Боимся мы ее. Она кричит на нас и

оскорбляет. А смотрит так, что мы седеем. Вот, погляди — на морде шерсть, там шесть есть белых волосков. А море — вдвое хуже Риты. Его боятся все. Но молча, а я вот трепещу, но говорю. Беда грозит нам...

— Что мне беды ваши! Я с Эллис повстречаться не могу! Я умираю!

Он действительно упал и замер, как мертвый. Лежал, безмолвно плача. Глядя в небо. И дергая ногами.

— Мне даже умереть нельзя без воли посторонней. И вечно кто-то все решает за меня. Как мне без Эллис жить? Увидела она себя в наряде подвенечном, красивую, как ангел непорочный, и решила — зачем ей клоун страшный и нелепый. И бросила меня. Теперь я одинок, смешон и жалок. Кто меня полюбит? Не нужен мне никто — одна лишь Эллис. И даже если рок злой занесет меня в окраины вселенной, и даже если в сумрачном лесу бродить я буду тенью полуночной, всегда я путь обратно отыщу — мне светом путеводным будет лишь любовь к тебе, о, девочка моя, о, крошка Эллис.

Я гибну без тебя. Что же делать?

На этот раз ему удалось запомнить часть сна. Ощущение горькой обиды теперь не оставляло Сою. Он заметил, что боится смотреть в зеркало и ловит на себе странные взгляды прохожих. Ему казалось, что над ним смеются.

Глава 12

Лемеш, или Убить Эмомир

В этот же день, лихорадочно прошерстив свою записную книжку, Соя встретился с коллегой по цеху, писательницей Лемеш. У него не было большой уверенности в том, что от этой встречи будет прок, но он надеялся на чудо. Лемеш была той соломинкой, которая могла бы вытянуть его из болота. Но на соломинку она оказалась мало похожа — подростковая тощеватость канула в Лету еще пару лет назад.

Назначив встречу в кафе, Лемеш споровисто выбрала пару пирожных по объемистей и чашку кофе. Порционный сахар в бумажной упаковке положила на край тарелки. Неужели утащит с собой?

Изложив свой замысел, Соя ждал ответа с самым безмятежным видом.

— Написать финальную книгу трилогии об Эмомире? Даже не знаю. Это любопытно. Но проблематично. Я ведь читала только одну вашу книгу. И, признаюсь честно, — это сложно для меня. Мне близка только история

про смерть Егора. Чудовищно. А про секс я вообще писать не могу и не стану.

Помешивая ложкой давно растворившийся сахар, Соя не унывал. Отказать не отказалась, значит думает.

— И еще — Эмомир у нас совершенно разный. Я ведь про друзей писала. Что-то происходило, а я записывала. И Стася умерла. Вы же знаете...

О том, кто такая Стася, Соя не имел ни малейшего представления. Он читал совсем другую книгу Лемеш, точнее — рукопись, там был Панк, который пришелся ему по душе, но как выяснилось, и его кровожадная Лемеш тоже прибила.

— Панка жалко, — деликатно напомнил Соя, в то же время нервно вспоминая подробности — застрелили? Утопили? Нет, вроде бы зарезали.

— Мне тоже. Очень. Но тот, с кого он был написан, теперь со мной. Точнее, я с ним. При нем. В общем, мы поженились. Сурикат.

Возникло острое желание выругаться. Причем тут грызун? Но главное, не прерывать диалог. Черт с этим сурикатом. Главное — книга.

— Вот если бы ваша Стася смогла попасть в мой Эмомир, — как бы задумавшись, забросил удочку Соя.

Он ожидал чего угодно, но не такой реакции.

— Это просто. У нас есть кладбище любимых старых вещей. Когда-то ребята заставили меня там похоронить пепел от книги «Убить эмо». В воспитательных целях.

Решив, что Лемеш окончательно чокнулась, Соя воспрянул духом. С психами проще договориться.

Ну, точно — пакетики сахара отправились в черную сумочку, которую украшали два скорпиона, сверкая фальшивым серебром.

— И что? — немного растерялся он, не догадываясь, причем тут пепел и кладбище.

— Мы прямо завтра там же сожжем ваши книги и все дела, — терпеливо пояснила Лемеш, стараясь не чавкать заварным кремом.

Почувствовав себя на миг слабоумным, Соя занервничал. Вдруг шиза Лемеш заразная?

— Мне что-то не хочется сжигать свои книги, — признался он.

— Вам и не надо. Занимайтесь своими делами. Поверьте, оно само собой все сложится, как нужно.

У этой дурной писательницы был такой уверенный вид, что Соя согласился. Пусть жжет. Но как же быть с рукописью? Сроки все вышли, и не вчера, а гораздо раньше. Но Лемеш и тут обнадежила:

— Я сумею. А вы мне поможете, если я наложу, ладно?

— Лажай. Пиши. А сколько времени тебе на это потребуется?

— Пара недель. Быть может, месяц. Буду наблюдать и записывать.

За чем она собралась наблюдать, Соя уточнять не стал. У каждого свои причуды. Главное — результат.

Сообщение с прикрепленным фото пришло в пять утра.

«Сожгли.».

На фото какие-то забавные типы в кошмарной одежде. Жгут «ЭмоБоя» и «ЭмоБоль». Была еще какая-то толстая книга, но ее названия он не смог рассмотреть.

— Вот дура, лучше бы прочитала сначала, — расстроился Соя, пожалев, что подписал обе книги.

Сон Геро был странный.

Ночь. Луна едва подсвечивает верхушки деревьев. Три фигуры — непонятно, мужчины это или женщины, в темноте можно разглядеть только их силуэты — роют яму. По очереди, одной лопатой..

Горит костер. Двое выдирают из книг страницы и скармливают их пламени. Вроде бы книг три. Листы, подхваченные теплым воздухом, корчатся и взмывают вверх, став затейливым пеплом. Третий участник сожжения ловит удирающие страницы и аккуратно отправляет пепел в яму. Один из двух, тот, что крупнее, жульничает — решает бросить в огонь целую главу, а то и две, но они не сгорают, а лишь обугливаются по краям. Недолго думая, он подсовывает недогоревшие листы в яму, подгребает ногой землю и присыпает их.

Как только топливо закончилось, троица закопала костровище, спрятала лопату, и тут Геро проснулся.

Глава 13

Зло в Эмомире

— Дикость. Нацисты, что ли? Жечь книги! Как они так могут?

— Ты проснулся? — нежно спросила Мания.

Она не спала, просто подстраивалась под Геро. Гибкая гуттаперчевая Мания.

— Да. Такой кошмар приснился.

— Иди ко мне — я помогу тебе его забыть, мой мальчик.

Давно забыв про смену дня и ночи, Геро делил дни на сон и после сна. Спал часто. Просыпался и прижимал к себе Манию. Она была совсем как Кити, тонкая и ласковая, нежная и отзывчивая во всех отношениях. Не то,

что Нюша, которая даже в постели думала, как она выглядит со стороны, и постоянно стремилась принять самую соблазнительную позу.

— Я слышала, что бедный наш Тик-Так вчера пытался удавиться на галстуке своем, — сообщила Мания Геро, когда он отвалился от нее с глухим рычаньем.

Геро встал с постели. Выглянул из пещеры, что пряталась под самым острием Пика Удовольствия. С высоты город выглядел игрушечным.

— Вот бедолага! Что, удачно? — угрюмо спросил Геро.

— Нет, слава ЭмоБогу. Висел он долго и упорно. Даже посинел. Но какой-то мишка под ноги ему свою подставил спину.

Вообразив, как это выглядело, Егор огорчился от того, что захотел рассмеяться, словно кто-то в его груди сходил с ума от веселья. Смех получился истеричный и слишком громкий. На три восклицательных знака, не меньше.

— И что потом?

— Приплелся Кот, глумился долго, выбил мишку из-под ног. Но асфиксии не случилось. Лишь из орбит глаза повылезали. Еще чуть-чуть, и он бы стал, как я. Тебе мое лицо не кажется противным?

— Нет. Видел я картин готических немало. Средь них полно портретов акварелью, похожих на твое лицо. Написанных кровавыми слезами, подтеками из красоты и боли. Хоть я не гот — мне нравятся такие лица. Больные, как моя душа. Отражена в них красота страданья.

Мания кивнула. Ей захотелось узнать ответ на важный вопрос, который ее тревожил. Подумав, что момент подходящий, она решилась.

— Ты с Игорем не хочешь подружиться? Ведь он мне сын, и был бы он тебе хорошим другом.

— Скорее я себе отрежу уши.

В воздухе повисла напряженная тишина. Мания и Геро одновременно поняли, что между ними больше ничего нет и не будет, кроме этой тишины. Все кончено. Издалека послышался звук набата, словно кто-то бил тревогу.

— Странно это. В убогом вашем мире вроде нет колоколов. Пойду-ка посмотрю, что происходит, — Геро оглянулся на Манию.

— Сходи. Потом мне все расскажешь. Если вернешься.

На площади собирались эгровцы и монотонно и громко хором издавали крик «Боммм!», призывая всех жителей собраться у памятника ЭмоБою.

— Друзья! И Королева наша! А так же Игорь, наш Король! Все мы по поводу ужасному собрались. Недобрый час настал.

Все расступились. У подножия памятника лежало растерзанное и обезглавленное тело мишки Тедди.

— Потрошонок, — Кот с нездоровым любопытством рассматривал труп.

— Нам нужно выяснить, кто это сделал, и наказать злодея по закону, — провозгласил Губка Боб.

Все тут же вспомнили, что с законами в Эмомире скучновато — их попросту не было.

— Чур — я судья? Нет — прокурор! Завидная судьба быть прокурором — придики строй и обвиняй, а лучшетонко оскорбляй свидетелей, они так бесятся забавно, — тут же заявил Кот, подумал и добавил: — Нет, буду защищать. Судить и защищать. Сначала засужу, а позже оправдаю. Могу быть в роли палача, но только на полставки. И соцпакет потребую, конечно. К нему два выходных и даже премию к началу года. И бонус за невиданные муки, в которых я большой специалист.

Мишки Тедди подняли ропот. Они не поняли и половины сказанного, но по деловитому тону Кота заподозрили неуважение и подлость.

Клоун подошел к Коту с весьма угрожающим видом.

— Не смей глумиться над мищуткой! Я знал его. Ведь это он под ноги кинулся ко мне, когда я...

— Когда ты как мешок болтался. Дурашка тряпочный подумал, что он тебя спасет, — хихикнул Кот.

— Он рассказать мне все хотел о ком-то нехорошем, но не успел, — сокрушился клоун.

— Хотел бы — рассказал. Привычка мялить так несносна, — Кот сбавил обороты — рядом встала Кити.

— Я бы его спасла, я заново его бы сшила, — Кити собрала то, что осталось от медвежонка, — но надо голову его найти.

— Моя не подойдет? — тут же предложил один из мишек.

— Нет. Голова нужна мне именно его. Займитесь поисками, — Кити отдала приказ, мало заботясь о том, кому именно, но не сомневаясь в исполнении.

Почуяв опасность, гвардейцы не отходили от Королевы, стараясь осторожно вывести ее и Игоря из толпы.

Геро наблюдал за Ритой, которая обнимала Эллис за талию одной рукой. По-мужски. По-хозяйски. Уверенно и крепко. Эллис краснела и смущенно озиралась. На них косились, но без явного осуждения.

Тик-так, возмущенный гибелью корноухого мишки, пока еще не видел их. Вот он замечает, что все смотрят ему за спину. Подтягивает спадающие штаны. Оборачивается и издает горестный вопль. Закрывает лицо руками так сильно, что они белеют.

Площадь медленно опустела. Губка Боб криками подбадривал мишек и эмокукол, распределая районы поиска головы трагически погибшего Тедди.

Геро стоял в тени памятника и надеялся, что клоун его не видит. Ему было жаль друга и он вдруг подумал, что для Риты такое сволочное поведение и типично, и необычно одновременно.

— Эллис! Как ты могла? Опомнись! — патетически вскричал клоун, заламывая руки.

Рита, выглядевшая более по-королевски, чем Кити, коварно и самодовольно улыбалась. Торжествующая подлость!

Нюша стояла в отдалении и не сводила глаз с Геро.

Тик-Так, растопырив короткие руки, кинулся на Риту, явно рассчитывая выцарапать ей глаза. Та увернулась одним ловким движением и подставила ему ногу. Клоун упал лицом вниз икогда наконец поднялся, его нос представлял собой довольно печальное зрелище — окровавленный, ободранный и распухший, он вызывал уже не смех, а слезы. Эллис смотрела на Тик-Така с состраданием и ужасом.

— Да! Я — урод! Но ты меня таким и полюбила! — он зарыдал.

Эллис хотела сказать слова утешения, но не нашла их и тоже заплакала.

— Ты плачешь из-за этого фигляра, душа моя? — поинтересовалась Рита. — Он того не стоит. Или жалеешь ты, что свадьбы не случилось? Нет, конечно. Знаю — тебе противно даже думать, что ты могла отдать себя во власть такого существа! От жалости к себе ты плачешь.

Замотав головой, Эллис пыталась объясниться, но Рита уверенно увела ее обратно во дворец.

— Как подло, — обессилено сказал Тик-Так Геро.

Тот хотел его утешить, но клоун только отмахнулся и уныло поплелся прочь, размазывая слезы по огромным щекам.

— Подло, — вдруг повторила Нюша.

Геро решил, что она обращается именно к нему, и обернулся.

— Что? Ты это мне? — растерянно спросил он.

— Знаешь, — спокойно сказала Нюша, — а вы ведь все тут дураки. Вы жизнь свою наладить не сумели. Болтаетесь, бессмысленно страдая. А я живу! Я лучше всех вас! Я жить умею и счастливой быть хочу! И никого не мучаю при этом.

Ее убежденность в своей правоте поразила Егора.

«А может, барбикенка права, и нужно просто жить и радоваться жизни. В пустых страданиях нет цели, а смысл жизни в жизни, желательно счастливой, — думал он, нехотя плетаясь к Мании, в мгновение ока ставшей из преданной любовницы матерью злайшего врага.

Глава 14

Стася

В поисках головы погибшего друга один из мишек Тедди добрел до пляжного кладбища. Рука барбикена — та самая, которую Нюша величала «перстом судьбы» — снова потеряла равновесие и теперь плашмя валялась на могильном холме.

— И тут нет. Кажется, я догадался — злодей закинул ее в море. Но там ее нам не найти, — сообщил он сам себе и устало сел на край могилы.

Вид моря его угнетал. Оно как прорва, в которой сгинуть может что угодно, не только голова медведя.

— Как странно — он погиб и стал героем. Трагическим. Посмертным. Нам повезло — наш собственный герой. Жаль, что пока об этом он не знает, — будучи оптимистом, Тедди надеялся, что голова отыщется, и Кити оживит героя.

Внезапно могильный песок зашевелился. Сначала с вершины холма потекла первая тонкая струйка. Потом шевеление переросло в микроземлетрясение. Мишка заорал, кинулся бежать, но упал, споткнувшись.

— Спасите, убивают! — он крепко держался за голову, решив, что ее прямо сейчас оторвут.

Из могилы показалась нога. Босая. Пальцы шевелились, стряхивая белый песок. Мишка приоткрыл глаза. Нога дернулась. И тут из могилы начало выбираться чудовище.

— Могу ли я, хочу ли я, говно ли я... Магнолия, — злобно проворчал голос довольно молодой и бесповоротно голой рыжей девушки.

Мишка кинулся наутек.

Прижимая руки к животу, девушка села и встряхнула волосами, как обычно поступают мокрые собаки.

Руки проверили целостность кожи, которая должна была лопнуть после удара грузовика. Кишки не выпали, и это радовало. Но огорчало то, что легкое расстройство личности все-таки присутствовало в виде серьезных пробелов в памяти. Причиной которых стала халатность Лемеш и ее друзей. Они ведь жгли не только книги Сои. Ребята спалили целиком первую книгу про Стасю и только частично ее продолжение. И пепел книг перемешался не до конца.

Стася умерла. Нелепо, в момент, когда надеялась на спасение. Мир погас, а теперь вернулся в таком непривычном обличии.

В принципе, теперь это уже не имело ровно никакого значения.

— Я тут. Это я. И мне нужно во что-то одеться, — решила она, вспомнив, что кроме пепла в яме были какие-то шмотки, брезговать которыми сейчас не имело смысла.

— Там была могила. Тут могила. Интересно, а меня похоронили или сожгли? — приговаривала она, выуживая из песка старое драповое пальто Танго, художественно пожранное молью, иштаны Вайпера, заношенные до изумления. Приложила к себе — размер был примерно подходящий, разве что чуть длиннее, чем нужно. Но поскольку низ обтрепался до состояния бахромы, оторвать лишнее было несложно. Жаль, что теперь джинсы получились, как в древней песне.

— Одна нога была второй короче, другая деревянная была, а левый глаз фанеркой заколочен, а правым она видеть не могла, — напевала Стася.

Про вонючую речку ей петь не захотелось, потому как пахла она сама, скажем прямо, не розами.

— Жуткие портки. Уж не помню, чем они ему были так дороги. А вот и мои легендарные кедосы. В красную клетку.

На одном подошва лопнула, а на втором отвалился резиновый нос. Зато оба были со шнурками.

Рассчитывать на трусы было слишком оптимистично.

Пошарив в песке, Стася наткнулась на что-то мягкое.

— Посмотрим, может, свитер?

Потом она долго орала и прыгала, отряхивая руку, к которой прилипли чьи-то волосы.

— Ты что подсматриваешь? — строгий вопрос относился к отважному мишке Тедди, который действительно подглядывал из-за дальней могилы.

— Ты меня спрашиваешь? — спросил недружный хор.

Немало удивленная такими вокальными данными далеко некрупного тряпочного медведя, Стася решила поскорее одеться.

Преодолев брезгливость, она начала облачаться в грязное пальто. Изредка поднимая глаза и замечая, как из своих укрытий на нее смотрят такие же мишки.

— Не стыдно вам, а? — отвернувшись, она быстро натянула джинсы.

— Нет. А чего стыдиться? Мы вот без одежды ходим. Тут не холодно.

Действительно, холодно не было. Если бы Стасю сейчас спросили, какой примерной отметки достигает температура окружающего мира, она бы не смогла ответить — температура была никакая. Наверное, ей было бы комфортно даже голой, но одетой все-таки привычнее.

— Вы что, купаться собирались? — Стасе стало интересно, по каким таким делам ожившие игрушечные мишки ходят скопом.

— Нет. Купаться тут запрещено, — предупредил отважный мишка.

— Понятно, и тут с экологией фигово, — огорчилась Стася, которой вдруг стало нестерпимо жалко, что моря при жизни она так и не увидела.

Осмелев, мишки выбрались на открытое место и наперебой начали рассказывать о своих злоключениях.

— Голова? Позвольте. Тут была какая-то башка.

Стася не хотела еще раз копаться в могиле, но что поделать? Надо же угомонить эту компанию.

Она рыла как фокстерьер, выбрасывая на поверхность части тел барбикенов. Легла животом на песок, засунула руку поглубже и принялась шарить в могиле, едва сдерживая тошноту. Радуясь, что тела не начали разлагаться.

— Блин горелый. Меня реально щас вырвет. Аааа! Вот она! — метнув в медведей невероятно грязной головой, как мячом, обрадовалась Стася.

Ей думалось, что они разбегутся, вопя от неожиданности, а нет — схватили трофеи и заверещали:

— Ура! Герой спасен! Мы побежали к Кити. Он будет весь как новый, и почестями мы его окружим. Быть может, Кити даст ему медаль?

Гурьба мишек, поднимая облака пыли, умчалась туда, где виднелся город.

— Медаль? Для головы? Три ордена на шею и барабан туда же, — сердито проворчала Стася, немного жалея, что медведи свалили.

Стало тихо. Стася вдруг подумала, что она мало что может без своих друзей — всех тех, кто остался в реальном мире. Села. Постучала кедами друг о друга, чтобы вытряхнуть попавший внутрь песок. Обулась. Для порядка засыпала могилу. Получилось не очень красиво — соседние холмики выглядели гораздо аккуратнее, ко всему прочему на них были выложены узоры в виде сердечек из белой гальки. Привычных ядовитого цвета букетов из мертвых цветов не было совсем. Только покосившаяся рука торчала из соседней могилы

— Жесть. Кого-то не совсем закопали, — решила Стася, — или он был еще жив, пытался выбраться, да так и помер.

Появилась мысль, что она угодила в мир некромантов. Которые оживили мишек, создали искусственных людей-уродцев, а потом их всех переубивали нафиг.

— Создатели — они такие, если результат дермовый, могут и уничтожить. Или пойти в новое место и создать что-то другое, получше. Неплохо бы узнать, как они относятся к почти живым людям. Кровь пить не дам. Пусть и не мечтают.

Однако для начала следовало выяснить, есть ли у нее вообще кровь. Но расковыривать кожу было нечем, да и не хотелось. Зато хотелось вымыть руки.

Стася подошла к воде. Наклонилась. Протянула ладони, почти дотронувшись до поверхности. Но замерла — Вода словно ухмылялась. Мол, что, смелая такая? Давай, попробуй. Как только мы встретимся, я утяну тебя на глубину и растворю на биллион молекул.

Стася поверила интуиции и решила оставаться грязной. Но зверски жалела об отсутствии трусов и лифчика. Оставалось надеяться, что в городе найдется добрая душа и подарит ей что-нибудь из одежды. Если что — можно и отработать. Вдруг, им дворники нужны? А что — однажды она пыталась устроиться дворником, только вот вместо нее взяли какую-то алкоголичку. Нет, скорее всего, тут обитают одни медведи, во главе с какой-то Кити, а они, как сами признались, голыми ходят.

— Спешите поглядеть! Дрессированные медведи и огородное пугало! — звук собственного голоса ее взбодрил, отогнав страх перед морем.

Набрав горсть песка, она кинула его в воду. Море зашипело, как вода на раскаленной сковороде. Вздохнуло с громким стоном, словно давно ждало подношения. Песок плотной горстью покачался на поверхности и утонул.

— Ох, ни фига ж себе! — громко высказалась Стася и поспешила сделать шаг от воды, которая заметно приблизилась к ее ногам.

Ветра не было. Не было волн. Только в том месте, где утонул песок, происходило какое-то бурление.

— Кити, это же из «ЭмоБоя», — вспомнила Стася, — там еще Егор был. Ну и ЭмоБой. И клоун. И Рита. Хотя нет, в Эмомире Риты не было. Там какая-то злотрахательная бабочка правила. Но вроде бы от эмоций должны зверюшки и прочие чудеса возникать.

Зверюшки — это уже любопытно. Она обернулась. Ее новорожденный Ох-ни-фига-ж-себе сидел на могиле и глодал руку, которую Нюша постоянно втыкала в песок.

Он отвратно выглядел. Напоминал кикимору, преждевременно состарившуюся от дурного характера. Еще он почему-то напоминал ей карликового Охлобыстина, того, который слегка поп, но больше актер. Ко всему прочему, монстрик оказался голым и ярко выраженного мужского пола.

— Даже наволочки нет, — сокрушилась Стася, сооружая набедренную повязку из обрывков джинсов и шнурков кедов.

— Пошли, нечего тут одному ошиваться, — Стася решила, что раз она случайно создала такого нелепого монстра, то обязана его опекать.

Прихватив с могильруку **барбикена**, Ох-ни-фига-жсебе поплелся за ней. Город встретил их удручающей пустотой и запущенностью.

— Печалько. Ну, ничего, по моим сведениям тут где-то должен быть замок Королевы.

Стася поглядела сверху вниз на своего спутника и окончательно расстроилась.

— Ну и урод же ты.

Порылась в карманах пальто, нашла пользованный и забытый Танго носовой платок, сложила его треугольником и повязала Оху на манер косынки.

— Ехали кошмарики на воздушном шарике, — сообщила она городу. — Пойдем, горе мое, замок искать и Кити. Как-нибудь разберемся, что тут и как.

Глава 15

Сделка

Кот из-за всех сил изображал услужливую занятость: вытирая пыль рукавом своего нового узорчатого камзола, несколько раз двигал туда-сюда стул, потом вдруг вздумал проверить, нет ли чего лишнего на шкафу, — полез на него, зацепился карманом за ручку двери и порвал свой наряд с неприличным треском.

— Достал, котяра. Что ты там вошкаешься, словно мышь? Не видишь — Королева размышляет, — обнаженная Рита лежала на кровати, лишь слегка прикрывшись шелковым покрывалом.

— О чём? Как и все тут — о любви? — прикидывая в уме, нужно ли починить прореху или так симпатичнее будет, спросил Кот.

— О любви? Смешной вопрос. А ты уверен, что тут только о любви и грезят. А ты? Ну, котик, расскажи своей хозяйке и Госпоже, кого ты любишь?

— Вас, конечно, — с завирадской мордой елейно ответил Кот, преданно глядя в глаза Госпожи.

— Лжешь ты, исчадье Ада, — Коту показалось, что она огорчена совсем не его словами. — Вот шкуру я с тебя сдеру, посыплю солью, поперчу, зажарю, съем, а чучело твое заброшу в море вместо жертвы.

Ошалев от таких радужных перспектив, Кот полез на злосчастный шкаф, где затаился, как то самое жертвенное чучело.

— Чисто технически так поступить, конечно, можно, — мяукнул он, — но стоит ли? Я верный ваш слуга.

— Ты — верный? Если только в прошлой жизни. Кого же ты любил тогда, алхимик драный? А, как же — знаю. Вертлявая блондинка вся в кудряшках. Рот-бантик. Хитрющая, как устрица.

Кот растерялся. Неужели он мог влюбиться в устрицу? Он даже в кошачьем обличии не любил морепродукты не рыбьего вида. А Рита продолжала злиться.

— Плевать мне на твою любовь к той нервной суке, которая тебя же и сгубила. Она в Аду, не в этом, в настоящем. Где тепленькое место и для меня, и для тебя всегда готово. Ты здесь лишь потому, что я тебя с собой из Ада прихватила.

— Напоминать излишне, и так помню, — со шкафа Госпожа выглядела не такой опасной, и Кот приободрился.

— Мне кажется, у нас проблема. Подозревать всерьезменя начнут вскоре. И планам нашим помешают. Пора мне нанести визит в Реал, в Италию. Там есть одна дуреха. Из Ада вырвавшись повторно, я одолжила ее образ в ее же снах, чтобы попасть сюда. Она, конечно же, не ведает об этом. Зато теперь она поможет мне перетащить сюда мое прекрасное обличье, и отвлечет вниманье от моей особы на себя. О, как же я соскучилась по крыльям. Я в этом жалком теле, как в Аду.

— Ад, будь неладено! Вот если бы при жизни мне сказали, что после смерти мы получим мир, в который верим, я бы себе такое напридумал... — Кот размечтался. — И не один, а два, три мира. И правил бы как тройственный король. Жаль, голова одна, мне нравится идея трех корон.

— Ты — идиот. Поверить истово не каждый может. Это величайшее искусство, и не у каждого такой талант, чтобы удержать в сознании свой сокровенный мир. Особенно в минуту смерти. Все в тот миг психуют.

— Я бы сумел. Но верил в Ад. В наш век о нем все только и болтали. Картинки всякие ужасные, рассказы. Смешно — живые люди сотворили в жизни Ад и Адом после смерти нас пугали. А как горели ведьмы на кострах! Как все тогда я веселился и не жалею вовсе ни о чем! За грош прикупишь сушняка вязанку, подбросишь в пламя, а ножки нежные как вспыхнут! Я после приходил полюбоваться на черный остов, что с утра был девушкой прекрасной. И даже в инквизиции застенки захаживал я иногда для бодрости ума. В любой момент я мог попасть легко туда. И знал прекрасно — накропали бы донос, прошел бы я еретиком в застенки. Ну, а пока с вельможами дружил и добывал им философский камень, ходил, как гость. Когда потом из пыточных покоев придешь домой и сядешь за работу — алхимия так спорится легко! Пока жена не позовет обедать.

— Ты не любил поесть?

— Нет, аппетит был знатный. Фазан, баранья ножка, ветчина, сыр со слезой... Кухарка вида страшного, но кулинарила отменно. Но слушать бред из милых уст — увольте. Жена обед испортит весь враньем, намеками на флирт и требованием денег. А рот не бантиком — куриной гузкой был, я вспомнил. И башмаки гигантского размера. Она стеснялась этого дефекта и ставку делала на бюст.

Растопырив лапы, Кот попытался показать размер груди своей супруги и едва не свалился со шкафа.

— Ну, хватит трепа. Мне пора за Ритой. Она сумятицу внесет в умы всех здешних. А это мне и надо.

— А согласится ли? — на самом деле Кот не сомневался, что она сумеет уговорить кого угодно.

— Посмотрим. Я пошла. Ты не скучай. Про Ад подумай... Так любишь ты действительно меня?

— Конечно, Королева! — Кот смутился.

Шелковое покрывало медленно скользнуло на пол с кровати, хранящей тепло ее тела. Кот тяжело вздохнул и спрыгнул со шкафа. Намек насчет Ада он понял. Если его хозяйка не сумеет сговориться с Ритой, если провалятся ее планы, и ей, и ему придется возвращаться туда, где он на собственной сгоревшей шкуре узнал, что чувствовали юные ведьмы на кострах.

Предприимчивая маман Риты обзавелась на Апеннинах недвижимостью, которую в России непременно обозвали бы хутором на выселках. Надостаточно скромных размеров участке возвышалось каменное одноэтажное строение с прилепленной к нему деревянной пристройкой в два этажа, к которой в свою очередь потом пристроили нечто одноэтажное и кривое, да еще и с голубятней наверху. Голуби давно разлетелись, а вместо них поселилась мелкие и постоянно щебечущие птички, вид которых Рите был незнаком. Ночами ухала сова, но где она обосновалась, выяснить так и не удалось.

Рите дом показался живописным. Особенно та его сторона, где густой плющ укрывал стены зеленою, но явно нуждающейся в уходе шубой.

Соседи к земле относились практически — что-то выращивали и кого-то разводили. По крайней мере, оливок всяких и фруктов у них явно было вдоволь. А Рите достался клочок выжженной солнцем земли, один только вид которой должен был вызывать негодование и отвращение.

Мать искала себя в городе Брешиа, путь до которого на машине занимал пару часов. Искала, но не находила. По всей видимости, новый любовник не оправдал ожиданий. Ее мягкая натура требовала активных

действий: найти, соблазнить, удержать. С последним не получалось — удерживаться пока никто не желал. А ведь она так старалась! Отчасти потому, что очень хорошо понимала, что годы уже не те и красота ее медленно, но верно увядает, особенно в таком теплом климате.

Рита считала, что мать похожа на крысу, которая бежит по лабиринту из раскаленных сковородок, и за спиной у нее — мешок с деньгами. Мешок порвался, монеты высыпаются, а крыса от этого бежит все быстрее. Надеясь успеть к выходу не с пустыми руками.

В общем, Рита была предоставлена самой себе, что ее вполне устраивало. В жару ночевала на крыше. Днем качалась на качелях, огромных и скрипучих. Приятное времяпровождение — голова не кружится, но ощущение невесомости есть. Дольчефарниентэ! Оказывается, можно часами качаться и дремать, не думая ни о чем. Одним словом, каникулы души и тела. Затянувшись. Не слишком-то эффективное лекарство от безответной любви.

— Пока не соскучусь, буду здесь, — Рита для себя еще не решила, по чему или кому именно она должна соскучиться.

Вероятно — по городу. По общению с людьми. Пока для разговоров ей хватало трех многоцветных кошек, тощих и блохастых, с мудрыми мордами и острыми когтями — не погладишь, но беседу вести вполне себе можно.

Большую часть времени она предавалась воспоминаниям. Закрывала глаза, ловила ощущение движения — качели, как волны. Перед глазами мелькали картинки — Катя, Егор, Егор и Катя, она и Егор, она и Катя. Комбинирование образов завораживало. Иногда среди них появлялся ворон, который остался в Питере. Рита надеялась, что поступила правильно. Птице вряд ли понравится перелет в клетке, да и не хотел он покидать квартиру. Так и сказал — «нет». Теперь они общались только по телефону. Девушка, что снимала ее квартиру, подносила трубку как можно ближе, и Рита слышала, как ворон высказывается по поводу отсутствия хозяйки. Громко говоря «Королева — дура». Ну просто попугаем заделался.

Решение об отъезде из Питера было принято спонтанно. Катя стала недоступна. Она сделала выбор и упорно не собиралась от него отказываться. Хотя Дэн ей не пара, но это было только Ритино субъективное мнение. Сколько усилий понадобилось, чтобы объяснить самой себе — прошлое в прошлом, ипрежняя Рита умерла. А новой Рите придется жить иначе. И лучше всего в Арктике, но раз есть Италия, и нас туда зовут — почему бы и нет?

К тому же прохлада итальянской ночи обладала чудесным оживляющим эффектом. Она была совсем не такая как в Питере, где ночь чаще всего похожа на озноб. Другая прохлада, оживляющая. Когда на

почерневшем небе становился виден Млечный путь, Рита потягивалась, как кошка. Ей казалось, что она провела насыщенный трудами день, только лишенный типичных волнений и тревог.

Иногда в полудреме Рита открывала глаза и вспоминала — пора поесть. Тогда она пила крепкий сладкий кофе с пахучим хлебом и сыром, которые приносила добрая женщина, нанятая матерью присматривать за продуктовым запасом Риты. Женщина не одобряла скучный аппетит подопечной, как и ее полусонный образ жизни. Сжимала губы в ниточку, хмурила брови, но ни разу не сказала ни слова. Только жестами показывала — надо есть. Рита вежливо кивала.

Мир сузился. Пусть и не римские каникулы, ломбардские. Ломбардия — в ломбарде я! Идеальное названия для места, где ты хочешь ощутить себя ненужной и забытой всеми вещью. Оставленной наедине с мыслями о мертвых и тех, кого она, скорее всего, никогда больше не возьмет за руку.

Если верно, что страдания очищают душу, то со дня на день душа Риты должна была стать кристально чистым родником, из которого грешно пить. Однако Рита думала иначе. От страданий душа мутнеет и иссыхает, как осенние листья. И нужно много тепла и терпения, чтобы она восстановилась. Мысли о том, что по сути ничего страшного с ней не случилось, а вот кого-то, например, настигла страшная болезнь или еще какая-нибудь беда, не утешали. Наоборот, Рита раздражалась при мысли о чужих несчастьях. Она начинала ненавидеть Создателя за вселенскую несправедливость.

— Ну почему он создал меня такой? Была бы как все, с незатейливыми требованиями к жизни.

Тут фантазия заканчивалась. Незатейливая жизнь Королеву Ритуал не устраивала ни под каким соусом.

— Зато у меня было много дней счастья с Кити. И никто у меня их никогда не отберет! — твердо решила она, раскачиваясь на качелях.

— Привет.

Рита нехотя открыла глаза.

И тут же вытаращила их от удивления.

— Ки ту?* — легкохамство Риты объяснялось немыслимой похожестью незнакомки на нее саму. Второй шок Рита испытала, когда поняла, что на той был тот наряд, который когда-то придумала и сшила Рита для прогулок с Катей.

* Кто ты? (ит.)

— Маргитта. Звучит почти как Маргарита. Мы с тобой родня, но не по крови, хоть я почти что ты, но тебе нечего бояться, — располагающим голосом вербовщика в секту на чистом русском сообщила незнакомка.

— Глюки? Я перегрелась? Перекачалась на качелях? Или это от голода? — предположила Рита, рассмотрев Маргитту и сочтя ее стильной, но слишком подозрительной галлюцинацией.

— Не совсем. Но дело-то не в этом. Я тут по поводу Егора...

Как кошка, ловко спрыгнув с качелей, Рита схватила Маргитту за совершенно реальные плечи и затрясла.

— Егора? Ты пришла смеяться надо мной? — Рита поняла, что воображение играет с ней злую шутку.

Маргитта застыла истуканом от такой вопиющей бесцеремонности. Она стояла и ждала, пока ее не перестанут трясти, как грушу.

— Прости. Я не права, — опомнилась Рита.

Отступив на шаг, гостья перевела дыхание и улыбнулась.

— Егор, конечно, умер. Но если ты хоть каплю веришь в Кити и в ее мир...

— Сопливый Эмомир? Тот, что из книги Сои? Ерунда, — неуверенно возразила Рита.

— Катя в него не только верила, но в нем и побывала. Она там и сейчас. Вернее, не она — ее проекция, известная тебе, как Кити, — объяснила гостья, поняв, что ее сейчас снова будут трясти. — И там Егор, и он страдает. Ты им нужна. Твою проекцию могу перенести я в Эмомир, оставив тело здесь.

Рита присела на качели. Ей было просто необходимо вернуть душевное равновесие.

— И что ты хочешь от меня? — практичный разум подсказывал, что она не свихнулась, а то, что сейчас происходит, просто за гранью его понимания.

— Хочу просить не для себя, а для Егора. Он не знает, что к тебе я обращаюсь. Но ты могла бы навестить его и подбодрить. Ему так нужен друг надежный. Скажу тебе я сразу — плох он. От счастья Кити с Игорем, которого на крыше встретила она.

— Он одинок? — Рита тут же вообразила Егора, печального и несчастного.

Такого же, как и она сама.

— Ну, не совсем. То тут его пригреют, то там. Но недостойные особы не могут исцелить его больную душу. Я же сказала — нужен друг. А ты — единственная, с кем он дружен. Кто его понял, кто смог оценить? Ведь ты

была на все готова, лишь бы он был счастлив. И не просто счастлив. Счастлив с Кити.

Решив, что согласиться проще, чем разбираться в происходящем безумии, Рита кивнула.

«Это всего лишь сон! — мозг Риты наконец-то нашел спасительную соломинку и попытался за нее уцепиться. — Я, видимо, не заметила, как заснула. Значит, все должно быть по законам сна. Никаких правил! Хочу ли я встретиться с Егором и помочь ему в несуществующем дурацком Эмомире? К тому же, где еще можно увидеть Кити такой, в какую я когда-то влюбилась на всю жизнь? Конечно, да!»

— Я на все согласна! — почти закричала Рита, — вперед в Эмомир!

— Так не пойдет. Мне нужен договор. Процесс не сложный. Но у меня потом отчета спросят. Та магия, которой я владею, так скажем, изначальное сырье. И правила у нас другие. Слова будет мало.

Искренне удивленная, Рита скривила рот в улыбке.

— Договор? Подписанный при полной луне на кладбище кровью невинного младенца? — ей показалось, что она смешно пошутила.

— Так сложно мы сегодня заверять его не будем. Ударим по рукам, и сделка состоится. Лишь один нюанс, — Маргитта словно опасалась назвать непреодолимую сложность при заключении договора.

— Какой?

— Нужно ладонь смочить слюной. Ты можешь плюнуть, я не против, — Маргитта высунула длинный розовый язык, смачно облизнула свою правую ладонь и замерла в ожидании.

Рита почти решилась. Но потом подумала — что за идиотизм лизать руку? Даже для самого кретинского сна глуповато. Егор и встреча с Кити, конечно, стоили самого смелого эксперимента и поступка, они стоили всего, что можно совершить ради любви. Даже того, чтобы умереть. Но выглядеть глупо Рите не хотелось даже во сне и даже ради них.

Маргитта истолковала заминку несколько иначе.

— Ты сомневаешься в могуществе моем? Вот, посмотри.

Огромные черные крылья за ее спиной возникли из ниоткуда. Рита кивнула — да, помню, теперь все ясно. Это ж Королева Маргит. Придумала же звать себя Маргиттой, чтобы не сразу вызвать отвращение.

Маргит заново облизала ладонь, и Рита решила, что слюна для магии должна быть свежая.

— Я беспокоюсь только об одном, — торопливо призналась Рита, опасаясь, вдруг Маргит решит, что ей не хочется помочь Егору, — что будет с моим телом тут, пока я там?

Конечно, это сон, но чем черт не шутит? Оставлять себя без сознания на качелях было несколько опасно. Свалиться можно, солнце кожу иссушит и вообще — что подумает добрая женщина, что приносит еду? Конечно, скажет, померла. И позовет мужа с лопатой, чтоб избежать неприятностей. А маме скажут — мол, куда-то уехала.

— О, ты права, проблемка, — Маргит всем своим видом показывала, что озабочена сохранением тела Риты. Вообще-то, так и было. Вот только сохранить его она хотела для себя. Качественное тело всегда может пригодиться, особенно, когда есть план с изъяном.

«Какое удовольствие дурить этим людышкам головы», — глядя в искренние глаза Риты, подумала Маргит.

Кошки появились внезапно. Прижавшись к земле, они подкрадывались к Маргит, не сводя с нее глаз. Хотя жертва была явно не их размеров, у кошек по этому поводу было свое собственное мнение.

— Брысь! — Рита вдруг испугалась, что кошки кинутся на Маргит, та улетит, и попасть к Егору не получится.

Маргит оглянулась, тонко пискнула, убрала крылья и быстро спряталась за спину Риты.

— Уходите! Прочь! Баста, скифози гаттини! — Рита махала руками, не сомневаясь, что у кошек проблемы со знанием русского языка.

Нехотя кошки остановились, сели, но не ушли. Они выжидали. И судя по их виду — знали больше других.

Маргит решила, что нужно торопиться. Многоцветные кошки для нее представляли большую опасность.

— Ну, так и быть, я часть себя как караульщика оставлю. Ты видишь, как похожа на тебя я? Живешь ты тут уединенно. Как день проводишь? Качели, кофе, сон на крыше? Тогда я справлюсь. Изображу твои привычки и телом буду дорожить.

Рита обрадовалась. Как удачно все складывается! Даже если приедет мама, то ничего не заподозрит — обычно ее интересует только собственная жизнь, и она никому не дает и слова вставить.

— Больше пары часов мама тут не задерживается. Ты кивай и изредка говори «да, мама», «какой ужас», «все мужики — козлы».

Маргит не стала проявлять признаки беспокойства, хотя мама в ее планы не входила вовсе. Но это была отдаленная и почти нереальная перспектива. Из категории «если не повезет». А ей точно повезет!

Цветная кошка зашипела. Маргит бросила в нее камень, ноне попала. Кошка преспокойно улеглась и уставилась прямо ей в глаза.

— Ну, давай же, решайся, — Маргит снова смочила ладонь слюной.

Но тут Рите на ум пришла одна неприятная мысль.

— Если ты будешь хоть частично в моем теле, то в чьем же теле в Эмомире буду я?

Рука сделалавзмах и опустилась — Маргит едва сдержалась, чтобы не вышибить из головы Риты все ее нелепое содержимое.

— Увы, досадная подробность и неизбежная, увы. Тебе придется временно пожить в моем исконном королевском теле. Других путей не вижу. Их просто нет. Гордиться ты должна такою честью! Ты будешь в теле высшего создания!

— Это что, в виде бабочки с лицомженщины?

— С прекрасным королевским лицом! — пафосно уточнила Маргит. — Я не могу тут ничего поделать. Решай. Тут либо так, или никак. Но голос твой и разум остаются при тебе. Ты Кити и Егору все сумеешьъобъяснить.

«Это же сон, — вспомнила Рита и внутренне хохотнула. — Чего ж я парюсь! В бабочке, так в бабочке. Какая разница? Плевать!»

Рита, смеясь плонула на ладонь. Кошки поняв, что она приняла решение, не сговариваясь, бросились на Маргит.

Ладони Риты и гости, похожие, как две капли воды, хлопнули друг о друга.

Италия исчезла.

Вместо нее теперь был совсем чужой, черно-розовый мир: какая-то площадь, помост и снующие туда-сюда дикого вида существа. Рита замерла, но напугал ее не Эмомир. Рядом по-прежнему стояла ее копия. Без крыльев. Как отражение в зеркале,разве что выражение лица было чужим. От торжествующего вида Маргит у Риты похолодело сердце.

— Смотрите! — оказавшиеся на площади эмокуклы, мишки Тедди и прочие обитатели Эмогорода вытаращились на две зловещие фигуры и, узнав злодейку Маргит, завопили, будто их резанули по глазам.

Глава 16

Мания Геро

История отношений Мании и Геро под копирку повторяла историю Мании и Эгара. Которую Геро теперь знал всю до мельчайших деталей. И от которой на душескопился горестный осадок. И даже раздражение.

— Она меня не любит, — думал Геро, любуясь прекрасным, гибким, вечно молодым телом Мании. — Она меня жалеет. И я ее не люблю, лишь принимаю ее жалость.

Он не мог понять то, что жалость часто идет рука об руку с любовью. Иногда от жалости рождается любовь. Но не от той жалости, которая обратная сторона злорадства. Жалеть ведь можно и того, кто был безмерно счастлив и упал на дно отчаяния. Жалеть, оберегать, помочь подняться и полюбить. Когда-то сказки заканчивались словами «И стали они жить-поживать, друг дружку жалеючи».

Геро сказок не читал, да и не верил в народную мудрость. Для него жалость была постыдным, унизительным суррогатом любви.

— И ты сама от него ушла? — недоверчиво спросил он как-то Манию.

— Конечно. Я не могла поступить иначе. Он не любил меня. Для него Кити была единственной...

— Как и для меня.

— ...но у меня остался Игорь. Мое утешение. Моя гордость. Ведь он готов был пожертвовать собой ради нашего мира...

— Убив Кити, — напомнил Геро из вредности.

— Он благороден. Он полюбил. И для него любовь была важнее всего.

— Я не готов был умереть, но умер, — мрачно уточнил Геро.

Во взгляде Мании сквозила нежность, но он ее не видел, он отвернулся. Ему не хотелось, чтобы она увидела ненависть на его лице. Как он ненавидел Игоря! Кошмар, который после встречи с Манией утих, теперь начался с новой силой. Что за судьба такая — спать с матерью соперника? Пусть даже она так искусна в любви и так заботлива. Что там Рита говорила? Есть шанс вернуть любовь Кити? Если это правда — надо воспользоваться им. И что с того, что Катя доживет до старости, любя Егора? Наверное, она не сможет даже стать женой кому-то. Быть может, как и Мания, родит ребенка ради утешения. Не так уж и плохо. Многие живут и вовсе без любви.

— Говорят, что когда-то два бога полюбили, но один не нашел взаимности. И он проклял любовь. Теперь все тянем жребий — кому достанется какая. А с проклятой любовью трудно жить в душе, — тихо произнесла Мания.

— Отдает оправданием гомосексуалы, — Геро не хотел быть грубым, просто вырвалось.

Мания не поняла, о чем речь, и они долго молчали.

— О чем ты думаешь?

Геро заметно вздрогнул.

— Ты же знаешь, что я никогда не смогу тебя полюбить? — признался он.

— Конечно. Но поверь, порой любви довольно одного из двух. Если ты перестанешь ненавидеть Игоря и клясть свою судьбу, моей любви нам хватит на двоих.

«Как торговка на рынке, — подумал Геро. — Измеряет количество любви, делит на двоих, глядишь, и сдача будет. А если не хватит, доплатить придется».

Обнаженная Мания села за стол у окна раскладывать карты, словно в данный момент это было самым важным.

— Ты думаешь, что я с тобой от скуки и в память об Эгоре? Зря, — сухо заметила она.

— Из сострадания, — выдавил Геро, презирая себя за эти слова.

Мания начала одеваться.

— Сейчас пойдем гулять по городус тобой, — решительно сообщила она. — Не потому, что я тебя жалею. В городе неладно.

Глава 17

Предательство

На площади царила сумятица. Перед триумфальным появлением Риты и Маргит здесь шло торжество в честь отважного мишки Тедди, которого заштопала Кити. Мишка не привык быть в центре внимания и заметно смущался. Он принимал поздравления, стоя на постаменте, специально сооруженном для такого случая рядом с памятником ЭмоБою. Пока он не мог даже вставить слова — так всем хотелось произнести свои заготовленные речи. Наконец, все выступили и собрались праздновать.

— Так что ж с тобою приключилось перед смертью? — спросил Губка Боб.

До этого никто не задавался этим вопросом — все хотели просто радоваться.

— О, мимимишечки! Перед глазами пронеслась вся жизнь. От фабрики до магазина! Потом я видел, как меня дарили смешные девочки своей подруге на Дэрэ...

— Я не об этом. Кто тебя убил?

Корноухий мишка решил молчать, пока не стихнет ропот. Он поглядел на Кити — как бы испрашивая позволения дать ответ. Она кивнула.

— Рита. Но не Рита. Я услышал разговор ее с Котом. Он называл ее, признаюсь, Королевой... Маргит!

Толпа ахнула от ужаса.

— Не может быть!

— А вот и может. И я своими рваными ушами это слышал, — мишка потер свое кривое ухо.

— Но у нее ведь крыльев нет! — Губка Боб не хотел верить словам героя.

— Нет. Но все равно она — Маргит. Я сразу ее заподозрил, — вмешался Тик-Так. — И серой она пахла поначалу. И взгляд удавий. В общем — суть проста — в обличье Риты к нам вернулась Маргит, чтоб всех нас погубить.

Эгоровцы сбились в гневно гудящую кучу.

— Что скажешь, Королева? — спросил Покойник.

— Если бы я Риту так не знала хорошо, я бы засомневалась, — Кити судорожно начала вспоминать прежнюю подругу и ту Риту, что жила в ее дворце.

Только что она была уверена в своей правоте, а после признания мишки стали всплывать мелкие подробности, которые наводили на нехорошие мысли.

Мания держала Геро под руку. Игорь поприветствовал мать улыбкой, но не подошел.

— Егор, то есть, прости, Геро, а ты как думаешь, она подруга наша или Маргит? Кто она? — Кити впервые обращалась к Геро, как к старому другу, и он почувствовал себя неловко.

— Мне кажется, что это Рита, ей тут пришлось непростопоначалу, вот и вела она себя так необычно, — Геро специально обнял Манию за плечи, надеясь досадить и Кити, и Игорю.

— Как он такое может говорить? Не знал он Маргит вовсе, — возмутился Тик-Так, — другое дело! И утверждаю, что вела себя, как Маргит ваша Рита!

Поднялся неимоверный гвалт. Мнения разделились.

В этот момент как раз и появились Рита с Маргит. Материализовались из воздуха рядом с Манией и Геро.

— Кошмар вернулся! — эгоровцы стали надвигаться на прибывших плотной угрожающей стеной.

Рита, которая удивилась и испугалась одновременно, вдруг поняла, что обладает новой частью тела — крыльями. Которые сами отреагировали на настроение и подняли ее в воздух. Ноги и руки, которыми она хотела размахивать, исчезли — вместо них шевелились черные, покрытые хитином членистые лапки насекомого. Опустив голову, она увидела свое новое тело. Жирное и волосатое, на которое даже смотреть не хотелось, не то что дотрагиваться.

— Смотрите — вот она! Бей гадину! — боевой клич Губки Боба подхватили многие.

— Кирпич — орудье эмо-пролетариата! — орал клоун.

Остальные его послушались и начали выковыривать розовые кирпичи из мостовой. Кто-то особо торопливый запустил в огромную полубабочку своим кедом, который угодил ей прямо в брюшко. Рита, с рождения не переносившая боли, закричала, а слезы сами полились из глаз.

— Ура! — хором завопили эгровцы.

Тем временем, Маргит в теле Риты, несмотря на близость Мании, прижалась к Геро, словно прося у него защиты.

— Ох! Рита, где нашла ты эту дрянь? — спросил Геро, показывая пальцем на монстра.

— Не знаю. Эмомир так нестабилен. Сплошные чудеса, — внутренне посмеиваясь, злодейка подумала, что голову медведю стоило оторвать хотя бы ради такого триумфального возвращения. — Шучу! Я изловила Королеву Маргит и привела на суд к вам, когда узнала, что случилось с мишкой. Прикинулась гадюка мной и Тедди головы лишила, чтобы потом все на меня свалить. Мол, я не Маргит — Рита в теле Маргит, и бла-бла-бла. Но я ее смогла поймать и притащить. Судите вы ее теперь по чести!

Удачнее не придумать — вернуться в тот момент, когда вся шайка в сборе.

Мания не спешила убрать руку Геро со своего плеча и пристально рассматривала фальшивую Риту. Та отвечала ей невинным взглядом.

— Я — Рита! — существо с телом огромной бабочки и женским лицом неуклюже парило над площадью. — Кити, это я! Егор, где ты? Я пришла к тебе! Спаси меня, Егор!

Первым кирпич кинул Губка Боб. А дальше на Риту, которая не могла справиться с новым телом, посыпался целый шквал камней. Кирпичи попадали то в крылья, то в брюхо, уродливое, жирное, но уязвимое, то по лапкам, которыми она пыталась закрыть лицо.

— Шмелюга поганая, — ругался корноухий мишка Тедди, новоявленный герой, — око за око! Давайте оторвем ей голову!

Не выдержав очередного удара, Рита рухнула на нападающих, угодив прямиком на Кота. Он единственный не бросал в нее кирпичей, обдумывая положение и изучая агрессивное поведение толпы.

— Пипец Петрович, — неожиданно для себя выдал Кот, выползая из-под массивного тела Риты-Маргит.

Потом опомнился и заорал благим матом:

— О, Госпожа моя и все такое, в общем, я помогу тебе подняться, — но не помог, а ловко юркнул между эгровцев и был таков.

Рита без сил лежала на мостовой, окруженная озлобленными жителями Эмомира, готовыми к самосуду. Кити не могла перекричать их воплей. Тогда Тру-Паквыстрелил в воздух.

Настала тишина.

— А чего это вы тут делаете?

Игорь, самый высокий из толпы, удивленно оглянулся и увидел какое-то грязное чучело, к ногам которого жался странный уродец в платочке и набедренной повязке.

— Ну и дела! Кити! Это тоже твоя подруга? — недоуменноинтересовался он.

Кити даже не обратила внимания на его слова.

— Гвардейцы, Маргит — в темницу, — приказала она.

Риту подхватили и понесли. Она не сопротивлялась, только плакала от бессилия и обиды. Ее даже не захотели выслушать. Ни Кити, никто другой! Подлая Маргит! Ну, а она сама-то хороша — так дать себя обмануть. Нелепый сон обернулся кошмаром наяву.

— Какая же ты дура, Рита, — всхлипывала она.

Так ее донесли до дворца. Теперь ее тело стукалось о ступени, добавляя Рите ненужные страдания.

— Знаешь, а может, она и правда не Маргит? Та хныкать бы не стала, — рассудил Тру-Пак.

— Не наше дело. Приказали — тащим. Потом Величество сама с ней разберется.

Зашвырнув Риту в темницу с узким зарешеченным окошком, гвардейцы заперли дверь, подергали за ручку — замок сработал прочно, хотя его давно не смазывали.

— Что ж, охранять ее приказ дан не был, так пойдем, посмотрим, что там за явление, — Тру-Паку было интересно, что за чумазое недоразумение появилось на площади.

Стася вертела головой, стараясь как можно больше увидеть. Ей все казалось удивительным. Мишки — ну, про мишек она уже в курсе. Губка Боб. Живой! Офигеть! Ну и рожа. Какой-то жуткий клоун. Этот страшнее Боба будет. Куклы, похожие на эмо-позеров, только какие-то воинственные и лохматые. Есть и люди. Это хорошо. Но плохо, что эти существа кого-то чуть не растерзали, а потом еще и куда-топоташили.

— Так кто это, еще одна твоя подруга? — уже громче переспросил Игорь.

— Я ее впервые вижу, — Кити не сомневалась в этом.

— И я тебя. Я вас всех впервые вижу. Караул полный. И город ваш того, развалится на днях. И море смотрится как смерть всему живому, — вид у Стасибыл, как у городского сумасшедшего.

— Ты тоже умерла? — спросил Геро.

— Наверное. Частично. Вроде как сначала кишкы из живота под ноги улетели, а вот потом меня сожгли...

— О, значит мы из века одного? — откуда ни возьмись появившийся Кот трусцой подбежал к Стасе и тут увидел Ох-ни-фига-ж-себе.

— А это твой злой демон? Вполне прилично выглядит, собака. Кого угодно может устрашить. Но с виду слабоват. Ты яд гюрзы в котел кидала? Вижу — нет. А если б кинула, он ростом был, как слон. Быть может даже больше. Вот зверюга. Как зыркает глазами, зубы скалит. Хороший демон.

Еще раз осмотрев своего мелкого молчаливого друга, Стася вынужденно согласилась. Демон так демон.

— Ты умирала за любовь? — Геро хотел сделать шаг навстречу Стасе, но был остановлен крепким локтем Риты, которая не дала ему сдвинуться с места.

— Ага. Любовь я помню. Но потом еще ведь что-то было. Какие-то огрызки воспоминаний. Вроде бы я счастлива была. С Сурикатом. Но это после...

— И я чуть не погиб, но воскрешен великой Королевой, — вставил слово корноухий мишка, которому хотелось еще побывать в центре внимания.

— А Королева — ты? А где корона? — Стася улыбалась Кити, она впервые видела живьем настоящую королеву. — А это твой король? Ого, какие крылья! В жару сойдут за опахало. А вот тебя мне жаль — какой злодей тебя без глаз оставил? Прибить бы сволочь! Эй, Губка Боб, дай мне тебя обнять — я рада тебя видеть! Вы круто тут устроились, ребята!

На ощупь Губка Боб был жестковат. Он вывернулся и не позволил себя тискать.

— Похоже, мне не рады? — растерялась Стася.

— Я точно рад. Я все вам объясню про этот мир прекрасный, который стал гораздо лучше с вами, — Кот приобнял Стасю за талию и решил представиться, как следует. — Кот. Циник, эгоист, мерзавец, симпатяга, болтун, пройдоха, умник, негодяй. Все это я — любого выбирай. А остальные с ним придут в нагрузку. Я в прошлой жизни был алхимиком, ученым, советником у Маргит и принцев воспитал, а ныне я в занятиях свободен. И в личной жизни тоже.

Ему мешало Стасино пальто. От неловкого движения оно распахнулось, и Стася тут же бросилась застегивать пуговицу.

— Пардон, — Кот прикрыл лапой глаз в приступе лживой стыдливости.

— Одежда — раритет. От лучших модельеров. Другую не ношу, — соврала Стася, понимая, что Кити, Рита и Эллис одеты в миллион раз лучше ее. — Но от трусов и майки я б сейчас не отказалась.

— Трусы? Зачем трусы? Они мешают. Пойдемте, дорогая, — Кот задней лапой попытался оттеснить Ох-ни-фига-ж-себе в толпу мишек. Но тот был не промах и укусил его за пятку. Кот разъярился.

— Ты, пища! Сожру — не подавлюсь.

— Подавившись, — предупредила Стася, вспомнив, что за платок на голове у «пищи». — Друга в обиду не дам.

— Не больно и хотелось. Сегодня будет пир в честь плюшевого нашего героя. Я расскажу тебе такое... — и Кот повел Стасю во дворец.

— Представиться бы не мешало, — строго напомнил Тру-Пак.

— Ой, извините! Стася, — уходя, ответила она.

— Нет, не подруга мне она, но ведь прикольная! И с виду не опасна, — Кити вопросительно поглядела на Игоря.

— Конечно, нет. Смешная. Пусть тут живет. Всем места хватит.

— Не мир, а скотный двор, шатаются какие-то бациллы. А Кот, вы видели его? Сияет, как на масленице блин. Влюбился, что ли? В замарашку, — Рита брезгливо наморщила нос.

— Наверно, нам пора, — с явным сожалением сообщил Геро.

Ему впервые за все это время действительно захотелось побывать среди жителей Эмомира и попробовать повеселиться.

— Ты никуда идти не хочешь. Останься с нами, — Рита ласково обняла его.

— На полчаса. Не дольше, — Геро понимал, что Мания будет огорчена.

— Да, оставайся. Я пойду домой, раскину карты, — Мания жестом подозвала Игоря, чтобы он ее проводил.

— Я не долго — посижу немного. Я на таком пиру ни разу не был, — оправдывался Геро.

В тронном зале замка стоял шум и гам. Все угощались. Во главе огромного стола сидели Кити и Игорь. Стася и Кот устроились с краю. Кот на ухо рассказывал об Эмомире. Ох-ни-фига-ж-себе сидел у Стаси на коленях и нервно ерзал.

Рита и Геро устроились поблизости. Гвардейцы уже затянули свою любимую песню. Но клоун им не подпевал — он не отводил взгляда от Эллис, которая растерянно наблюдала за Ритой, а та нарочито не обращала на нее внимания.

Кити тревожилась.

— Милый, я возьму с собой Тру-Пака и схожу поговорить с Маргит. Меня смущает что-то в ней. А вдруг она действительно не Маргит?

— Я пойду с тобой.

Глава 18

Коварство и любовь

— А помнишь, как мы в школе подружились, Китик? — человекобабочка затрепетала помятymi крыльями.

Рассказ изобиловал такими подробностями, что у Кити не оставалось сомнений — перед ней Рита.

— А вызнать не могла она все это у Риты настоящей? — засомневался Игорь.

— Ну, тогда задам я еще парочку вопросов, но ты уйди. Постой за дверью. Мне тут ничто не угрожает, — попросила Кити.

Тру-Пак и Игорь стояли в ожидании ее решения, словно у дверей суда.

— Верняк, не Маргит. Эта все ревела. Маргит поорала бы, потом затихла, придумывая как удрать. Мне кажется, для Маргит темница не тюрьма. Она из Ада умудряется сбегать, — сообщил Тру-Пак.

Дверь темницы отворилась.

— Тру-Пак! Бери Покойника и отлови злодейку, что называет себя Ритой. Пока она там всех не потравила. — придерживая Риту за лапку, Кити вывела ее из заточения.

— Ты уверена? — недоверчиво переспросил Игорь.

— На все сто.

Корноухий мишка, в честь которого устроили пир, слегка захмелел и снова и снова рассказывал благодарным слушателям о своем подвиге.

— Кричу ей — я тебя разоблачил, ты — Маргит!

— А она? — спрашивал шепотом хор мишек.

— Сказала мне — ты, мошка плюшевый, меня не остановишь!

— А ты?

— Я смело кинулся бежать, чтоб всем поведать о ее коварстве.

— А она?

— Как даст пинка, — мишка потер попу, — я кубарем катился.

— А она?

— Схватила и когтями рвать на части стала.

— А ты?

— Я заорал. И умер! И никто! Вы слышите — никто ко мне на помощь не примчался.

Все дружно зарыдали.

— Ну, раз злодейка в заточеньи — мир в безопасности у нас, — сказал Тик-Так без особой убежденности в голосе.

Рита вполуха слушала разговоры, в то же время внушая Геро, что Мания с ним живет не по любви.

— Она в тебе Эгора видит. Его она действительно любила. Ты одинок, без Кати ты счастливым никогда не будешь.

— Ты снова мне советуешь у Кати в снах являться. Чтобы она меня как прежде полюбила и без меня страдала там в Реале?

— Конечно! Лишь тогда прозреет Кити. И с нею снова будешь только ты. А Игорь этот ныть вернется на плече своей безглазой мамы. Хочу добра я Кити и тебе. И жертвуя для вас своей любовью. Не в первый раз — ты знаешь!

Геро прекрасно понимал, что Мания ищет в нем Эгора. Эгора, придуманного Кити. Кити, которая его больше не любит. И Мания его не любит. Она его жалеет. Живет с ним из жалости. Как он жил с Нюшой.

Геро резко встал и удалился.

Маргит торжествовала — нужный эффект от нужных слов, сказанных вовремя.

— Эй, ты, поди сюда, — Покойник и Тру-Пак с угрожающим видом быстрыми шагами пробиралась сквозь толпу. За ними шла Кити, продолжая держать за одну из лапок огромную бабочку. Игорь замыкал шествие. Рита скрипнула зубами.

— Что за дела? — Тик-Так встревожено привстал из-за стола.

Он вдруг почувствовал, что сейчас сможет показать Эллис, кто эта Рита на самом деле.

Маргит взбесилась. План летел ко всем чертям. Но положение исправил Кот. Он, покачиваясь, кинулся к челобабочке, крича дурным голосом от радости.

— О, Госпожа! Моя хозяйка! Вы свободны! Сработал тайный план! А я-то сомневался! Недаром я старался и помогал вам выведать из подсознанья Риты тайны все! Поверила вам королевка Кити! Мы снова будем править Эмомиром! Упс. Я что — сказал все это вслух? Простите! Ой! Напился и

вслух сказал, что думал, вот досада. Простите, Госпожа, болтливого пажа! Похоже, запалил я вас нечаянно!

В одну секунду Рита-Маргит снова стала персоной нон грата. На нее набросились, помяли крылья, повалили на пол и даже начали жестоко топтать. Гвардейцы едва отбили жертву от толпы. Кити растерянно молчала. Не зная, что и делать, гвардейцы решили отнести челобабочку обратно в камеру — целее будет, даже если она и не Маргит. А дальше пусть Кити разбирается. Уж больно сложно все для солдатского ума успокойников.

Кот юркнул между ног в толпу и снова оказался рядом со Стасей.

— И мне досталось. Видишь — хвост едва не поломали. А как я без хвоста? Никак. Хвост дело важное для зверя. Я пострадал. Пойду, зароюсь в покрывало и подремлю. Забуду суету. Засну, наверное, и носом буду я сопеть. Пошли — напару посопим?

Устав от волнений, Стася согласилась, прихватив с собой Ох-ни-фига-ж-себе.

— Зачем он нам? Противный и нелепый. Глаза горят, как угли. Он будет нам мешать, — вкрадчивым голосом убеждал Кот.

— Нет, я его не брошу. Он только с виду страшен. И я о нем заботиться должна. Он как ребенок мне теперь, — настойчиво возразила Стася.

Новоиспеченный ребенок ухмыльнулся, обнажив длинные желтые зубы.

— Ну и дитя, какой-то гоблин-карлик, — проворчал Кот, но был вынужден смириться.

Рита, настоящая и обезображенная, ничком лежала на полу камеры. Слезы кончились. Пол неприятно холодил свое-чужое тело. Она с трудом проковыляла к скамье в углу и кое-как устроилась на ней. Ее отчаяние и страх породили множество отвратительных, но тощих и каких-то студенистых существ. Она (вернее, ееновое тело) неожиданно проголодалась и поняла, что ими можно питаться. Давилась, но ела. Мечтая снова очутиться дома, в Италии или в Питере — какая разница? Лишь бы не здесь. Уродское тело. Все болит, и зубы ноют. И никто не приходит — даже Кити! Все словно забыли о ней, оставив умирать. Она снова заплакала.

Лже-Рита, что осталась на пиру, пыталась сдержать приступ смеха от неожиданной развязки разоблачения.

«Кота придется поощрить. Я знаю чем. Но он как раз за этим с девкой рыжей в спальню удалился. Ладно. Пообещаю вольности ему. Потом, когда-нибудь. Коль не забуду. Какой находчивый, подлец. А я-то думала, придется снова мне скрываться».

Она вдруг поняла, что Геро нет с ней рядом и слегка забеспокоилась.

«Да вот же он — с дебилкой этой Нюшой. И почему он к Маньке не пошел? Он внял моим словам и к дурочке своей решил вернуться. А должен к Кате в сны. Каков осел».

Действительно, наслушавшись Риты, Геро возненавидел сам себя и счел правильным вернуться к барбикенке. Он решил, что лучше жить с кем-то из сострадания, чем жить с тем, кто живет из жалости с тобой. Выбор был сделан. Он больше не желал причинять страдания никому, особенно Кате. А Мания — она поймет, простит.

— Как хорошо. Теперь мы заживем тут лучше всех, — победоносно озирая зал, сообщила Нюша.

Ее прежние обиды были вознаграждены — все видят, что Геро у ее ног. Правда, не совсем у ног, ну и что — главное, что он вернулся.

Маргит отвернулась, чтобы никто не видел ухмылки на красивом Ритином лице.

«Все хорошо! Так ловко плюнуть в душу этой шлюшке Мании. Пусть не дождется своего Геро. А сам Геро при Нюше будет на коротком поводке. Она уже полна самодовольства. Ей кажется, что лучшая она. Тупая кукла! Осталась Эллис. Эллис мне нужна. Она уже на клоуна не так смущенно смотрит. Пора вмешаться».

Маргит легко и изящно поднялась, подошла к Эллис и поцеловала ее. Теперь у Тик-Така не осталось ни капли сомнения — он ударил кулаком по столу так, что вся посуда взлетела в воздух и упала с громким дребезгом.

— Пойдем, моя малышка. Празднику конец. Тут слишком много плюшевых сердец. Мое живое сердце переполнено любовью, нас ждет в постели бой до первой крови, — Эллис послушно последовала за любовницей.

В зал вернулся Кот с откровенно подбитым глазом. Через полчаса он был окончательно и бесповоротно пьян и искал луну, чтоб на нее повыть.

Ушли и Кити с Игорем. Она никак не могла опомниться от коварства Маргит. Игорь утешал ее, как мог, объясняя, что могущество Маргит настолько велико, что она легко смогла проникнуть в прошлое и выведать у Риты все самые тайные секреты.

— Ты сразу бы могла понять — не стала Маргит бы тянуться к Геро и не могла влюбиться в Эллис, но хитрости ее должны мы должно отдать. Нам повезло, что пьяный Кот к ней кинулся, разоблачив хозяйку, идиот, — Игорь, как всегда, был уверен в своей правоте.

Глава 19

У всех свои секреты есть

Маргит обдумывала сложившееся положение. Она сумела остаться во дворце. Все, кто представлял для нее опасность, теперь были под ее собственным присмотром. Геро тоже перебрался в замок — Нише вздумалось счесть себя придворной дамой, она так нудила, что Геро решил попытаться вытерпеть соседство с Кити и Игорем. Дворец большой, но столкновений им не избежать. Что Маргит и было нужно — пусть страдает. Страдание — прямой путь к Катев сны.

Эллис оказалась полностью подчинена ее воле. Это удачно. Неудачно то, что придурковатая Стася шастает по дворцу, как приведение. Ее можно было бы использовать, но она смотрит на Маргит, как на школьную учительницу — то есть с заранее приготовленной неприязнью. Не получается расположить к себе строптивого подростка.

— И Кот... с Котом потом я разберусь, — Маргит понимала, что пустила в сердце искру чувства.

Которое перерастало в ревность.

— Как жарко, — тихо произнесла Эллис.

Она теперь забыла про тренировки и поездки на Гневе, целыми днями валяясь в постели. Верный Гнев Эллис застоялся в гневущне. Один Тик-Так ежедневно навещал его.

— М-да. Действительно, жара. Такого не бывало раньше тут? — Маргит прекрасно знала, что в Эмомире долгие годы стояла одинаковая весенняя погода.

— Здесь раньше солнце всем светило ярко. А после смерти ЭмоБоя солнца не было почти. И все привыкли к сумеркам сплошным. Потом — чуть-чуть светило меж рассветом и закатом, что друг за другом шли здесь чередой. Но почему-то время растянулось, теперь есть день, и нас печет нещадно, — Эллис потянулась, сладко зевнув.

— Такие изменения погоды обычно к аномалиям приводят, — вскользь заметила Маргит.

— Ну да. Тик-Так мне так и говорил, — Эллис спохватилась, решив, что упоминание о женихе может огорчить ее «Риту», — наш клоун видел перемены во всем вокруг. Он не такой плохой, он любит Эмомир и беспокоится о нем. Особенно волнуется за старые порталы.

Эллис испуганно замолчала. До появления Риты они вместе с клоуном ежедневно патрулировали границы на Гневах. Проверяли все взорванные порталы. Разрушенные, но потенциально опасные.

— Что — хоть один портал опять открылся? — Маргит села рядом с Эллис и ласково ей улыбнулась.

— Я поклялась не говорить об этом даже Кити, — всполошилась Эллис.

— Ты о чем? — Рита рассмеялась.

Понимая, что невольно выдала тайну, Эллис покраснела.

— Но ты же друг мне, правда? Про тот портал никто не знает, кроме Тика и меня. Кто отворит его, погубит Эмомир. Так Мания когда-то нагадала. Я помню слово в слово — Эмомир погибнет безвозвратно. Поэтому мы умолчали о портале в мир Реала.

В ее глазах была видна такая уверенность и страх, что становилось ясно — она больше не скажет ни слова. По крайней мере, сейчас.

— Не бойся. В Эмомире нет врагов. Ну, кроме Маргит этой, что в темнице, наверное, уже совсем усохла.

— Эта не усохнет, — убежденность Эллис позабавила Маргит. — Она была в Аду. Все говорят, ее нельзя убить. Не властна над ее погибелью и Кити.

— Не бойся, — повторила Маргит и подарила Эллис нежный поцелуй.

Стася решила помириться с Котом. Не потому, что простила, просто дружить ей в Эмомире было не с кем. Мишкам не нравился Ох-ни-фига-ж-себе — похоже, он страдал хроническим насморком, отчего без перерыва хрюкал и шмыгал. К тому же он долго не желал расставаться с рукой барбикена. Стася едва уговорила вернуть ее на прежнее место. Но и без руки демон, рожденный случайной эмоцией, смотрелся нелицеприятно.

— Заразный он какой-то, — решили мишки.

Стася — другое дело, она нашла голову их героя, но тоже выглядит отвратно. Корноухий мишка горой стоял за Стасю. Говорил, что будет шанс — отплатит ей за помошь. Она его спасла, и он ее спасет. Но и он старался реже сталкиваться с ней — уж больно Стася любила покритиковать окружающих.

— Вы тут как мухи на жаре. Ползаете туда-сюда и лоботрясничаете. Лучше бы сделали что-то полезное, — Стася не хотела их обидеть, она хотела их воодушевить.

Получилось не очень.

— А ты сама что делать станешь? — Кот втайне рассчитывал, что ничего. То есть будет отдохать с ним на пару. А там — как повезет.

— Я краску тут нашла. Барбикены ею машины перекрашивали. Подсохла, но ничего, сойдет. Буду рисовать на стенах. Давно хотела этим заняться, да вот гоняют у нас таких рисовальщиков.

— Ты умеешь?

— Нет. Придется научиться.

Стася потрясла баллончиком с краской, как шейкером. Потом еще раз оглядела стену и начала быстро рисовать. Вскоре возле ее ног валялась кучка пустых баллонов, иногда она нечаянно наступала на них и они выскакивали у нее из-под ног с громким дребезжаньем.

Мишки и эгоровцы отступили на безопасное расстояние и, затаив дыхание, смотрели на первое произведение Стаси. Молчание прервал Кот.

— О, неплохой образчик наскальной живописи. Это, гм, что? Или, быть может, кто? — Коту ссориться не хотелось, а всем известно — творческие люди к критике неравнодушны.

— Я догадался — это шар земной взбесился от плохого обращенья, — предположил корноухий мишка Тедди.

— Нет. Это головатвоя, когда в могиле прозябала, землей искажены черты, — решил Губка Боб.

— Это портрет нашей учительницы физры, — мрачно объяснила Стася.

— Зачем ее ты нам нарисовала? — удивился Кот.

— Чтобы жизнь казалась мне повеселей. Вот буду мимо проходить, увижу, улыбнусь — ведь это только лишь портрет, ее тут нет, и никогда не будет. Как хорошо!

Объяснение почему-то всех оскорбило. И зрители начали поспешно расходиться.

— Художника обидеть всякий может, — напомнил Кот.

— Ну да, все так и норовят. Спасибо, что хоть с брусьев не роняют вниз головой.

— Ты — сумасшедшая.

— Откуда знаешь?

— Я сумасшедший сам. А здесь других и нет, — Кот растянул рот в широчайшей улыбке.

Стася взяла на руки Ох-не-фига-ж-себе и пошла искать стену поровнее.

Кот поплелся за ними. Уродец, положив голову в платочек на плечо Стаси, смотрел на него и подло ухмылялся.

— Ну вот, я жил тут не тужил, и все неплохо шло, теперь тащусь за пугалом с кошмаром на руках, — довольно громко сетовал Кот.

— Дурной ты! Может, нам с тобой газету сделать? Будешь репортером. Ты хитрый ведь — все новости узнаешь, а я их запишу как надо, — предложила Стася.

— Новости? Тут старостей пучок. Геро, как в замкнутом кругу, кочует по постелям, из койки в койку. Игорь с Кити затрахали уже своей любовью. Когда она уходит причесаться — они целуются. Когда он к маме улетает —

прижмутся и целуются еще. А клоун накануне свадьбы узнал о прихотях натуры женской и теперь страдает. Но хоть мальчишник был, так скажем, неплохой.

— А море?

— Что — море? Лужалужей. Тут новостей ты тоже не дождешься, — промямлил Кот.

— Не ври. У вас не климат здесь, а полная фигня. Тут засуха, там море к городу ползет неслышно. И выглядит, как бульон кипящий.

— И что? Ползет себе. Безмозглая вода, не будет от воды вреда, — Кот прижал уши, словно опасался, что его услышит море.

Ох-ни-фига-себе-тихо рыкнул.

— Жара имеется, не споришь? Тогда должна от жары испаряться вода. В тучи кучковаться, дождями проливаться. Круговорот воды в природе, так ведь вроде? — объяснила Стася, продолжая рисовать.

— Никому вода ничем не обязана. Прет на Эмомир. Ее не остановишь.

— А почему?

— Это что? — Кот разглядывал новый рисунок.

— Ты. Красавец, правда?

— Вне всяких сомнений. Талант! — фальшиво похвалил Кот и кинулся целоваться.

Ох-ни-фига-ж-себе, недолго думая, тяпнул его за нос.

— Нечестно. Я ж любя.

Губка Боб все видел и не удержался от вопля «жених и невеста». Подобрав с земли пыльный камень, Кот пульнул в него с криком «Бубка Гоп!», но промазал.

— Послушай, Кот, у вас тут что, зоофилия не запрещена? — на всякий случай поинтересовалась Стася.

Кот хихикнул, вспомнив, с каким трудом Маргит соблазнила Эгора.

— Шутишь? Я ж почти не кот. И тут вообщетакое было... Эта Маргит, — Кот перешел на шепот и принял озираться, — она сошлась с Эгоро-ЭмоБоем. И народились человекобабочки от них...

— Ну да, я помню, гусеницы были. Но вот что мне скажи ты, недокот! Если старушка Маргит в заточенье, кого же так боишься ты?

Кот незаметно покраснел под шерстью.

— Да так.

— Хитришь. А еще друг называется, — Стася обиделась и ушла, бросив неоконченный рисунок.

— Подозревает. И верно делает. Да, я подлец и негодяй. Такая у котов у всех природа. Остался я один. К Маргит пойти? Прогонит. Может даже

пнуть. Она ревнует. Это презабавно. Меня ревнует — к Стасе. Вот дела. Пойти к Тик-Таку? Да, к нему. Поймет, поддержит, грусть развеет.

Вскоре он обнаружил клоуна у гвардейцев.

Клоун пил. Гвардейцы, изумленные его вселенской жаждой, сидели за столом и наблюдали.

— Упьется вусмерть, — утверждал Тру-Пак.

— Нет, блеванет, — Покойник предложил делать ставки.

— А яду нет ни у кого? — икнув, спросил у стакана клоун.

— Есть! У меня тут где-то завалялся, — Кот начал шарить в поясной сумке.

— Давай сюда. Коль не сдохну, так буду мучиться потом недели две — это, может, отвлечет.

— Неумно это. Уж проще что-то отрубить — намучаешься вдоволь. Давай, мы нос тебе укоротим? Не сразу, мелко настрогаем, — Тру-Пак достал тесак и провел по лезвию ногтем.

Послышался нежный звон, похожий на музыку.

— О, музыка! Давайте петь! Для клоуна такие песни как бальзам на душу.

И он запел хриплым дурашливым голосом:

Друзья, давайте все умрем!
К чему нам жизни трепыханье?
Уж лучше гроба громыханье
И смерти темный водоем.

Друзья, давайте будем жить!
И слизких бабочек душить,
А всем другим дадим по роже,
Ведь жизнь и смерть одно и тоже[†]

— Нет, этот мир протух и плесень жрет его, — решил Кот. — Пойду я к Стасе. Всяко веселее будет. Вдруг повезет — коварный поцелуй сорву. Два первых наспех были — я не расprobовал. Но хочется мне повторить. Тут главное, кураж! Потом, конечно, врежет мне по морде, но я стерплю. Такой я чудный кот.

[†]Автор стихотворения Джордж Гуницкий (*прим. авт.*).

Глава 20

Назад дороги нет

КатяКитова, забыв обо всем на свете, утонула в любви. Совесть ее не мучила. Изредка в памяти укором всплывал образ Дэна. И немного чаще — Егора. Она не сравнивала прежние чувства и нынешнее. Невозможно определить качество и измерить степень накала в любви. Любовь или есть, или ее нет. У Кати она была. Ее было так много, что мир словно перестал существовать. Остался только Такаси. И куча вопросов.

Оказалось, что когда проходит первая безумная, острыя стадия влюблённости, начинаешь спрашивать себя — хочешь ли ты детей от этого человека? Хочет ли он прожить с тобой всю жизнь и вместе состариться? Будешь ли ты любить его больного и несчастного? Наверное, у японцев свои представления о роли жены в доме. А что скажет его мама? А как отреагирует Катин папа? Вопросов много. Вплоть до такого — надо доучиться, но получится ли у нее сделать это в какой-то далекой стране? Эти простые вопросы казались серьезными препятствиями на пути их любви.

— Это называется ответственность, — решила Катя. — Это потому, что я смертельно боюсь его потерять.

Удивляя саму себя, она начала задумываться — сделает ли Такаси ей предложение руки и сердца? Как это произойдет? Или придется самой спрашивать, хочет ли он на ней жениться. В кино и книгах предложения делали по-разному, но чаще либо слишком банально, либо нереально красиво.

В общем, пока Катя обо всем этом старалась думать, как можно реже. Она просто просыпалась утром и радовалась еще одному чудесному дню. Засыпала точно с такой же мыслью.

Дэн словно не заметил, что они перестали заниматься сексом. Днем он работал, вечером спал, ночами его не было. А утром не было Кати. Поэтому они практически не виделись.

— Выставка Васи Ложкина, на это стоит посмотреть, — Такаси улыбался. — Там картины с потрясающими старухами и монстроватыми котами.

— Идем смотреть котов! — Катя знала, кто такой Вася Ложкин.

Не любить Васю просто невозможно. Хотя он убивает все прекрасное в мире одним взмахом кисти. В его случае красота не спасает мир. Она его бьет по морде. Причем, весьма успешно.

У посетителей выставки как на подбор были очень нетипичные для Питера выражения лиц. Все они щеголяли идиотическими улыбками. Как бы

приклеенными. Улыбки появлялись уже после первого взгляда на картины Васи и не сходили с лица еще долгое время. Некоторые зрители смахивали на Васиных котов и втайне были этому рады.

Катя и Такаси улыбались не меньше других. Переходили от одной картины к другой, возвращались к полюбившимся. Уходить не хотелось.

— У тебя глаза сейчас совсем не азиатские, — заметила Катя.

— Ага, круглые, как у совы. Такие картины — лучшая дипломатия. Сразу начинаешь понимать душу русского народа, — пошутил Такаси.

Совершенно неожиданно он достал из кармана какую-то коробочку, открыл и аккуратно достал из нее кольцо.

— Я очень тебя люблю и прошу стать моей женой, — слова были произнесены так просто и так искренне, что сердце Кати замерло.

— Прямо вот так — женой? — понимая глупость вопроса, Катя смотрела, как на ее палец надевается кольцо. — Так просто?

— Просто. Все самое лучшее на свете простое. Небо, земля, вода, воздух. И любовь. Я точно знаю, что не смогу без тебя жить.

А вот этого говорить не стоило. Сияющие глаза Кати словно подернулись дымкой. Егор тоже не смог без нее жить, даже после смерти.

— Да. Я отвечаю — да. Да, я тебя тоже люблю. Но насчет жены — я не могу вот так сразу решиться. Дай мне чуть-чуть времени, а?

— Тебя пугает переезд? Поверь, тебе понравится в Лондоне. Он похож на твой Петербург, только сделан для людей. Я помогу тебе там освоиться. А потом уедем в Токио. Или в Нью-Йорк. Я подарю тебе весь этот мир!

Но она не смогла сказать «да», что-то ее остановило. Попросила паузу. Со слезами на влюбленных глазах попросила. И он понял. И сказал, что готов ждать, сколько потребуется.

Тем же вечером Катя решила — есть дела, в которых пора поставить точку, и отправилась на культурное мероприятие. Проще говоря — на тусу. Иначе говоря — сходку. Народ сговорился еще пару недель назад — встретиться, вспомнить былое, пошуметь. Все это называлось «Гдемой 2007?». Золотой год для всех эмо. Год, в который многие повзрослели и потеряли последние иллюзии в отношении кружавшего мира. Этот год был так плотно наполнен событиями и эмоциями! Год Егора. Всего один год. Как мало и как много...

Смутно опасаясь, что на сходку придет много малолеток, которые напытятся для куражка и начнут безобразничать, Катя решила не брать дорогой фотоаппарат. Хотя поначалу хотела. Без фотика лучше, правильнее, ведь она же шла туда не за памятными снимками, а за попыткой окунуться в прошлое. И понять, что изменилось в ней самой. Что скрывать, она и сама по

малолетству могла учудить много чего оригинального. Но никогда не вела себя, как гопница.

Случайно Катя оделась почти так же, как сейчас в Эмомире одевалась Кити. Почти, но чуть более скромно. Да и прическа уже была не та — она давно уже не красила свои светло-русые волосы. И макияж стал попроще.

На всякий случай она надела огромные темные очкина пол-лица. Очень не хотелось, чтобы ее узнал кто-то из старой гвардии, из тех приятелей, с которыми она тусовалась до Егора. Не хотелось вопросов о Егоре, соболезнований, сочувственных взглядов и восхищенных отзывов фанов о ненавистных ей теперь книгах об Эмомире. Это — лишнее, это ей сейчас совсем не нужно. А может, она врет сама себе? И ей наоборот ужасно хочется, чтобы кто-нибудь ее узнал, и все дружно завопили — «Кити вернулась!» Попробуй, разберись в себе, когда ты одной ногой в новой жизни в Лондоне, а вторая все еще стоит у могилы Егора. Как бы не разорваться пополам.

В метро она заметила, что нефоров становится больше, чем в прошлом году. Начала даже считать — две мальвины, шесть готов, два панка, еще пятеро — сложно сказать, кто они, — но классные, эмо... типичных эмо не было. Не было таких ярких, режущих глаза эмо, какие были в две тысячи седьмом.

— Я начинаю определять людей по прикиду, это тупо и невежливо, — решила Катя. — Так же поступают гопники. Нефоров просто вычислить, как и самих гопов. Но как быть с говнарями, этими неисправимыми любителями русского рока в грязных тельниках и балахонах «КиШ»? Они вроде бы тоже претендуют на звание нефоров. В какую тусу не придешь — непременно штук пять наберется. И всегданажрутся до изумления быстро...

На выходе из метро Катя издалека увидела своих соратников по эмо-движению. Их было много. Полиция нервничала, как при виде фанатов «Зенита». ОМОНа, впрочем, не было.

— Вот гады, — заговорила с ней симпатичная девочка. — Стоят, не вмешиваются, даже если нас бить начнут — так и будут стоять. Вот недавно...

Катя так и не узнала, что случилось недавно — девочка увидела своих и с радостным криком побежала обниматься.

Друзей в этой тусовке у Кати не было и никогда. Так — хорошие приятели, не более того. Но, похоже, они выросли, и туса их больше не интересовала. Поэтому здороваться было не с кем. Она слилась с толпой, но чувствовала себя неуютно. Похожая на них внешне и непохожая внутри.

Эмо не изменились. Истинные приверженцы этой субкультуры не сдавали позиций ни в чем. Те же разговоры о музыке, которой по сути уже не было. Про то, как их ненавидят на работе или в университетах с разными названиями. О том, что эмо лучше всех. О том, что надо быть сплоченнее. О том, что жалкие подражатели не могут знать, что происходило в том самом году. И что сентябрь сгорает. О том, что быдло достало. Что надо развивать культуру. И поменьше пить пива. Кто-то поучал молодежь, требуя — не примазывайтесь, создайте что-то свое, лучше нашего. Молодежь курила, безудержно пила пиво и огрызалась — мол, вы ничего не создавали, взяли чужое, а что вас били часто — так это ваши проблемы. Нас вон тоже бьют и унижают, а нам фиолетово.

Уже трижды прозвучало слово «педовка». Раз сто кто-то ругнулся матом.

Катя расстроилась.

Ностальгия стремительно улетучивалась. Не чувствовалось радости. Было тупо скучно. Вроде бы все и сами понимали, что детство закончилось. Что протестовать бесполезно, даже опасно. За протесты теперь можно и за решетку угодить. А с эмо за решеткой много чего плохого произойти может. Слабость и искренность стали еще более презираемы. Это угнетало. Аутентичными казались только те самые четырнадцатилетние педовки с их пустыми головами и неконтролируемыми эмоциями. А Катины ровесники смотрелись нелепо в инфантильных эмоприкидах. Особенно парни. Искусственноэкзальтированные, как пенсионеры на советских ностальгических тусовках. Наигранный ажиотаж раздражал — какой-то карнавал с ряжеными в детей клерками.. Но больше всего Катю расстроили те, кто менялся даже не собирался. Они демонстративно не хотели двигаться вперед. Взрослые, всерьез играющие в детей, не вызывали умиления. Они ей напомнили Дэна — тот тоже не имел не малейшего желания менять хоть что-то в своей унылой асоциальной жизни. Жил для себя, как хочется ему одному. Запредельный эгоизм. Полная безответственность. Она не такая!

«Похоже, мне тут теперь не место, — уверенно решила Катя, — и я знаю, где сейчас мне хочется оказаться».

Она пошла к метро, даже ни разу не обернувшись. Ей не хотелось больше возвращаться в 2007, ее ждал 2014. Он будет счастливым и радостным.

Любовь изменила Катю, ей не хотелось жить прошлым. Хотелось новых впечатлений, надежд, хотелось мечтать о будущем с Такаси в Лондоне. Можно и в Питере, но Такаси считал, что в этой стране двигатель всего — борьба с проблемами, которые не нужны никому и никогда. На этот

счет у Кати не было собственного мнения, но она верила Такаси. А еще больше отцу, который говорил примерно тоже самое.

«Я устала бороться сама с собой. Чувствую себя иногда слабой. И если буду продолжать эту борьбу, могу нечаянно себя победить. И что тогда? Подстраиваться под взрослого ребенка Дэна? Живя воспоминаниями о Егоре? И это все, ради чего я родилась? Ну уж нет. Если выдали жизнь, то в ней должен быть смысл. Если его нет — надо найти. А чтобы искать и найти — нужно жить».

Она улыбнулась своим мыслям. И удивилась — надо же, она могла смеяться над собой.

«Хороший признак. Я выздоравливаю. Или уже здорова. Надо все сказать Дэну. Он поймет. Он простит. Хотя — ну за что меня прощать? Я же пока его ни в чем не предавала? А за любовь он меня не осудит. Он добрый. Но я уже не люблю его.

А потом мы уедем в Лондон, а дальше — в Токио, в Нью-Йорк, в Акапулько, Рио-де-Жанейро или Париж. Я доучусь, защищу диссертацию, рожу Такаси детей. Буду их любить и показывать им этот мир. Вытащу к себе Малыша. Передо мной вся жизнь, и хватит уже плакать на могиле любви. Нужно жить и любить. А иначе — зачем жить?»

Глава 21

Влюбленный Кот

Так получилось, что теперь Юля Лемеш не умела жить без Суриката. Книги, которые спалили на кладбище любимых вещей, по сути являлись ее дневником. Особенно первая. А во второй было слишком много редактуры, которой занималась сама Лемеш — ей не хотелось выставлять свои переживания напоказ. Да и друзья вовсе не горели желанием, чтоб их личная жизнь снова вышла на всеобщее обозрение. Те страницы, которые по тайной причине не сгорели, касались именно Суриката, точнее — начала большого чувства к нему. Воспоминания о первой любви к другому человеку напрочь выветрились из сознания Стаси по вполне понятной причине — любовь ушла, исчерпала себя и забылась.

Стася тяжело приживалась в Эмомире. Поначалу тоска о Сурикатае была ненавязчивой. Но с каждым днем она нарастала. Девушка делилась с Котом:

— Мне плохотут. Был бы со мною Сурикат, он все бы тут переделал и давно уже придумал, как с морем разобраться, — что и говорить, ее вера в возможности Суриката была безгранична. — Но я его почти не помню.

Помню только, что он всегда был рядом и очень помогал. Я даже вспомнить не могу, кто он такой. Может, я его выдумала?

Кот обрадованно заулыбался.

— Дурацкий Эмомир! И если это сказка, то в такой я не хотела бы ни жить, ни умереть. Кто здесь подержит руку мне в момент последний?

— Моя лапа не сойдет? — Стася посмотрела на лапу, потрогала ее, ощупывая мягкие подушечки и очень острые когти, которые Кот тут же спрятал.

— Сойдет. Но на плечо я голову тебе не буду класть.

— Зато тебе не страшно будет здесь стареть — котам плевать, как выглядит любимая. Им нравится их запах.

Тему запаха развивать не хотелось.

— Тут вроде бы никто и не стареет? — предположила она.

— Увы. Не удалось мне соблазнить тебя такою замечательной приманкой.

— И целоваться я с тобой не буду. Ты щекотный, и губы у тебя не те. Ну, вот зачем полез тогда с животной страстью? Ты шерстяной. И поцелуи шерстяные. Да и вообще — откуда знать, что ты лизал своим шершавым языком до этого? — напомнила Стася.

— Гм, разное лизал, зато как интенсивно, — Кот смущенно улыбнулся.

— Убить тебя за это мало!

— Да я шучу.

— Шути и дальше. Я пошла. Мне хочется сейчас побыть одной.

— Не ври — ты без урода этого минуты не проводишь, — но Стася уже исчезла за углом дома, взяв Ох-ни-фига-ж-себе подмышку.

Тот напоследок гнусно ухмыльнулся.

Поглядев на пустынную улицу, Кот судорожно думал, как бы соблазнить Стасю. Он начал вспоминать, а чем же он прельстил свою жену — земля ей пухом. Неужели, все дело в ученых степенях и том, что им сопутствовало? Да, он был богат. И не пытался ее охмурить. Она сама ловко очутилась в его постели. До этого был обморок. Наверное, она перепила? Вспоминалось помятое лицо в чепце. И как она орала на прислугу. Ходила в театр и возвращалась утром. Устраивала сцены, бурно мирилась, затем следовал секс на грани мордобития. Но все тогда так жили. Боясь, что с утра придет чума и уже будет все равно.

— Сейчас все по-другому, мне даже наплевать, как выглядит она, хотя бы и неплохо в парче и шелке увидать ее разок. А то все дамы при нарядах, а Стасечка моя, что за дурной характер, уперлась и не хочет наряжаться.

Обычно Кот старался развеять грусть Стаси, болтая о всякой ерунде. Он видел, что Стася не выглядит счастливой. Что само по себе не так и удивительно. Но его угнетало, что он не мог ее рассмешить. Даже презабавными воспоминаниями о шалостях инквизиции. Или о его алхимических опытах.

— Ну, весело же, Стася! Выходишь, полквартала нет — снесло от взрыва. Эх, вспомнить бы еще, что я тогда изобретал.

— Ты же не клоун, Кот, а стал его смешней. Готовишься на смену Тик-Таку? — спросил Губка Боб, которому нравилось наблюдать, как происходит рисование на стенах и как Кот ухаживает за новенькой.

Кот перемазался в краске, пока толкался рядом со Стасей. На ней цветные брызги были незаметны — пальто словно впитывало в себя любую грязь. А запах от пальто — он сводил Кота с ума. Напоминая о местах, в которых ему довелось побывать и даже быть там изредка счастливым.

— Да, я не клоун. Однозначно. Повеселей его. Теперь от вида клоуна тоска подохнет. Ему б не в клоуны, а в трагики! Да только нет ведь пьесы о треугольнике любовном клоуна и пары лесбиянок. Вот из меня бы вышел лучший в мире клоун, еще б мне подучиться...

— А Стася цирк не любит, она сама мне говорила, — вспомнил Губка Боб, — там не смешно ей приходилось в детстве. Ей было скучно там и страшно.

— Она с тобой так откровенна? — Кот прищурил глаза, полыхающие ревностью.

— Она ни с кем. Она одна. Как кошка по себе сама гуляет. И этот демон жуткий с ней всегда, — испугавшись своих слов, Губка Боб попятился, пока спиной не уперся в свежеокрашенную стену.

На стене красовался обширный рисунок, по сути, панорама лесного озера. Стася тосковала и по лесу тоже. Она успела преобразить целую улицу.

После соприкосновения с природой Боб напоминал кусок изысканного сыра — в зеленой плесени.

— Жуть, — решил Кот, оглядев Боба.

И тут же снова начал думать о Стасе.

— Ну что за радость ей от этих бревен? Она не ловитптичек. Все прочее в лесу — такая ерунда! Грибы нарисовала. Гадость, фу. Грибы я есть не стал бы под угрозой смерти.

— Ну, я пошел? — воспользовавшись задумчивостью Кота, Губка Боб попытался скрыться. Он спешил на футбол с мишками Тедди, которые собрали команду и намеревались обыграть эгровцев. А он должен был стать судьей.

— Нет, стой, дружок, ответь мне на один вопрос. Ты точно должен знать, куда Тик-Так шныряет каждый день так регулярно. Что он за место навещает?

— Ездит в замок?

— Нет, нет. Меня интересует город.

— Ах, город. Мишки говорили, что видели на кладбищеего, еще он ежедневно мотается на Гневе куда-то вон туда за горизонт, в другую сторону от Пика Удовольствия. А точно я не знаю, правда!

И Губка Боб удрал судить футбол.

— Понятно. Где-то там. Но где? — Кот задрал голову вверх и задумчиво почесал себя под подбородком.

Ему вдруг стало грустно. Куда приятнее, если бы шею почесали руки Стаси. Тогда бы он мурлыкал. А так — ну просто онанизм какой-то.

Он пошел искать Стасю и обнаружил ее на кладбище барбикенов. Сидела со своим Ох-ни-фига-ж-себе на могиле и смотрела на море. Кот так и не понял, как она узнала, что он стоит за ее спиной — шел крадучись, как можно тише. И мышь бы не услышала.

— Ты знаешь, мне тут плохо, но есть один серьезный плюс, — сообщила Стася.

— Это я? — встрепенулся Кот.

— Ну, без тебя бы мне пришлось гораздо хуже. Но дело не в тебе. Тут на меня никто из взрослых не орет. Не принуждает быть такой, как надо. Не обзываются. И не доказывает мне, что хуже меня нет на свете. Не сравнивает. Не требует решать, кем я хотела бы быть...

— О! Это очень много плюсов, — серьезно заявил Кот и сел рядом, но не с той стороны, где ерзал злобный демон.

— Ну да, конечно. Так и есть. Однако погляди туда, у моряна песке стояла вешка, теперь она в воде наполовину. И с этим надо что-то делать.

— Достать тебе ее? — тут же предложил Кот.

— Нет, что ты. Живое в море пропадет. Быть может, есть секрет — как море успокоить? Чтобы оно ушло в себя обратно? Я бы не хотела утонуть. Мне кажется, что надо вспомнить все легенды и способ свой изобрести...

— Обычно в жертву деву приносили, — тут же обрадовался Кот.

— И где ты тут ее найдешь?

— Ого, так ты не...

— Отвянь, противный! А другие жертвы что, не подойдут?

Кот прикусил язык в прямом смысле этого слова, чтобы промолчать.

— Молчишь? Тогда я буду рассуждать сама. Мы ищем спасения не просто от моря, а от моря забвения. Быть может, нужно в памяти у ЭмБога лишь освежить все то, что дорого ему когда-то было?

Поразившись догадливости Стаси, Кот продолжал жевать язык и даже заплакал от боли.

— Не переживай, маленький ты мой, — вдруг расчувствовалась Стася, принявшиесь гладить ошалевшего от счастья Кота.

Он заурчал, как десять тракторов, закатив глаза от блаженства. Но лучше бы он их не закрывал. Ох-ни-фига-ж-себе украдкой подобрался, снял свой дрянной платок, смял и сунул Коту прямо в рот.

— Не деритесь! — ругалась Стася, расцепляя плотный клубок из визжащих тел.

— Поймаю, растерзаю в клочья! — грозил Кот, пытаясь привести себя в порядок. — Ну, что за тварь? Кусается, пинается, плюется. Давай его забросим в море? Хотя, боюсь, оно его не примет, подавится и выплюнет обратно!

Стася вдруг рассмеялась.

Довольный Кот сиял.

— Вот детский зоосад, — решила Мания, глядя на эту сцену в подзорную трубу. — Но, к сожалению, смешного мало. Летит к нам смерть стрелой Амура из Реала. Похоже, всем нам лучше бы уснуть и не проснуться. Мне карты говорят, что есть еще надежда слабая спастись от моря. Но только вот какой ценой? Готовы ли платить мы эту цену?

Глава 22

Чем открыть портал?

В ожидании рокового дня Маргит нашла себе новое развлечение. Подкупив гвардейцев и убедив их в том, что плохого они не делают, она каждый день ходила проводать Риту. Дворец жил своей привычной жизнью и никто не обращал на ее прогулки никакого внимания.

— Ну как ты, деточка? Жива еще? Глаза мои не выплакала? — Маргит с упоением рассматривала Риту в маленькое зарешеченное окошко.

Та неподвижно сидела на скамье. Только крылья подрагивали. А рядом копошились преображеные эмоции, — слабые, бесцветные медузы.

— Почти готова. Каждую весну хозяйки мух похожих между окон находили. Ты жди, я завтра вновь приду тебя проводать. Так познавательно смотреть, как ты уходишь в мир другой. Ты не умрешь, как все. Ты просто обезумеешь, бедняжка. Твой разум дверь найдет в приятные места, где

счастлив был. Ты только тело береги, подруга. Побольше ешь и спи, пусть отдохнет. Душою сохни сколько хочешь, а телом дорожи. А я пойду менять тут обстановку.

Тру-Пак прислушивался, стоя в темноте углубления стены, что вела к лестнице.

Как только та, кто называлась Ритой, ушла, он вышел из укрытия и пошел посоветоваться с Покойником.

— Нечисто что-то тут. Она же не могла ее ни знать, ни ненавидеть. Вот мы — другое дело.

— Садистка?

— Правда, может, Эллис сказала, что Маргит натворила тут когда-то? Не очень-то я доверяю этой Рите. Давай расскажем Кити? Все-таки они подруги.

— Были. Теперь почти не видятся. Но ты не торопись — к чему тревожить понапрасну Королеву?

Маргит, в роскошном черном платье с лиловой отделкой, быстрыми шагами кружила по улицам. Делая вид, что поправляет прическу, она оглядывалась, пытаясь определить, нет ли слежки.

— Какая глупость? Шпионить тут никто не в состоянии. Глупцы! — она решила прекратить бессмысленное хождение и пряником направилась к порталу, о котором ей совсем недавно проболталась Эллис.

— Тогда катались с Тиком каждый день на верных Гневах. И вот однажды Гневчик мой затормозил. И жадно нюхал воздух. Потом завыл. Тик-Так... — Эллис запнулась на имени жениха. — Он тоже среагировал, как надо. Мы ведь и раньше так порталы находили. Но битые они все были. А тут — вошли, и сразу же почуяли мы оба, как тонкие энергии Реала уверенно просачиваются в наш мир. Так было странно осознать, что связь с Реалом снова есть. Он вскоре полностью откроется. Но вот когда и как? Ведь все так сильно изменилось. Тик-Так пытался дверь раскрыть в реальный мир. Но не сумел. Эмоций не хватило сильных.

«А я сумею, — усмехнулась про себя Маргит. — Нет времени на ожидание».

Для начала ей пришлось выяснить, в какие часы туда наведывается Тик-Так. С недавних пор он снова патрулировал периметр.

— Тик-Так довольно пунктуален. Мы разминемся с ним легко.

Портал располагался в салоне мод — так заявляла покореженная, но уцелевшая ржавая вывеска, которую раскачивал морской ветер. Дом взорвали, чтобы завалить проход в портал с Реалом, но большая его часть чудом уцелела. Когда-то барбикены устроили здесь салон для показов своих

нарядов, пожалованных Маргит в обмен на их мещанское счастье, которым набивались сундуки в подвалах замка. В центре длинного зала даже был сделан специальный подиум, по которому когда-то прохаживались правильной походкой любители красивых шмоток. Иногда кто-то специально падал. Иногда устраивались громкие скандалы. Или кто-то кого-то бил. Считалось, что мир моды без всего этого просто не может существовать.

Маргит вошла, притворив за собой дверь. Та закрывалась неплотно — перекосилась от времени и переменчивой погоды.

— Мне кажется, я слышу звук аплодисментов, — рассмеявшись, Маргит похлопала в ладоши.

Звук был приглушенный, словно покрытый пылью. Как и все в этом помещении.

Опальная Королева прошлась по подиуму, как заядлая модель. Развернулась, эффектно взметнув подол длинного платья.

— Осталось открыть портал. Так обветшало все, что сразу не поймешь, какие действия нужны.

Она по очереди трогала все предметы, что попадались под руку — стулья, занавески, вешалки, потерянную кем-то туфлю, картинки из журналов, развешанные в рамках на стене. И каждый раз надеялась — сейчас врата в Реал откроются.

— Нужный день почти настал, а я топчусь на месте, — она начала громко топать ногами по подиуму.

Летела пыль, кружась в луче света. Падала фальшивая позолота с потолка. Схватив стул, Маргит с усилием бросила его, попав в люстру. Раздался звон разбитого стекла — но больше ничего не произошло.

— Кота позвать? Проныра ловок. Наверное, портал откроет он. Но времени так мало! Хочется самой. И я ему не слишком доверяю — он изменился. Преданностью поблекла. Все волочится за пугалом своим, — из ее сердца засочилась ревность.

Она подошла к столику, потрогала пустые бокалы — безрезультатно. Подошла к следующему, где валялась забытая пилка для ногтей. Маргит машинально взяла ее в руку. Портал не открылся. Она скользила взглядом по помещению — ну что же сделать? Разбила по очереди все бокалы об стены. Сломала стулья. Начала рычать как зверь.

Нюша шла по улице, неся в руках ворох одежды. Сегодня у нее возник гениальный план. Она решила стать супермоделью и поразить Егора своей походкой. Но еще ей нужно почувствовать себя немного королевой. Эта Кити... Высочество, ну как же! Нарисовала мир и правит.

— Егор — мой! Он вернулся ко мне. Он мой, — бормотала Нюша.

Она не хотела признаваться в ненависти к Кити. Все же та Королева. Ее положено любить и почитать. Приветствие, поклон и все такое. Но как ее любить, раз Егор не может думать ни о ком, кроме нее? Просто помешательство какое-то. Каждый взгляд Кити, каждое ее слово ловится с беспримерным вниманием, а у самого такое страдание на лице написано, что страшно.

Нюша мечтала, чтобы Кити вдруг исчезла. Вот так: все проснулись, а ее нет. Например, вернулась в Реал или хотя бы тоже влюбилась в эту Риту. Или споткнулась во время приема, испугалась села в собственную лужу. Ну, хоть какой-нибудь дефект. Чтобы Егор сравнил ее и Нюшу и понял, кто красивей и умней.

Придать уверенности Нюше мог только подиум. В барбикенском прошлом она редко участвовала в показах мод. Тогда у нее не нашлось достойного спутника, способного обеспечить свою подругу лучшими нарядами. Но теперь — теперь все наряды принадлежат только ей. Их так много, что она и десятой части еще не примерила. Быть может, она не умеет их носить достойно? И именно поэтому Егор бледнеет при виде Кити? Уж та всегда шикарно смотрится.

Вот и салон. Дверь скрипнула. Из света в полумрак — глаза должны привыкнуть, чтобы видеть ясно. Нюша не успела ничего понять, как почувствовала цепкие руки на своем горле.

— Как вовремя. Тебя-то мне и надо, — прошипела Маргит.

Испуг парализовал. Нюша даже не смогла кричать или сопротивляться. Ватные ноги — шагу не ступить. Чего хочет от нее эта безумная Рита? Почему она смеется, впившись взглядом в ее лицо?

— Пришел эмоций сгусток. Не бойся, детка. Я убивать тебя не стану. Мне это и не нужно. Порадовать? Не хочется, да и не знаю я, как пробудить в тебе сейчас сияющую радость. Быть может отпустить? Ха-ха. Да, радость отметаем. Мне нужен страх твой. Ужас. Тот, что за гранью разума. Первоначальный. Сильней которого на свете не бывает. По силе никакая радость в подметки страху не годится! Животный страх и вечная его подружка боль — вот, что портал откроет!

В ее красивых злых глазах сверкали искры. Нюша попыталась вырваться. Но не смогла. Ее держала не Рита, а огромное древнее насекомое, не знающее жалости. Купающееся в своей жестокости чудовище. Коварный хищник, играющий в садистские игры со своею жертвой.

Первый взмах пилкой оставил неожиданно глубокий порез направой щеке Нюши, растянувшийся от глаза до рта. Крик застрял у барбикенки в горле.

— Нет, маловато будет, на клоуна пока ты не похожа. Давай подправим? — еще один порез изувечил левую розовую кукольную щеку. Довольная результатом, Маргит подтащила Нюшу к огромному зеркалу, провела по нему рукавом, убиравая слой пыли.

— Смотри. Ты дорожишь глазами? И правильно. Ведь ты должна смотреть и видеть, чтобы сильней страдать и ненавидеть.

Одна рука крепко держала Нюшу за волосы. Другая наносила удары, раз за разом увечившие целлULOидную кожу. Схватив Нюшу за волосы еще крепче, Маргит начала выдирать их прядь за прядью.

— Немного мы оставим, не робей. Пусть память будет о твоей прекрасной шевелюре.

Тот ужас, что сковал все чувства Нюши, начал нарастать. От вида своего отражения она обезумела. Губы, раскромсанные до неузнаваемости, раскрылись в немом крике. Барбикены, как все куклы, к счастью, не чувствуют боли. Она им недоступна, как и физические удовольствия, которые они научились имитировать. Зато им стали доступны эмоции, и душевная боль в том числе. Боль от страшной обиды на Риту захлестнула несчастную Нюшу. За что ее мучает эта тварь? Страх, что Геро уже никогда не полюбит уродину, в которую ее превращала мерзкая Рита, поглотил Нюшу целиком. Этоказалось ей страшнее смерти.

Портал издал сухой щелчок. Повеяло воздухом Реала, почему-то запахло театром, нафталином, деревянной сценой.

Одним сильным ударом Маргит свалила Нюшу с ног и отволокла в помещение, похожее на кладовку. Прикрыв дверь, она оторвала несчастной куклеруки и ноги. Если бы у барбикенов была кровь — все вокруг бы утонуло в ней. А сейчас все тонуло в ее отчаянном крике.

— А может оторвать тебе язык, чтоб не кричала? Хотя чего уж там, ори, как можно громче. Ведь болью и страданием твоим открыла я портал.

Маргит оставила несчастную, беспрерывно вопящую куклу в кладовке и вышла полюбоваться результатом труда.

— Поройсама я удивляюсь, как мне судьба благоволит. Когда б сюда не влезла эта дура, кто догадался бы, что взорванный портал откроет взрыв эмоций глупой куклы?

Занавес, из-за которого когда-то выходили разряженные барбикены, колыхался от легкого ветра. За ним зияла чернота, но не бездонная — в ней отражались ряды кресел и большая подвесная люстра. Как выглядит портал с

той стороны, Маргит не знала. Но ей было важно лишь одно — принцам теперь будет проще простого войти сюда. А найдут они его еще легче — по зову матери.

— Как жаль, что я Геро пока не убедила в сны Кати в гости заходить. Тому виной еще и эта Нюша — нашел отдушину себе он в этой твари. Но с ней покончено. Работает отмычкой! Дойду и до Геро. Есть способ верный, как его заставить делать все, что захочу. Сначала с сыновьями Эмомир себе верну, всех наказав предателей и трусов. На корм отправлю Гневам трупы их. Лишь Кити и Геро я жизни сохраню, но не из жалости. Они для дела мне нужны.

Она вытерла пот с лица куском портьеры. Тяжелая эта работа — кукол расчленять.

— Я буду править. Мир мой возродится! А Геро? Пусть он милюется в темнице с Кити за то, что по ночам ныряет к Кате в сны. Попробуй, откажись голубчик, и Кити на потеху принцам я отдам. Геро карманным станет и послушным. Отступит море. Как же хорошо! Ты слышишь, Нюша! Больше никогда тебя Геро твой не полюбит и даже не посмотрит на тебя — безногую, безрукую уродку. Я голову твою прибьюк стене в темнице Кити, чтоб ты страдала вечно, видя их любовь.

Глава 23

Умная мысля приходит опосля

Нюша исчезла. Поначалу никто не беспокоился. Геро думал, что у нее очередной приступ ревности. Он нечаянно назвал ее Кити. Не в первый раз. Наверное, обиделась и снова роется в журналах. Ищет статью «Что делать, если твой возлюбленный в постели шепчет чужое имя». Что делать? Врезать ему по зубам. Обычно чудно помогает.

— Ты как? Я — плохо, — голосом ослика Иа-Иа сообщил клоун, заглядывая к Геро в гости.

Теперь его снова пускали во дворец. Правда, не дальше первых этажей, а туда, где обитала бывшая невеста, — ни ногой. Запрет был и не нужен. Клоун не стремился столкнуться в коридоре с Ритой и Эллис. Как рассказывали гвардейцы, они не ходят поодиноке, только вместе и держась за руки.

Он такой картины Тик-Так бы умер на месте.

— Мой друг Геро, собратья мы с тобой по горю. Благословенна будет наша Королева Кити, не устает она любить, но не тебя. И Эллис в Риту

влюблена как кошка, говорят. Без колдовства не обошлось здесь, знаю. Но как же мне расколдовать мою малышку?

Егору было неприятно, что он разговаривает с клоуном в запущенной комнате. Переехав в замок, Нюша сохранила прежние привычки, например, в спальне она и не думала убираться. Она вообще не убиралась там, где гости не бывают. И где она шастает? Вот ведь добилась своего — Геро стал думать и даже беспокоиться о ней. Да и слова про Кити стали меньше ранить. Боль отупела или он от жизни с Нюшой?

— Ты часто видишь Эллис? — с нескрываемым любопытством спросил Тик-Так.

— Не часто. И вот что я тебе скажу, Тик-Так. Рита — сложный человек. Но если честно, мне кажется, что не могла она влюбиться в Эллис. Поверь мне — Кити для нее всегда единственный был свет в окошке. Она ее действительно любила. Так сильно, что ее лечили от любви.

Клоун поник головой.

— Ты думаешь, что Рита любит Кити, а Эллис для отвода глаз? Коварно это! Подло и нечестно!

Стараясь быть справедливым, Геро поспешил добавить:

— Но Рита, та которую я знал, жестокой не была. И на интриги не способна. Я знаю лишь одно — она на все готова ради счастья Кити. Со мной она была из-за нее. Я понимаю, что звучит все это странно, но лучше мне не объяснять.

— Давай напьемся? До потери пульса. Чтоб мозг размяк, как студень, и умолк. Возьмем Кота...

— Он не придет. Как хвост таскается за Стасей. Мне кажется, наш Кот влюбился безответно. Добро пожаловать в наш HeartBreakClub! И это вовсе не смешно.

Клоун хотел неприлично пошутить, но передумал и сказал:

— Кошмар и ужас. Эмомир задуман, как любви прекрасной символ. Теперь страданьями он полон. Надо выпить.

— Тик, ты не прав. Эгоровцы живут счастливой жизнью, — уточнил Геро.

— Ну да, и мишки Тедди. И Губка Боб. Счастливые, как дети. Которых в детстве обижали, но теперь все любят.

Клоун достал бутыль из просторного кармана, нашел два стакана и налил в них зеленой жалости, разбавленной тоской.

— Изгои мы. И эта Стася тоже. Был бы хоть шанс какой-то вырваться отсюда...

— Я был везде, Тик-Так. Везде страдают. Тебе хоть проще — свое место знаешь после смерти. Вновь станешь ты тату на теле Кати. А вот куда отправлюсь я — ума не приложу.

Без Эллис быть на теле Кати Тик-Таку не хотелось. Что за радость наблюдать за чьей-то жизнью и не жить своей?

— Здесь я могу хотя бы видеть Кити. Ты будешь удивлен, Тик-Так, ведь Рита уболтать меня пыталась вернуться к Кате в сны, что живет в Реале. И говорила, что так будет лучше для нее.

— А что она еще тебе наговорила? — деловым тоном спросил клоун.

— Что надо сделать так, чтобы Катя меня снова полюбила с прежней силой, тогда и Кити тоже влюбится в меня, а Игоря забудет... Все это как-то с морем связано еще. Я сразу отказался. Любить покойника и жить с закрытым сердцем — такую участь Кате не желаю.

Договаривая последние слова, Геро уже понял, как странно они звучат.

— Нет, что-то здесь не так. Тогда меня душили злоба и обида, и я воспринял Риты предложение, как дружескую помощь. Причем не мне, а Кате.

— Сказать поправде, ты меня пугаешь, — Тик-Так был не на шутку встревожен.

— Теперь и я прекрасно понимаю, что Рита не могла такого дать совета. Страданья Кати ей больней всего, — мрачно согласился Геро.

— Я в корень зрю, я вижу корень зла. Предательство пустило корни в Эмомире! Ищи того, кому все это выгодно, приятель. Кому наш мир так ценен, что на все готов он, чтобы его и сохранить и подчинить?

В головах юноши и клоуна одновременно появилась и взорвалась ослепительным светом неожиданная догадка.

— Все это козни Королевы Маргит! Какие мы ослы! — орал Тик-Так. — Давай-ка рассуждать с начала. Кот — лжец, но предан Маргит был. Он обманул нас всех и Риту настоящую упрятал в подземелье. Сидит она в двойной темнице — во-первых, взаперти, а во-вторых, она в противном теле протобабочки томится. А Маргит снова обвела нас вокруг пальца. Но как же мы поверили Коту? Где были наши мозги, друг? Убила ревность их, а Маргит торжествует. А мы тут чокаемся жалостью с тоскою.

Геро метался по комнате, обрушивая мебель и в бессилии сжимая кулаки.

— И с Эллис все понятно мне теперь! Околдовала, дрянь, мою малышку! Я знал, что здесь без колдовства не обошлось!

— К еде проныра что-то подмешала? — с нескрываемым ужасом спросил Геро.

— Нет, проще все! Пустила в дело феромоны. Она искусна в деле обольщенья и не побрезгует мощнейшим колдовством. И к Кате в сны тебя отправить только Маргит может. Лишь ей с Котом доступно это волшебство.

Тик-Так перевел дух, пытаясь успокоиться и мыслить здраво.

— Теперь я знаю, что она хотела от тебя, Геро. Любовь к Егору помогла бы выгнать море. Для Маргит море — главная помеха. Ей нужен Эмомир и власть над ним. Я чую злые мысли Маргит! Она давно вцепилась в этот мир. Из двух других ее поперли с треском.

— Одна она не сможет победить, — сомневался Геро.

— А сыновья? Ведь у нее два сына, обучены Котом, они сейчас в Реале. Но если тут они окажутся...

Клоун, выпучив глаза, с открытым ртом уставился на друга, словно подавившись неожиданной мыслью.

— Бежим! Предупредить гвардейцев надо срочно! Ведь есть портал. Один. Последний. И знаем про него лишь я и Эллис!

— Ты понял, для чего вцепилась Маргит в Эллис? — догадался Геро.

— Верняк! Разведать про портал она хотела. Бежим сначала к Эллис, а потом к гвардейцам, — клоун кинулся бежать, подозревая, что Маргит уже давно все знает о портале.

Геро не успевал за ним. Не клоун, а мешок картошки, который возвомнил себя кометой.

В комнате Эллис царил полумрак. Она не полюбила солнце и плотно занавешивала окна. Сидя за столиком у зеркала, она всматривалась в свое лицо с тревогой. Словно пытаясь понять, кто она такая и зачем так живет. Когда к ней ворвался встревоженный клоун, Эллис попыталась сделать бесстрастное лицо и встала.

— Не бойся, девочка моя, признайся — ты говорила Рите о портале? — с порога выпалил Тик-Так.

Тяжело дыша, вбежал Геро.

— Ну, не совсем. Она расспрашивала. Но я лишь только намекнула...

— Сказала или нет? Пойми, наш мир в опасности! — вскричал Тик-Так.

— Ну, может, и сказала. Что с того? Она же нам плохого не желает? Кто может угрожать нам здесь? Реальный мир далек. И мы ему неинтересны, — почти высокомерно пояснила Эллис.

Называть предательницей возлюбленную друга Геро счел неуместным. Но по его лицу и так было все ясно.

— Эллис! Попробуй мне поверить, Рита — Маргит! И хочет уничтожить нас, — клоун старательно выговаривал каждое слово.

— Не может быть! — стало понятно, что Эллис готова с пеной у рта доказывать, что ее возлюбленная не может быть злодейкой.

Она такая ласковая с ней. Чуткая. Но о портале выспрашивала аккуратно и не раз. И что это доказывает? Простое любопытство. Ведь для нее Реал — родной. Конечно, ей должно быть интересно, нет ли двери в знакомые края.

— Ты не вини себя, ведь все мы ошибались, — грустно и ласково сказал ейклоун.

Втроем они отправились к Кити. Но ее в замке не оказалось. Или она была так занята, что не захотела отворить двери. Они стучали долго и орали, пока не прибежал Тру-Пак. Рассказав ему о своих подозрениях, Тик-Так был вынужден сказать и о портале.

— Ну ты и дятел. Эллис ты не лучше. Вы знали, что портал почти открылся и молчали?

— Так безопаснее для всех! — убивалсяклоун.

— Да что вы все, как белены объелись, — не выдержала Эллис. — Пойдемте лучше-ка в темницу к Маргит, спросим...

— Не получится, — Тру-Пак разозлился. — Она с утра ушла в себя и не вернулась. Мычит. Поет. И с вороном беседует, которого не видно. Короче, бредит.

— Не Маргит это! Рита! — поняв все, Геро потребовал, чтобы его впустили в камеру.

— Да я не против, брат. Но требуется слово Королевы. А вдруг ошиблись вы, и это сумасшествие лишь новый хитрый ход коварной Маргит?

Все вытаращились на него в негодовании. Но могучий успокойник только пожал аршинными плечами, уверенный в своей правоте.

В это время Стася слушала Кота. Он рассказывал ей о днях своей бурной юности, бурность которой заключалась в поисках истины и смысла жизни. Причем искал он их чаще всего в книгах и пыточных застенках.

— Мне страшно и противно. Я не хочу об этом больше слушать, — сказала она.

— Так чем тебя развлечь? Скучаешь ты по Сурикату? Ну, хочешь, весточку ему передадим? — Кот хотел сделать ей приятное, злясь на себя за это предложение.

— Но как?

— Да просто очень. Тут раньше был район особый. Спальный. Я сам все там придумал, изобрел. Ложишься на кровать и засыпаешь. И попадаешь в сон кого-то, близкого тебе. И даже можешь с ним поговорить. Ты не

поверишь — все это было затеяно, когда я жил другим проектом. Насчет мышней челкастых...

— Но ведь района этого давно уж нет? Мне мишки говорили, что злая Маргит уничтожила кровати.

— Ну, как сказать, одну кровать я позаимствовал. Но не украл. Припрятал. Так, на случай всякий. Из вредности. Такой характер. В Реале не осталось никого, кто мне бы дорог был. Но ты ведь можешь попытаться?

Отведя Стасю в подвал дома с угрожающей трещиной на фасаде, Кот показал кровать. На вид самая обычная койка, таких полно в больницах. Стряхнул с нее пыль, чихнул с печальным визгом в голосе и деликатно извинился.

— Я буду рядом. Помурлычу. Ложись и ни о чем не думай — так быстрее выйдет. А демона с собою не бери. Дурной он — может помешать. Сунь под кровать его, пускай там дрыхнет.

Ничего не понимая в такой странной магии, Стася послушно легла и закрыла глаза. Кровать показалось ей дико неудобной. Она свернулась калачиком на левом боку, подложив руку под щеку. Очень скоро она задремала, но перед тем как заснуть, поглядела на Кота и улыбнулась.

Кот смотрел на нее и мурлыкал так нежно, что сам себе умилялся.

Сложность состояла в том, что Стася могла попасть в сон только двух человек, но Лемеш привыкла засыпать под утро. Ошибка при сожжении книг сработала самым причудливым образом. И связь нарушилась, разделившись напополам. Поэтому Стася провалилась в сон Сои.

В этом сне Соя уже увидел много чего увлекательного, как вдруг ему явилась розовая лошадка. И спросила что-то насчет суриката. Не зная, что ответить, Соя вспомнил, как выглядит этот занятный стайный зверек и, нервничая, рассказал обо всех его повадках. Лошадка явно огорчилась.

— Зачем тебе сурикат? — заинтересованно спросил Соя.

Он умел и любил расспрашивать. Неудивительно, что вскоре он узнал об Эмомире столько, что руки сами потянулись набирать текст.

А Кот тем временем присел на край кровати, мурча, и принялся перебирать лапами, как делают все коты, когда довольны. Слегка забылся, нечаянно выпустил когти и поцарапал спящей Стасе кожу. Та не проснулась окончательно, но выпала из сна Сои, тут же перебравшись к той, которую знала гораздо лучше. Но про Суриката спрашивать не стала. А рассказала о Коте. И о море.

Решив, что Стася крепко спит, Кот осторожно улегся у нее под боком и сделал то, о чем мечтал — положил голову ей на плечо. И так лежал, не шевелясь, счастливый и даже немного удивленный своему счастью.

— Оказывается, коту для счастья мало надотак, — напевал он баюкающим голосом.

Ох-ни-фига-ж-себе что-то заподозрил, выбрался из-под кровати, увидел хвост, свисающий до пола, и вцепился в него со всей дури кривыми острыми зубами.

— И что мы так орем? — спросила проснувшаяся Стася, наблюдая, как Кот крутится волчком.

— Убить гаденыша! — прорыдал Кот, баюкая укушенное место. — Мой хвост! Мой бедный хвост! Ты ничего не понимаешь! Котам нельзя калечить важные запчасти!

Проснувшись, Соя ринулся к компьютеру и застучал по клавиатуре. Работал с час. Потом проголодался.

— Причем тут сурикат? — спросил он сам у себя, когда собрался позавтракать.

Звонок от Лемеш его порадовал и окрылил. В кафе они обсудили все новые, всплывшие из снов факты.

— Картина складывается. Много белых пятен. Но это ерунда. Юля, ты, случаем, не знаешь, почему твоя чудесная Стася интересуется сурикатами? У нее какой-то личный интерес к этому зверьку?

— С недавних пор я замужем за ним. Такие вот дела, — рассеянно ответила Лемеш, думая о Море забвения.

Из всего, о чем рассказывала Стася, оно поразило ее больше остального. До сна она не слишком волновалась за нее. Но теперь думала о Стасе, как о ребенке, который уехал в чужую страну, а вместо родителей и друзей обзавелся подозрительным говорящим Котом. И вроде бы все неплохо — узнала много нового, обустроилась, а тут на тебе — море. «Море забвения» звучало как-то пафосно и затаскано. Но вот суть его для Лемеш была, как приговор. Она раньше не задумывалась о глубине смысла этого слова — забвение. Некоторые вещи просто необходимо забывать. Или игнорировать. Случилась бяка, не можешь с ней справиться, переступи иди дальше, сделав выводы. Но ведь есть и что-то такое, что забывать не следовало.

Ее охватил ужас. Все, что мы любим и чем мы дорожим, — все это невозможно удержать. Оно исчезнет. Как мы сами. Останутся фрагменты памяти. А потом не станет и их.

— Не сомневайтесь, Сурикат хороший, — зачем-то добавила Лемеш, заметив встревоженный взгляд Сои.

Предпочитая не надоедать лишними расспросами, Соя сверил записи и, наспех попрощавшись, ушел работать над книгой.

— Наверное, надо ему сказать кто такой Сурикат? — рассеянно подумала Лемеш. — Но лучше срочно заняться спортом и устать, как бобик, чтоб к вечеру упасть и заснуть как можно быстрее и крепче. Надеюсь, что у Стаси получится еще хоть раз немножко со мной поговорить. Меня беспокоит это море. Мне страшно за Эмомир. И за Стасю тоже.

— Ну и как? — наконец Кот прекратил верещать.

— Ужас. Теперь я сомневаюсь, что я из Питера, хотя есть вероятность, что я работала в зоопарке и мыла клетки суриков. Я во сне была у какого-то странного дядьки, он мне все о зверьках забавных этих рассказал и почему-то очень интересовался Эмомиром.

— А ты?

— Ну, рассказала ему все, что знаю. Забавно, но он был мне рад. Хотя, мы вроде бы и не знакомы. Потом чуть не проснулась и попала к себе самой, но повзрослев.

Сказать по-честному, Стасе Лемеш не понравилась. Она одновременно была и чужой, и родной тоже. Сложное ощущение. С одной стороны, тебя жалеют, а с другой, используют исключительно как источник информации. Нет, чтобы посоветовать, как быть!

— А где же благодарность? — Кот подставил щеку для поцелуя и совершенно неожиданно получил его.

Забыл об укушенном хвосте. Весь засиял. Мяукнул. Подпрыгнув, сделал сальто. Прошелся колесом. И подбежал за новым поцелуем и получил и его.

— Теперь я тосковать не буду. Наверное, я все придумала. Или ошиблась. Я помню хорошо лишь школу. Там было плохо. Из меня там мастерили примерного ребенка. Усиленно. А я сопротивлялась, как могла. Еще был дом. Семья. Пусть в памяти останется лишь это. И ты. Ведь ты меня не бросишь?

Растянутый Кот тут же поклялся не бросить Стасю никогда и ни при каких обстоятельствах. И даже гаденыша кошмарного терпеть.

— Давай пойдем туда, где море. Будем сидеть и на него смотреть, а ты расскажешь что-нибудь волшебное. Ты знаешь, я хочу понять, как делается философский камень, — попросила Стася.

Но Кот внезапно насторожился. Шерсть встала дыбом. Он услышал зов хозяйки. Она приказывала бежать к ней без промедления. И в голосе ее царило торжество победы.

— О боги! Она нашла портал, она его открыла! Мы пропали, — прошептал он.

— И ничего не сделать?

— Боюсь, что нет.

Они выбрались в город. Картинны Стаси облетали со стен стремительно ветшающих домов. Превращались в разноцветную пыль. Ветер поднимал ее, закручивал вихрем и бросал им в лицо. Глаза слезились и обзаводились цветными подтеками.

— Настало время плакать, — вдруг произнес свои первые слова Ох-ни-фига-ж-себе.

Примерно в это же время Геро и克лоун сошлись во мнении, что нужно срочно провести расследование. И еще — неплохо бы воспользоваться порталом и проведать Реал.

— Ты с нами? — словно уже все было решено, спросил Тик-Так у Эллис.

Она молчала, и тогда клоун решил, что ответ очевиден.

— Пошли, Геро, я проведу тебя к порталу. А вы, гвардейцы, ступайте к той, что сидит в темнице. Допрос устройте ей поделикатней и дождите Кити.

На площади шумела толпа. Жители Эмомира праздновали День веры в светлое будущее. Перейти через площадь оказалось просто невозможно. Геро в один момент схватили за руки и втянули в хоровод. Куда-то делся и Тик-Так.

— Отпустите! — кричал Геро, но мишки громко пели, и его никто не слышал.

Глава 24

Диллемма

— Она зовет меня. Но клятву дал — тебя я не оставлю! — Кот старался выглядеть воинственно. — Но ей я тоже клялся приказы выполнять. Пошли со мной!

Стася прижала к себе демона, словно его кто-то прямо сейчас будет обижать.

— Не надо. Лучше я вернусь к той койке, из которой в сны проникнуть можно. И попытаюсь улучить момента рассказать им, что портал открылся.

А ты мне объясни, как им найти его. Вдруг они смогут из Реала портал закрытым удержать?

— Ты, как всегда, права, так будет лучше. Но только никуда не уходи. Я помогу тебе, когда вернусь. Сейчас попробую узнать все про портал.

Кот сел, закрыл глаза и стал похож на чучело. Но длилось все недолго.

— Понятно. Рубинштейна. Дом 13. Какой-то театр или клуб. Запомни улицы названье. Заучи. И передай все это в сны своим друзьям. О помощи проси. И жди меня!

Он не удержался и чмокнул ее напоследок, а потом помчался к своей хозяйке, которой отказать не мог. Кот не счел нужным объяснять Стасе, что будет с ним, если он не подчинится приказу.

Портал был рядом, в двух кварталах. Маргит призывала Кота так требовательно, что ее зов отразился у эгоровцев резким звоном в ушах. Мишки Тедди схватились за головы. Геро не понимал, что происходит. Он рвался из толпы, подпрыгивал и старался высмотреть клоуна. Но того нечаянно уронили эгоровцы и теперь дружно смеялись над его нелепыми попытками подняться, решив, что он так шутит, веселит народ.

— Я толстый старый хрыч! — хрюпел Тик-Так. — Да что ж это такое! Подайте руку старишку, козявки!

— Вали его на зад! — радовался Губка Боб, думая, что подыгрывает клоуну, но на деле жестоко ошибаясь

Кити и Игорь вернулись из любовного полета счастливые и уставшие. Во дворце стояла необычайная тишина.

— Как хорошо! Немного отдохнем, придумаем, как в этот раз очередной отметить день рождения, — решила Кити.

— Но, милая, зачем же каждый месяц отмечать? Давно хотел тебе сказать — размоем мы величину событья. Давай придумаем другой народу повод веселиться. Мне кажется, что Эмомири нужен флаг и гимн.

— Вот это дело, мой король! Устроим конкурс. И призы. Парады будем проводить с подъемом флага, исполнением гимна. Не часто — раз в неделю, — обрадовалась Кити.

— Сегодня к маме хочется слетать, — признался Игорь. — Соскучился по ней. Да и она, конечно, тоже там тоскует. Ей в одиночестве не сладко. Хоть и старается она к нему привыкнуть. Жаль, в замке с нами жить она не хочет. Ведь для нее придуман был тобой когда-то он.

— Ну да, сто лет назад. Когда я верила, что ей тут предстоит счастливой быть с любимым. Как жаль, что не сбылось и это. Ну ладно, ты

лети, а я план конкурса на флаг и гимнсоставлю. Куда я подевала ручку? — Кити уже рылась в ящике письменного стола.

Улыбнувшись, Игорь поцеловал ее в макушку и, взяв несколько вещей для матери, улетел.

Привычка сразу взмывать к небу, чтобы потом спикировать прямо в пещеру матери, на этот раз оказалась некстати. Уж лучше бы он внимательнее оглядел свой мир. Хотя ничего опасного он бы и не заметил. Толпа, пестрая и хохочущая на площади. Кот, впринрыжку бегущий по улице. Растряянная Эллис на пороге дворца — она никак не могла понять, как поступить.

Игорь уже был у матери, а Эллис все стояла и не решалась сделать выбор. Идти за Тик-Таком? Тем, кого она так некрасиво бросила — без объяснений. Еще и накануне свадьбы. А он ее любит. Наверное. Но как прежде он ее любить не сможет никогда. И даже если у них есть будущее, сколько лет не живи счастливо — осадок никуда не денется. Будут упреки. А если даже и нет, Эллис сама будет чувствовать вину. Хотя вины вроде бы и нет. Только лишь одно тревожит — нужно было тогда поговорить.

— Теперь сама не знаю — любила ли его? А Рите хоть сейчас могу сказать слова любви. И все равно мне, кто она на самом деле: Маргит или Рита. Хотя, конечно, интересно знать — зачем меня обманывала Рита. Или Маргит? Как все запуталось! Пора распутать узел! А если надо — разрубить.

И она решилась пойти в темницу. Дверь была открыта. Внутри стояли гвардейцы, молча глядя на усохшую от горя и лежащую без движения Маргит. Когда-то жирное брюшко сдулось, лапки брезвально висели. От исхудавшего лица шел мягкий бледный свет, и Эллис ужаснулась. Ей все стало ясно. Сознание ее перевернулось и встало на место.

— Она жива? — боясь смотреть на бледное, как смерть, но все еще красивое лицо, спросила Эллис.

— Жива, себе на горе, — сочувственно пробормотал Покойник.

— Не место тут тебе. Здесь зрешище не для девичьих глаз, — рявкнул Тру-Пак.

— Ты ошибаешься. Я тут нужней всегосейчас. Допрашивать ее нельзя. Она слаба. Я заберу ее. И подлечу немного, я умею. Угрозы нет в ней. Хотите, встаньте у моих дверей и караульте.

Она с содроганием подняла легкую как пушинка Риту на руки и понесла как младенца, стараясь не повредить ломкие крылья.

— Не бойся ничего. Поверь мне — все пройдет. И будет лучше, — искреннее сострадание совершило чудо — Рита открыла глаза.

— Ты Эллис? Я тебя татуировкой помню, — сухие губы, потрескавшиеся до крови, едва шевелились.

— Да. И я пришла тебе помочь. Ведь ты не Маргит? Ты Марго, та девушка, которая любила Кити и Егора? Забудь же обо всех страданиях. Ты будешь жить. И мы докажем вместе, что ты не зло. Зло так легко не погибает. Я знаю все про Маргит. В ней силы много. И коварства, — печально добавила она, в смятении от того, что столько счастливых часов провела с самозванкой и злодейкой.

Рита заплакала бы, если бы смогла. Но сил на слезы не осталось.

Гвардейцы топали вслед за Эллис, перекидываясь мрачными взглядами.

— Ну что, пора поведать Кити, что тут творится? Или пока не беспокоить Королеву? На Маргитвсем народом устроить нам облаву? Или заняться обороной замка? Как думаешь, что лучше?

— Наверное, самим придется разбираться. Ты знаешь, Игорь не боец, не командир. И Кити далеко не Жанна Д'арк. Нам клоун нужен. Толстяк сумеет организовать эгоровцев для обороны, — Тру-Пак вдруг вспомнил жителей Эмомира и понял, что достойной обороны все-таки не получится.

— А от кого обороняться? От Маргит? Дадим по шее раз — сама уйдет.

— В Реал?

— А хоть бы снова в Ад. Она одна сейчас. Хоть демон, но ведь баба. Мы против нее бились и не раз.

— И за нее, — напомнил Покойник.

— Что делать, служба выпала такая.

Стася старательно пыталась уснуть. Тревога Кота передалась ей и не отпускала. Она прикинула и поняла, что в Реале далеко еще не вечер. Но вдруг тот доброжелательный дядька или Лемеш устанут, и им вздумается подремать?

В тот день Соя с утра почувствовал себя неважно, где-то подхватил противный вирус, который наградил его температурой и ознобом. Вдобавок болел живот и муторно тошило.

— Прилягу. На часок, не больше. И проснусь здоровым, — решил он.

Втайне он рассчитывал увидеть лошадку, что говорила голосом Стаси. И узнать о Кити как можно больше.

Так и получилось. Правда, вместо лошадки явилась какая-то оборванка, рыжая и несчастная. Стася так волновалась, что сбивалась с мысли. Но опыт писателя спас странное интервью.

— В прошлый раз я вроде выглядела как лошадь, — робко напомнила Стася.

— Ты не волнуйся, говори, каждая минута дорога, вдруг я проснусь? Я буду спрашивать — ты отвечай. Так что тебя так испугало?

Вопрос — ответ. Соя сдерживал волнение. Он взрослый. Он говорит с подростком, почти ребенком. И просто обязан внушить ей уверенность в том, что ситуация под контролем опытного человека. Постепенно Стася поверила и внятно объяснила, где находится портал, и что Кот уверен в необходимости его охраны со стороны Реала.

Первой из сна выпала Стася.

Узнав все про портал, Соя собрал друзей, ввязался в бой с врагами и победил Маргит.

Потом проснулся и долго не мог понять, отчего так радуется.

Он метался по квартире, пытаясь понять, что делать. Портал? Замечательно. Дверь в иной мир. Ее откроют настежь. И что тогда? В наш мир припрутся кучи мишек Тедди? Народ толпой повалит на них смотреть. Да и эмокуклы выглядят не хуже, и кроме слез от смеха ничего не могут вызвать в нашем мире... Но есть еще Маргит. Она собралась к нам? Или у нее тут есть сообщники? Вот вопрос вопросов. Если ей необходима помощь, то зачем? Завоевать Эмомир? Возможно. Будет править своей шайкой, а Кити и всех ее подданных запрет в тюрьгу? И что ей это даст, если Эмомир скоро навсегда погрузится в Море забвения? Зачем Маргит стремится править гибнущим миром? Или она нашла способ его спасти?

— О, черт! — Соя запутался. — Значит, так! Пока в сердце Кати жила любовь к Егору, Эмомиру ничего не угрожало. Но девочка страдала и была несчастной. Море наступает — значит, Катя наконец-то счастлива в реальном мире и готова отпустить Егора, ее любовь к нему тускнеет с каждым днем, и Эмомир, как это ни печально, обречен. Да, дорого обходится Эмомиру счастье Кати. Маргит об этом знает. Все ясно, ее цель Катя. И она наверняка задумала что-то отвратительное, чтобы не дать ей быть счастливой. Дилемма такова тут — счастье Кати или спасенный Маргит Эмомир, в котором она наведет свой гадостный порядок. И все мои любимые герои погибнут под ее пятой. Хотя и Эмомир, конечно, жаль, но счастье Кати мне дороже. Все ясно! Надо срочно спасать Катю!

Одеваясь, он позвонил Лемеш и рассказал о портале.

— Я бегу! Вдруг мы успеем что-то сделать? Ждите меня на месте.

Позвав друзей, Юля даже не стала им объяснять, что к чему. Просто попросила быть с ней и помочь, если понадобится.

Глава 25

Сила Риты

— Страдай от зависти, скотина! Поклоняйся! Трепещи! — Маргит махала руками как свихнувшийся дирижер.

Кот стоял, понуро склонив голову, не находя нужной мимики и слов, чтобы выразить свой несуществующий восторг.

— Ты что, животное, страх потеряло? — удивилась Маргит.

— Ну да, поселял, вчера вот был, а нынче нет его, все думаю — куда засунул? — промямлил Кот уныло.

— Не смеешь ты своею черной завистью испортить мой триумф. Я справилась. Я! А не ты. Такой портал не каждому под силу отворить. Так где же радость? Где почтение? Ты обожал меня, бродяга. Падай на колени! Иначе на кошачий корм пущу!

— Не пустишь, — внезапно перейдя на «ты», заявил Кот.

Маргит прекратила махать руками и в недоумении взорвалась на своего априори верного слугу. С Котом она прошла витиеватый и длинный путь. Она к нему привыкла. Знала ему цену. Она нуждалась в нем гораздо больше, чем хотела признаваться.

— Портал открыт, — повторила она, надеясь, что до него наконец дойдет смысл великого деяния.

— Ага. И что — от радости мне на колени падать? Портал. Зачем тебе он сдался? Ты собралась благоустройством тут заняться?

Кот упорно пытался напомнить Маргит ее первоначальный план по спасению Эмомира через сны Кати.

— Не придирайся к пустякам. Я возвращаю мир себе. И сделаю его прекрасным, — люто ненавидя Кота за испорченную радость, заявила Маргит. — Порядок наведу потом. И сделаю я так, что благо общее тут воцарит навеки.

— Ну как же, как же. Прекрасным ты его уже творила. И получалось полное уродство. Одна твоя идея исполнения желаний чего стоит. Теперь эгровцы, что раньше звались просто «эмокуклы», таскаются по городу, богатые духовным миром. Нужна ты им, как Сидору коза. А барбикенов как ты одарила, мне вспоминать не хочется совсем.

Кот судорожно пытался придумать, как сделать так, чтобы при царстве Маргит, в котором он уже не сомневался, осталось место для его любви. Чтоб уберечь и защитить свою Стасю. Но тут был нужен торг. А торг возможен лишь тогда, когда Маргит захочет торговаться.

— Чем ты конкретно не доволен, плут? — злобно поинтересовалась Маргит.

— Свою ролью. Надоело быть в присугах, — нарочито алчным голосом потребовал Кот.

— О, узнаю я прежнего Кота. Чего ты хочешь? Чин? Почетный пост? Не вопрос. Назначу я тебя Великим инквизитором! А что — ты в этом деле мастер, — уже более благосклонно пообещала Маргит.

Воображение тут же показало Коту картину будущего. Он на «работе». Стася дома. Придется ее запереть. И будет он в пыточных застенках зверем, а с нею любящим и нежным. Похоже, другого выбора у него нет.

— Согласен. Будь что будет, Королева, — Кот церемонно поклонился.

— Ну, вот и славно, кот. О, у меня такие планы! Устала я ходить в нелепом человечьем теле! Душа истосковалась по полетам, а крыльев — нет! А эта дура там, в темнице, их совсем не упражняет! К тому же ничего не жрет и тело мое сушит. Но ничего, пойдет на пользу мне диета, пускай десяток килограммов скинет Рита. Сама бы я себя так мучить не смогла. Да, кстати, насчет мучить. Иди-ка, Кот, займись ты куклой Нюшой. Вернее тем, что от нее осталось. И покажи мне все, на что способен Великий Инквизитор Кот. Я больше не могу — устали руки. Ты должен вырвать из неееще пучок эмоций, чтоб продержать портал открытым хоть часок.

— Ну что ж, продолжу кукольный спектакль, суровый слэшер для детей, — буркнул Кот. — Слыхали о таком?

В это же время Эллис занималась врачеванием. Уход и добрые слова пробудили в Рите искры разума и жизни. И первое что она попросила — зеркало. Увидев свое отражение, Рита слабым голосом начала расспрашивать о Маргит.

— Ты утомилась, отдохни, — Эллис попыталась помочь Рите улечься в постели.

— Не время отдыхать. Есть дело, от которого зависит мой покой. Позови гвардейцев!

Удивленная, Эллис согласилась.

— Хороший у тебя клинок, — похвалила Рита успокойника. — Он острый?

— Словно бритва, заточенная лунным светом, — туманно пояснил Тру-Пак.

— Бери его. И помоги нам всем избавиться от этого уродства.

Покойник и Тру-Пак замерли в ужасе, поняв, что от них требует это странное существо.

— Сначала крылья.

— Да ты с ума сошла от горя! Это ж такая будет боль, что и представить страшно, — Покойник опустил руку с ножом. — Нет, я не стану это делать, я воин, а не зверь.

— Тогда придется мне самой, но удержать клинок я не сумею, — Рите не вовремя вспомнилось, что боль она совсем не переносит. Но она осталась непреклонна.

— Но объясни — зачем? — Эллис чуть не плакала.

— Все просто. Когда она ко мне поговорить ходила, хвалила тело это. А потому пугала, что высохну я и рассыплюсь. Сначала верила я ей, но вскоре поняла — мой разум ей помеха, а вот тело — ценность. Ей нравятся полеты. И туловище бабочки она считает верхом совершенства. Мое обличие ее ужасно раздражает. Его считает она жалким и уродским. Как, кстати, Эллис, и твое. И все она мечтала, тварь, в свой прежний облик возвратиться.

Рита слабо улыбнулась и твердо спросила:

— Ну что — поможет кто-то мне?

Сжав зубы, Тру-Пак покрепче обхватил клинок и начал разделять тело Магрит, как говяжью тушу.

Эллис, отважная Эллис, в боях рубившая врагов, как в щи капусту, отвернулась, прижалась к Покойнику, пряча на его широкой груди лицо. И только слышала, как за спиной раздаются душераздирающие стоны, шорох отрубленных крыльев, хруст хитина.

— Спасибо, — голос Риты дрожал, но в нем слышалась твердость уверенного в своей правоте человека.

— Хорошая месть, — согласился Тру-Пак, отбрасывая крылья ногой в угол комнаты.

— Прикрой меня, знобит, — попросила Рита.

Гвардеец аккуратно накинул покрывало на ее изувеченное тело. И когда Эллис повернулась, она увидела только красивое и заплаканное лицо. Взгляд был отрешенным, словно Рита спряталась от боли в самый дальний уголок сознания. Возможно, качалась в Италии на скрипучих качелях. Кто знает? Или сидела в классе и смотрела, как в него входит новенькая, смешная толстенькая Катя Китова. Ее будущая роковая любовь Кити. Кити навсегда.

Геро икроун позабыли, что чем больше шума на празднике, тем веселее праздник, а чем веселее праздник, тем больше эмоций. Которые опьяняли эгровцев и прочих обитателей Эмомира, веселившихся на площади. Правда, нередко на детских праздниках после громкого смеха случаются горькие слезы.

— Я так устал, — признался Геро Тик-Таку. — Сил уже больше нет. Пойдем отсюда. Мы армии тут никакой не соберем.

— Куда? К дворцу? — задыхаясь, спросил клоун.

— Ну да. Похоже, мы будем там нужней всего. В Реал нам не попасть, так будем рядом с Эллис мы и Кити.

На пороге дворца их встретили гвардейцы, Эллис, Губка Боб и геройский мишка Тедди, которому Кити недавно пришивала голову. Эллис успела вооружиться и не забыла прихватить в арсенале оружие Тик-Така. Гневы чуть поодаль переминались с лапы на лапу, чуя приближение битвы. Не раздумывая, клоунхватил свою секиру и подмигнул Эллис, как в прежние времена.

— Ну что, еще мы повоюем? — Эллис улыбнулась ему в ответ.

После героического самочетвертования Риты она стала другой. Ей хотелось отомстить. А потом, если они победят, рассказать всем, на что пошла эта странная девушка ради Эмомира и торжества над Злом.

Пошептавшись, гвардейцы вдруг заявили, что давным-давно присягали Маргит, а на сторону Эмомира перешли лишь после смерти бабочки-королевы. Теперь им нужно крепко поразмысльить, кому они сохранят верность.

— А где же Кити, Игорь? — поинтересовался Геро без прежнего болезненного раздражения.

— Сейчас! Бегу за ними! — Губка Боб помчался вверх по лестнице.

Кити он нашел. Но Игорь до сих пор не вернулся от матери.

Мания вялой рукой смешала карты. Игорь только что выслушал ее предсказание и молчал, не зная, что сказать.

— Ну, что, мой сын, тебе понятно все?

Игорь кивнул.

— Мама, то странное пятно на черной даме, что означало? — вдруг спросил он.

— Что будущее дамы той туманно. И что еще все может пойти совсем не так, как ей хотелось.

— Значит, надежда все же есть?

— Мой сын, рожденный чувствоммир живет, покуда чувство не исчезнет. Китова Катя — наша жизнь и наша смерть. Она взрослеет. И живет. А жизнь устроена так сложно, ты должен понимать, — пока она спала, вся в ожидании любви, мы тоже прозябали в ожидании, когда цвела ее любовь к Егору — мы процветали, и мы живем, пока хоть капля той любви жива в ней.

Проблема в том, что капля высыхает, и даже в памяти у Кати нет больше места для Егора.

— Я ненавижу эту Катю! — не удержавшись, закричал Игорь.

— Не надо лишних слов. Создатель прав всегда. И замысел его нам неизвестен. А справедливость он не обещал. Ее самим нам добывать придется. Он лишь рождает мир, а дальше — как придется. Лети. Ты нужен там. А я хочу уйти в воспоминанья. И приготовиться к счастливому концу.

Вместо этого, как только Игорь улетел, Мания спустилась в свой арсенал, где хранила начищенное до зеркального блеска оружие. Оставив без внимания целый ряд кинжалов и мечей, она выбрала арбалет и лук. И без спешки начала проверять их надежность.

Глава 26

Дружеское плечо

Тату-салон совсем не изменился с тех давних пор, когда она еще здесь работала. Катя плечом открыла дверь. В одной руке огромный торт, в другой — шампанское. Без пакета. Катастрофически неудобно. Зато все смотрят на тебя и сразу понимают — праздник. Так важно, что несешь в руках.

Звякнул колокольчик.

Свежеукрашенный железом клиент расплатился и, сияя, подмигнул Кате. Он вышел, а она осталась. Ее друзья, те, с кем она недавно проводила так много времени на работе, смотрели на нее с радостью и любопытством, явно предполагая услышать отличные новости. Мурзила облизнула губы и причмокнула, нацеливаясь на торт. Что было странно — обычно она придерживалась жесткой диеты, что не мешало ей выглядеть и жилистой, и женственной одновременно. Тарас, как всегда, был похож на подростка, одетого по моде, которую придумывал сам. То есть потрясающе в прямом смысле этого слова.

Дэна в салоне не было. Теперь он вечно занят: фрик-шоу, фестивали, конвенции, тусовки...

— Ну, что мы сейчас услышим? Не говори. Я предлагаю заключить пари, кто угадает — тому половина торта.

— Мурзила, ты же лопнешь, детка, — Тарас жестом предложил Кате сесть.

— Не лопнущ. Сладкого охота — жуть. А времени до кафешки добежать нет. В общем, я выиграла, режьте торт, я чайник ставлю. Ты кофе или чай?

Помотав головой, Катя согласилась на что угодно, лишь бы решиться и произнести то, что собиралась сказать, и чего тут явно не ожидали.

— Я замуж выхожу.

Тарас недоуменно поднял бровь. Мурзила промычала что-то неопределенное.

— Замуж? Это как? — Тарас тут же исправился. — За кого?

Это было правильно. Настолько правильно, что хоть плачь. Эти двое даже не сомневались, что не за Дэна. Его можно любить и все такое, но не больше.

— Эй, — чайник угрожающе дрожал в руке Мурзилы, — Ты бросаешь Дэна? Ты? Бросаешь? Нашего Дэна?

— Никто никого не бросает, — обиделась Катя. — Просто я люблю другого. И он меня тоже любит. Я даже не знаю, что для меня важнее — любить самой, наверное? Да. Я счастлива, потому что люблю.

— Насыпь ей в кофе цианида. Да побольше, — посоветовал Тарас.

— Отравим, гадину, — поддержала Мурзила.

Они оба сели на край стола и всем своим видом требовали объяснений. Но их у Кати не было.

— Давайте торт есть.

— Не увиливай. Наш Дэн в тебя влюбился, вы жили вместе, все было хорошо, насколько я помню, ты говорила, что счастлива? — напирала Мурзила.

— Ну да. Но это не любовь. Вот вы оба — вы любите кого-то, да? Вы стали бы с ними жить, если бы не любили? — Катя понимала, что формулирует мысли криво, но торопилась оправдаться.

Мурзила опять фыркнула. Распространяться насчет своей личной жизни? Нет, увольте. Занялась чайником, лишь бы повернуться спиной. Тарас был возмущен не меньше ее.

— Ты не могла бы сама ему сказать об этом? Пришла к нам с такой новостью. Типа посоветоваться. Поделиться радостью, так сказать. А мы, по-твоему, должны скакать как белки от восторга? Ну да, мы в курсе. Ты пережила такое, что и врагу не пожелаешь. Никого не любила, кроме своего Егора. И отдала свое тело в аренду Рите. Без любви! Дэн просто спас тебя тогда. Вытащил из анабиоза. А ты теперь хочешь разбить его сердце, — сам не желая того, он срывался на грусть.

— Прекрати, — одернула его Мурзила, ловко извлекая торт из упаковки. — Ух ты!

Она посмотрела на торт, как на вожделенное произведение искусства, и продолжила:

— Катя, не слушай никого. Любишь — люби. Но скажи об этом Дэну. И все дела. Тарасик прав — честность прежде всего. Но, блин горелый, как он это переживет? Мне что-то страшно за него.

Катя поняла, что сегодня бить ее не будут, и взяла чашку.

— Я слишком уважаю Дэна, чтобы жить с ним, не любя. А если вы такие добрые переживательные друзья, так помогите ему легче перенести наше расставание. Ведь вы поддержите его? Я знаю, что делаю ему больно, но иначе не могу. Я полюбила другого человека и будусчастлива с ним.

Глава 27

Последний эмо-бой

Кот вытарашил глаза — без всякого предупреждения через портал в Эмомир хлынул пестрый поток нелепых странных существ.

— Привет, мамочка! — крикнул Рогэ. — Ты в теле твари Риты, но не узнать твои глаза нельзя. Они всегда сияли нам из Ада, словнозвезды. Ты умерла при наших родах, мама! Но каждой ночью мы во снах встречались.

Маргит демонически хохотала. Кот прижал уши и решил, что умнее всего спрятаться в углу, пока его никто не заметил.

— Рогэ! Нишурт! — вопила Маргит. — Победа будет наша! Вы просто молодцы! Мои родные детки! Как долго я ждала вас! У вечности я выплакала встречу! Из Ада вырвалась к любимым сыновьям!

Вслед за принцами в Эмомир влетела армия фанатов, что везде таскались за группой «Горошина принцессы». Юноши и девушки с какими-то жучиными крыльями, издававшими такой сильный треск, что Кот моментально оглох. Еще более отвратительным их вид делали усы-антенны, торчавшие у них на головах. Вылетая из портала один за другим, фанаты устремлялись под потолок, собирались в рой и жужжали там, как стая вертолетов.

— А ты ступай, котяра, — приказала Маргит, за шкирку выуживая Кота из укрытия, — в мир реальный, найди Китову мне и пошустри. Подсыпь вот это ей в еду или питье. Поспит подольше Катя нам на пользу.

Кот неожиданно со всей силы цапнул ее за руку и вырвался. Маргит было совершенно не жалко тела Риты. Но ей было больно.

— Что? Бунт? Да как ты смел! — из длинных царапин потекла кровь.

— Ага. Бунтую. Паскудная ты тварь. Достала. Поди туда, поди сюда. Сама ступай, коль надо.

Он стоял, раскачиваясь на задних лапах, чтобы выглядеть повыше. И вызывающее смотрел на Маргит горящими как огнь глазами.

— Ты клятву дал! Нарушить не имеешь права!

— Имею. Я готов на муки Ада. Лишь бы твой план проклятый провалился, — рявкнул Кот и, воспользовавшись замешательством хозяйки, удрал в распахнутую дверь.

— Вернись, придурок, — возмутилась Маргит.

Ее дети в полном недоумении пытались понять, что происходит. Кот, их нянька и учитель, их первый верный друг, сбежал, даже не поздоровавшись с ними. Не все в порядке в Эмокоролевстве!

— Ничего, — успокоила их мать. — Сначала тут мы справимся с делами. А дальше я займусь и Катей, и Геро. Пусть будет так.

— А Кот? Его же надо наказать, чтобы неповадно было, — Рогэ потирал руки в ожидании расправы.

— Какая-то херня тут происходит! При чем здесь Рита! И почему вы матерью ее зовете? Охренели? — заговорила, вернее заголосила пришедшая в себя Милка. — Вы обещали, что я буду Королевой! Скорей меня ведите во дворец!

В своем сценическом макияже, серебряном комбинезоне, сапогах на огромных каблучицах и с крепко зажатым в руке микрофоном она выглядела ужасно нелепо.

— А это что за самка бабуина? — изумилась Маргит.

— Ну, раньше нам она была нужна. Еще минутой раньше. Теперь мы не хотим ее и видеть. У нас и так поклонниц много. И все нас любят, просто обожают. Да и поклонники в нас тоже влюблены.

— Народная любовь — цемент законной власти. Вы прибыли с народом — поздравляю!

Милка ходила кругами вокруг своих любовников и их инфернальной мамы, точной копии Ритки, подружки Кати, ничего не понимая и трясясь от злости. Она вмиг возненавидела Маргит-Риту. Ритка вечно издевалась над ее умственными способностями, а теперь еще и оказалась мамашей ее суженых. Ну, это уже слишком! И принцы — предатели! Наврали в три короба! А она, такая дура, повелась! Вписалась в их банду! А теперь, прикиньте, она им не нужна! Попользовались и за борт? Вот мерзкие насекомые!

— И что с ней делать? Придушить? — Нишурт полностью доверял матери.

— Убить? Сейчас? Так просто? Ну уж нет. Пусть будет, вдруг сгодится для чего. Мне нужно множество прислуги, еще хотела я придворную смешную обезьянку, пусть обезьянкой будет, кончен разговор, — Маргит уже не терпелось начать атаку на дворец и разделаться с врагами.

— Кого в живых оставим мы еще?

— Кого? Да всех, пожалуй, кто не окажет нам сопротивления. Я подобрела, вас увидев. Амнистию всем объявляю — мне нужны рабы. Геро мне очень важен. Кити тоже. И вот еще — Кота не троньте, с Котом сама я разберусь. А Игоря казним мы принародно. На пару с мамой, полуголой шлюшкой.

До Милки наконец дошло, какую участь ей приготовила судьба. Привыкшая к успеху и поклонению, она осатанела. Кинулась на Маргит, стараясь расцарапать ей лицо. Та ловко увернулась, схватила девушку за шею и вмиг свернула ее набок.

— Жаль, но не будет обезьянки, — сказала она самой себе.

Армия фанов, на глазах которой только что убили их кумира, недовольно и испуганно зароптала. Нишурт поспешил их успокоить громким окриком.

— К чертям собачьим Милку! Она предать пыталась наше дело. Возьмем на ее место в группу мы кого-нибудь из вас. Кто будет всех в бою лютее!

Маргит усмехнулась и вышла на улицу. Сыновья уже было проследовали за ней, но тут услышали чьи-то стоны. Рогэ одним махом отодвинул мебель, отпер дверь кладовки и с ужасом уставился на Ньюшу. Потом осклабился в улыбке.

— О! Мама разошлась сегодня не на шутку, — обрадовался он.

— Нам веселее будет. А эту куклу выставить на площадь. Узнают все, как нам не подчиняться, — поддержал его Нишурт.

Недолго думая, принцы повели свою армию в атаку. Толпа фанатов жужжала, зависнув над городом, как грозовая туча. Маргит быстро шагала по улочкам, мощеным розовыми кирпичами, и прикидывала, как все тут будет выглядеть после их победы.

— Цветы. Я так люблю цветы из розовой пластмассы. Их будет много. Всюду клумбы. Фонтаны снова будут бить струей. Гвардейцы в черных с золотом мундирах. И чистота. А праздники — путь остаются. Народу надо зрешиц. И лозунги повсюду мы развесим о новой справедливости для всех. А мальчикам моим гарем устроим. Такой активный возраст...

Тик-Так и Эллис на верных Гневах первыми кинулись в бой. Как только гвардейцы разглядели, кто напал на город, сразу встали на сторону Кити и Игоря.

— Что, снова эти твари? В бой, братья! Оторвем им крылья!

Площадь, где уже заканчивался праздник, зашлась воинственным криком. Эгровцы бежали к дворцу на подмогу. Безоружные, но решительные.

— Я поведу вас в бой! — кричал Губка Боб, размахивая неиспользованным фейерверком.

Он быстро сообразил, что против летучих тварей это и есть самое убедительное оружие. Некоторые мишки успели добежать до дворца и кинулись в оружейный арсенал. Быстро, как только могли, они таскали оружие и раздавали эгровцам.

Битва выглядела сумбурной. Геро не мог понять, почему никто не подготовился — ведь даже он сто раз продумывал, как можно победить этих чертовых бабочек. Зато у армии принцев имелся запас травматики, которую они умело использовали. Вскоре послышались первые выстрелы. Тру-Пак поливал нападающих пулеметной очередью, пока не кончились патроны. Падали куски замковой стены, калеча и защитников, и нападающих. Стоны и вопли сменялись победными кличами. Но силы оказались не равны. Нападающие, более подготовленные, полные сил и жадной злобы, хватали эгровцев по одному, поднимали в воздух и швыряли с высоты. Гневы рвали зубами армию принцев. Эллис рубила головы и крылья. Клоун старался держаться поблизости, чтобы успеть ее защитить.

Подбежавший мишка сунул в руки Геро секиру. Она оказалась крайне удобным оружием против крылатых полулюдей. Иногда одним ударом удавалось поразить двух врагов сразу. Но руки, забывшие о тренировках, скоро устали.

— Смотри, какая куколка, — Рогэ с высоты показал брату на Эллис.

— Спорим — моя!

Они наперегонки попытались схватить Эллис, сорвать ее с Гнева и увлечь в небо. Убивать ее они не собирались — она была бы красивой и яркой игрушкой. То, что надо.

— Ах вы, сволочи пернатые! — клоун бросился на помощь любимой.

Но поздно. Эллис уже извивалась в руках принцев, стараясь высвободиться. Она кусалась и пинала их, но ее поднимали все выше и выше. Остроконечные черные башни остались внизу.

— Что делать, Геро? Что делать? — кричал клоун.

Они забыли о кипящем вокруг сражении и в ужасе смотрели вверх. Эллис в руках братьев. Рогэ вырывает ее и пытается прижать к себе. Смеется. Но Нишурт кидается на брата. Клубок из тел. И Эллис падает, стремительно, раскинув руки. Поворот — она видит поднятые к ней лица Тик-Така и Геро.

Принцы кидаются вниз, пытаясь ее подхватить. Но Эллис бьет Рогэ ногой по лицу, и нужное время потеряно.

— Нееет! — несчастный клоун перекрикивает шум битвы.

Доли секунды не хватает Тик-Таку, чтобы подхватить падающее тело любимой. Храбрая маленькая Эллис впечатывается в мостовую с противным страшным хлюпом и умирает, успевая прошептать стоящему над ней на коленях Тик-Таку:

— Прости меня...

Из угла прекрасных губ Эллис стекает струйка разноцветной крови. Тик-Так, как бешеный, целует и целует Эллис, мешая свои слезы с ее кровью. Геро хватает его и безуспешно пытается оттащить от бездыханного тела. Потом начинает размахивать секирой, отбиваясь от врагов. Чтобы дать клоуну хоть еще одну минуту на прощание с Эллис.

Глава 28

Рубинштейна, 13

Соя и Лемеш дружно пинали одного из воинов армии принцев. Пол существа определялся сложно — настолько оно исказилось. Трех уродцев-полунасекомых они уже скрутили и запихали в здоровенный мешок для мусора, который валялся в углу сцены.

— Давайте и этого сюда. Утрамбуем, места хватит. Забавно, крылья какие-то кожистые. Мнутся, но не ломаются, — Сурикат сноровисто затолкал в мешок последнего фана.

— И что мы с ними теперь будем делать? — растерялся Соя.

— Сдадим в утиль, — сердито ответил Сурикат. — Шучу. Передадим ученым. Пусть они ломают головы, что это за звери.

— Ага! Конечно, блин, ученым! Не будут они головы ломать. Себе во всяком случае. Они решат, что это, блин, пришельцы и засекретят на фиг всю малину. Передадут всех тварей спецслужбам. А те убьют нас, чтобы никому не разболтали, — второй друг Лемеш по имени Вайпер, раскрасневшийся в пылу битвы, отвесил мешкующий пинок.

— Скорее всего, так и будет, — Соя вынужденно согласился.

— Эх, будь у нас времени побольше, я бы заварил вход решеткой, — злился Сурикат.

— Ну да, так бы тебе и разрешили, — Танго был не менее взбешен.

Он расширявал зомбированных фанов, как медведь-гризли, но что толку? Такую толпу не остановить. Оглушил пару-тройку — а их сотни. Сотни зомби с крыльями, вырвавшихся из их мира. Может оно и к лучшему?

Когда друзья примчались на улицу Рубинштейна к дому тринадцать, в помещении бывшего Ленинградского рок-клуба заканчивался концерт «Горошины принцессы». На сцене бесновались музыканты, в зале бесновались фаны, в спертом воздухе помещения бесновались феромоны безумия и злобы. Работники клуба и охрана лежали связанные в гримерке. Не концерт, а самый настоящий бесовский шабаш. Соя с Лемеш сразу поняли, что они попали в нужное место в нужное время. Но когда задник сцены расплылся в воздухе и стал проходом, в который ринулись сначала музыканты, а потом и фаны, превращающиеся на ходу в монстров, — писатели растерялись. Лупили монстров чем попало, пытались влезть на сцену, чтобы закрыть собой им путь — все бесполезно.

— М-да, походу мы некисло облажались. Хреновые из нас защитники, — подытожил Вайпер.

Они стояли у портала — черного провала в заднике сцены, покрытого дымкой. С той стороны виднелось какое-то темное разгромленное помещение. Им очень хотелось попасть туда, где сейчас происходили страшные события.

— Рискнем? — предложил Сурикат и сделал шаг вперед.

— Бесполезно. Ты реальный. Ты просто уйдешь в никуда. И не вернешься, — предупредил Соя.

— Не пущу! — Лемеш вцепилась в рукав куртки Суриката.

— Нет-нет, мы не умрем. Зачем нам умирать? Уйдеммы просто, чтоб потом вернуться, — утешал Стасю Кот.

Он бессовестно врал. У него был шанс покинуть Эмомир через портал. Но власть Маргит безгранична. Она его отыщет, и тогда его ждут обещанные муки Ада. Стасю через портал не провести. И что в итоге? Лучше уж самим. Вдвоем. Навеки вместе.

— Там шум какой-то, — Стася захотела узнать, что происходит в городе.

— Не стоит нам туда идти. Там бой. И верь мне — бой не наш.

— Бой — наш! На нас напали, значит надо драться!

— А ты умеешь?

— Не очень-то. Могу по яйцам дать. Наверное. В теории я это дело знаю хорошо, — задиристо уверяла Стася.

— Они летают. Близко не подпустят. Ты будешь на земле мешать обороняться, — предупредил Кот, поправляя прядь ее волос, попавшую на глаза.

— Тогда я хочу увидеть портал. Давай попробуем уйти через него? — попросила Стася.

— Ну что ж, пошли, — Кот сделал бы все, что угодно, лишь бы она не лезла в бой.

— Смотрите, там кто-то есть! — воскликнул Соя.

Как через плавленое стекло, они глядели друг на друга. Одной рукой Стася держала за лапу Кота, а другой Ох-ни-фига-ж-себе.

— Я ей кричу, а она меня не слышит, — пожаловалась Лемеш.

— Смотри — вот те, кого я видела во сне! — воскликнула Стася.

— Ну, хочешь, выйду и скажу им что-нибудь, — предложил он.

— Было бы здорово. Вон той скажи, что ни о чем я не жалею. И не сержусь никаким на нее. Она ведь это я. Немного старше только. Пусть думает получше, о чем пишет. Еще скажи, что мне с тобой не страшно, ладно?

Кот не решился выходить совсем. Он высунул морду сквозь почти прозрачную преграду и протараторил все, что запомнил.

— Глядите, вот чудеса. Этот орущий кот словно хочет сказать нам что-то, — удивился Сурикат.

— Кис-кис, иди сюда, — поманил его пальцем Вайпер.

Кот хотел честно признаться, что ничего не получилось, но соврал.

— Я все ей рассказал. Она просила передать, что тебя любит. Пойдем отсюда. Портал вот-вот закроется. Кто знает, чем сопровождаются закрытия.

Лемеш и Стася помахали друг другу руками на прощание.

А потом портал стал мутнеть и словно покрываться твердой пленкой, а затем со звоном рассыпался на миллион невидимых осколков.

Глава 29

Смерти нет

Клоун отпрянул от тела Эллис, как будто неожиданно проснулся. Нужно было мстить. Принцы, потеряв добычу, продолжили уничтожать защитников замка. Игорь атаковал их в воздухе. Схватил за волосы Рогэ и, раскрутив, как тряпку, ударил об стену. Но Нишурт успел подхватить брата и

утащить на одну из башен. Игорь решил, что сейчас важнее всего быть с Кити, влетел в открытое окно и побежал искать ее.

Тик-Так бился спиной к спине с Геро. Гневы, его и Эллис, крутились рядом, охраняя их и кромсая врагов клыками и когтями. Отважные мишки Тедди, совсем не приспособленные для сражений, но смело ринувшиеся на защиту родного мира, уже почти все погибли. Площадь усыпали опилки, синтепон и оторванные части игрушечных тел. Те, кто выжил, укрылись в замке и из окон забрасывали врагов всем, что под лапу попало. Губка Боб поджег последний фейерверк и понял, что больше драться он не может — просто нечем. Тогда он подобрал копье, вскочил на Гнева и принялся обзвывать, подманивая врагов.

— Гадючи рожи! Шершни! Задницы мышей! Летучие засранцы, блин горелый!

Он тыкал копьем направо и налево, но, увы, его жалкий вес делал эти выпады бессмысленными — он только и мог, что поцарапать кого-нибудь или проткнуть крыло.

Ловким ударом вражеского меча его рассекло пополам. То, что можно считать головой, улетело под ноги Гнева, и оттуда еще долго слышались его затихающие крики. Растоптанный, он лежал, напитываясь кровью мертвых кукол, — настоящий герой гибнущего Эмомира.

Эгоровцы решили не сдаваться. Раненые уходили с площади и прятались в соседних домах. Нашлись и те, кто делал им перевязки.

— Как славно тут, — Маргит вдыхала запах битвы с жадностью.

Она стояла в отдалении и с наслаждением наблюдала за ходом бойни.

— Пора вернуть мне мое тело и в бой вступить. Хоть Рита ослабела, я-то в силе. Энергии хоть отбавляй. Вдохну легко ее в свое я тело.

Пользуясь суматохой, она расталкивала эгоровцев, постепенно продвигаясь ко входу в замок. В темнице Риты не было. Маргит в недоумение устремилась обыскивать замок, пытаясь сообразить, куда же она делась.

— Где мое тело? Я хочу летать! Куда ты делась, дрянь? — ругалась она.

Наконец Маргит добралась и до своей комнаты.

Площадь замерла и оглохла от страшного вопля.

Тик-Так схватился за голову. И в этот момент с крыши башни упал старый флюгер, случайно срубленный мечом Нишурта. Никто даже не заметил, как все произошло. Геро и остальные увидели лишь только, что стало с телом их друга и любимца. Железный флюгер разрубил Тик-Така вдоль напополам. Вот только что стоял один Тик-Так, а через мгновенье

стало два Тик-Така. Две половинки с треском разошлись по сторонам, упав на поле брани. Клоун даже не успел понять, что с ним случилось. Эгоровцы почтили его смерть секундной тишиной.

— Жил клоуном, а умер он героем. Вот так и надо жить! Он был здесь чужаком, нелепым и смешным! А стал героем главным Эмомира, — выразил Геро общую мысль.

Оставшихся без клоуна эгоровцев мгновенно поразили эмоции унылой растерянности, принявших облик противных глазастых щупалец, вязавших защитников Эмомира по рукам и ногам. А уж когда откуда-то сверху на площадь скинули обезображеные останки несчастной Нюши, началась настоящая паника.

— Так будет с каждым, кто посмеет нам сопротивляться! Теперь мы — ваши ЭмоБоги! Нишурт, Роге и Маргит! Добро пожаловать в наш новый, жестокий и веселый Эмомир! А ваша Королева — самозванка! Создатель до сих пор в реальном мире. А вами правит только тень ее. Она вас не спасет! Сдавайтесь, — неслось с неба.

Эгоровцы стали разбегаться кто куда. На площади остались сражаться только бесстрашные берсеркеры-гвардейцы и отчаянный Геро. Войско принцев жужжало высоко над ними, выжидая время для решительного броска. А может, ожидая увидеть белый флаг.

Геро душили слезы. Он подошел к изуродованному телу Нюши. Посмотрел в ее еще живые, полные ужаса и страдания глаза, увидел, как они наполнились любовью.

— Геро! Любимый! Ты узнал меня! Ты посмотрел! Теперь и умирать не страшно.

Нюша последний раз вдохнула терпкий воздух Эмомира и испустила дух. Геро не ожидал, что ему будет так жалко несчастную куклу, любившую его совсем не кукольной любовью. Он нежно, трясущимися пальцами закрыл ее глаза и погладил Нюшу по голове.

Боковым зрением он заметил, как Кити и Игорь вылетели из окна замка и полетели прочь. Забыв обо всем, Геро бросился бежать вслед за ними.

— Я сказку расскажу тебе одну, — тихо мурлыкал Кот, поглаживая Стасю по руке. Она не добрая, но и не злая. Просто сказка. Вставай, бери уродца за руку, закрой глаза, мы будем медленно идти. Меня ты слушай и не бойся ничего. Ты не боишься?

— Нет.

— Ты слушаешь?

— Ага.

— Так вот, я начинаю сказку. В одном волшебном царстве жили-были красивые и добрые коты и кошки, а вместе с ними люди. Они любили все друг друга и часто находили повод удивляться. Всегда наивно радовались жизни. Поэтому и не старели никогда...

Три фигуры медленными шагами дошли до моря и вошли в воду, алчно заплескавшуюся у их ног. Они молча продолжали идти и вскоре скрылись под студенистою водой. Над местом, где они исчезли, на миг появилась радуга, а потом море словно опомнилось и стало прежним.

Глава 30

Пиррова победа

Оказывается, так простозавоевать неагрессивный благодушный мир. В котором всем хотелось жить спокойно. И праздники устраивать по поводу любому. И не хотелось воевать.

Маргит обосновалась на троне, в том зале, где совсем недавно Кити принимала эгородцев. Рядом появились еще два кресла, ведь принцам нужно привыкать — тут мама правит. Подданных осталось не так уж и мало. Ими вся тюрьма переполнена. Ну, это временно. Как жаль, что нет Кота. Тру-Пак с Покойником признали поражение и были казнены. Хотя убить их было не так просто. Маргит устала после этой казни. Проклятый Кот! Как трудно без него. Как скучно.

— Я скучаю!

Маргит послушала, как эхо гуляет по просторам замка, многократно требуя «чаю».

— Еще и тело это — гадость. Не полетать. А Рита — ну что ж, на ней я зло сорвала. От тела мало что осталось, жаль, — размышляла Маргит, поглядывая на голову Риты, точнее — на свою бывшую голову, что покоилась на специальном столике как диковинный фрукт.

— Геро нашли? — принцы отрицательно помотали головами.

Им тоже было скучно. Не о такой королевской жизни они мечтали.

— Мама, ты же позволишь нам и тут заняться музыкой? Так хочется на сцену, — не рассчитывая на согласие, Рогэ демонстративно зевнул.

— Тоска зеленая. Пойду народ пытать, немного отвлекусь, — Нишурт встал, поклонился Маргит и ушел.

— И я с ним, можно, мама? — Рогэ поцеловал матери руку и пошел догонять брата.

— Как он сумел меня так подло обмануть? — Маргит не могла понять, как Кот умудрился нарушить клятву и избежать Ада. — Проклятый крючкотвор, нашел лазейку в договоре.

— Позвольте, Госпожа, — сдавшийся и снова присягнувший ей гвардеец отдал честь, промаршировав к трону. — Я к вам с докладом.

Милостиво кивнув, Маргит приняла величавую позу, подобающую Королеве.

— Мы не нашли их. Но знаем, где они укрылись.

— Ты про Геро и Кити?

— Да. Игорь тоже с ними. Укрылись в Пике Удовольствия, в пещере...

— Так волоките их сюда!

— Гм. Не получится. Уж больно быстро море наступает. А в море нам идти нельзя, оно опасно.

— Проблема. Море слопает любого, — Маргит не захотела добавить «и меня». — А если долететь?

— Сомнительно. В пещере узкий лаз. Я сам смотрел в подзорную трубу. Там оборону мы б держали вечно.

Маргит жестом отпустила гвардейца и задумалась. Дело приняло скверный оборот. Для мира в целом и для самой Маргит. Ее возможностей хватало лишь для спасения той части себя, что оставалась в теле Риты — той, что сейчас в Италии. Не больше.

— Что, неужели, все напрасно? Нет! Гвардеец, стой! Мы соберем отряд из фанов, они возьмут меня и стражи человек с десяток. Поднимут в воздух нас и понесут туда. А там уж я сама управлюсь.

— Немного поздновато, — спокойно сообщил гвардеец. Он не мог простить Маргит позорной казни Тру-Пака и Покойника, а смерти не боялся.

— Что — поздновато?

— Да вы в окно взгляните.

Маргит подбежала к окну. И закричала от ярости — вода уже добралась до третьего этажа замка, где находился старый Тронный зал.

— А где все жители?

— Ну, те, кто был в тюрьме, похоже, утонули. А ваши, вон они — на верхних этажах. Все башни облепили, словно мухи.

Вода хлынула в окно, переливаясь через мраморный подоконник. Маргит отпрыгнула и бросилась бежать сначала вон из зала, а потом вверх по лестнице. В ее мозгу металась только одна мысль — нужно скорее попасть в пещеру Мании.

Глава 31

Дорогое счастье Кати

Дэн уже три дня трудился на тату-конвенции в Москве. Звонил только один раз. Бессмысленный дежурный разговор ни о чем. На уровне — как дела, у меня тоже все нормально. Прежнего трепета в голосе не было. И вовсе не от усталости. Катя с грустью вспомнила, что в начале отношений он по пять раз на дню придумывал смешные сообщения. И столько же раз звонил. Иногда радовал ее смешными стишками.

— Надо было их записывать. Теперь ни одного не вспомнить, — Катя обвела взглядом шкаф — без ее вещей он выглядел сиротливо.

По плану следовало разорить ванную комнату.

— И как я умудрилась накупить столько косметики? — на полу образовалось целое стадо разнообразных косметических снадобий. — Я даже не заметила, что тронулась умом.

Действительно, держать в ванной двадцать шампуней и не пойми сколько средств по уходу за телом — шиза полная.

Ведро безропотно приняло в себя почти все запасы. Потом пришлось еще дважды скормить ему то, что теперь г стало мусором.

— Теперь письмо.

Она вымыла руки. Долго вытирала их до излишней сухости. Лист бумаги отпугивал — на нем сейчас должны родиться те самые слова. Правильные. Честные. Но однозначные. Никакой двусмыслинности. Мы расстаемся, Дэн.

Письмо было написано и сразу же забыто. Теперь предстоял звонок. От которого сладко пело сердце.

— Я полюбила тебя с первого взгляда. А потом влюбилась снова. И теперь я точно знаю, что люблю тебя. И говорю — да. Мы уезжаем.

Но эти слова так и не были сказаны. Катя решила, что по телефону можно только назначить встречу. Там, на Невском, в их любимом кафе. Ей необходимо видеть его глаза, когда она ответит «да» на все его предложения.

Ощущая себя солнечным зайцем, она не шла, она почти летела по городу. Прохожие не могли сдержать улыбок при ее виде. Даже гнусныеевечно брюзжащие старухи захлопывали рты и не ворчали вслед, а вспоминали, что и они когда-то были молодыми и влюбленными.

— Да.

После этого «да» последовала долгая прогулка по Питеру. Бесцельная. Как плаванье по течению. Тепло его рук. Ощущение счастья от каждого слова и взгляда. Я его люблю. Он меня любит. Жаль, что мир такой маленький и круглый. Мы бы обошли его, даже не заметив.

Первая их ночь. Ночь настоящей любви. После которой забываются все прежние мужчины. Катя словно растворилась в Такаси и родилась заново. И впервые за целый день она ни разу не вспомнила Егора. Потом она уснула в крепких объятиях любимого и увидела странный сон.

Последняя глава.

Вечность

— Кеды?

Геро бережно перенес Кити в самую нижнюю пещеру.

Она обнимала его за шею, склонив голову на плечо. Ничего интимного, просто так удобнее. Но для Геро это стало высшим счастьем. Нести едва живую Кити. И чувствовать ее тепло. Он боялся слишком сильно сжать ее в объятиях инес, как хрупкого ребенка. Старался запомнить каждую секунду драгоценных мгновений.

— Кеды. И еще какая-то поношенная обувь. Мама слишком много времени провела в кладовке. Ей для комфорта требовалась привычная обстановка. Она была необыкновенная. И умела ценить вещи даже после их смерти, — раненый в живот Игорь так ослаб, что едва передвигался.

Он нес зажженную свечу, прикрывая пламя ладонью. Кроме свечи они ничего не успели захватить с собой — не хватило времени подумать. Время было только для бегства. Главное, они успели скрыться.

Уложив Кити на пол, Геро помог Игорю сесть, иначе бы тот упал. Он в последний раз посмотрел на коридор, по которому они пришли, убедился, что опасности пока нет, и запер засов.

— Вода сюда не просочится? — встревожено спросила Кити.

— Надеюсь, нет. Жаль, что мы не знаем, что происходит наверху, — Егор догадывался, что море давно уничтожило весь Эмомир вместе с его захватчиками. Наверное, они долго кружили над водой, как хищные птицы. Пока не закончились силы. Жаль, что он не был зрителем на этом спектакле. Оставалось только фантазировать. Скорее всего, Маргит удалось продержаться дольше других — пришлось потребовать, чтобы ее бескрылое тело поддерживали подданные. Геро видел это своими глазами, когда началась атака Пика Удовольствия. Маргит летела пассажиром — ее несли четыре фана. Не просто летела, а стреляла из лука в Манию. Которая, тоже из

лука, стреляла по атакующим Пик летучим тварям. Когда стрела Маргит поразила желанную цель, она зашлась дьявольским смехом.

— Еще одна дыра и точно между прежних двух! Эй, Мания, прощай, слепая шлюшка... — но она не успела позлорадствовать от души.

Умирающая Мания последними выстрелами поразила двоих несчастных фанов, что держали Маргит.

— Вот досада, — выругалась Маргит, понимая, что очень скоро приземлится.

Взбешенная. Осатаневшая. Добыча ускользнула, и все благодаря этой стерве Мании, до последнего вдоха отражавшей их атаку. И давшей возможность сыну, Кити и Геро надежно укрыться в недрах Пика.

— Не видел я, как мама умерла, — сокрушался Игорь. — Пока мы бились, она спиной к спине со мной стояла, потом сказала, что пора спускаться вниз. Я думал, что она идет за нами следом. Она за нас жизнь отдала!

— Да, море наступало слишком быстро. Но знаешь, милый, может хорошо, что ты не видел ее смерти. Родители и дети друг друга смерти видетьне должны, — прошептала Кити.

— Я умирал не раз. Поверьте мне, не так и страшно умереть. Всегда случается «потом», — напомнил Геро, пытаясь расслышать журчание воды.

О герметичности дверей не могло быть и речи — в кладовках они не нужны.

— Как только я глаза закрою — так вижу тучу черную из гадской армии летучей. Как саранча. Мне страшно, — Кити подложила руки под щеку и задремала.

— Не вспоминай о них. Забудь. Занятно мне, что Маргит так вцепилась в этот мир. Зачем он ей? Хотела стать владычицей морскою? — Игорь с трудом опустился рядом с Кити и обнял ее, пытаясь обогреть и хоть немного успокоить.

Геро силился прикинуть, насколько хватит последней свечи. И с ужасом ждал темноты. Он прислушивался — казалось, что за дверью происходит какое-то движение.

— Вода! — Кити вскочила и начала ощупывать руками пол кладовой. — Нет, это не вода...

Игорь простонал. Под его боком растеклась лужа крови. Липкой. Горячей. Геро снял рубашку и попытался перевязать его, но кровь все равно сочилась. Из раны торчал обломок стрелы.

— Что же делать? — Кити смотрела на Геро, словно он гениальный хирург, который просто не хочет им помочь.

— Надеяться. Вдруг, рана не опасна? — а что он еще мог ей сказать?

— Наверно, надо выдернуть стрелу? Ему же больно! — Кити начала снимать повязку.

— Не стоит. Руками ты ее не вынешь, нужен скальпель, — прошептал Игорь, понимая, что его минуты сочтены.

Они как можно аккуратнее перенесли его на сухое место. Игорь уже не приходил в себя и только стонал, тихо, странновсхлипывая. Кити бестолково металась по кладовой в поисках хоть чего-то подходящего для перевязок. Ее бесило, что ей достались всего лишь царапины и синяки. Геро выглядел лучше всех — оказались тренировки с Тик-Таком. Но почему ее Игорь должен умереть?

— Давай хоть дверь попробуем открыть? Вдруг там вода ушла? Я помню, что чуть выше есть комната с какими-то вещами. Его укрыть скорее надо — он замерзает, — Кити с трудом дошла до двери.

Геро хотел ее остановить, но понял — пусть лучше убедится сама, чем мучает себя напрасными надеждами.

Кити подергала засов. Прижала ухо к толстой двери. Провела по ней рукой. И решительно открыла. В тот же миг в помещение ворвалась мокрая, обезображеная злобой и морем Маргит, вооруженная обломком меча, подобранным у входа.

Сопротивляться забвению не просто. Морская вода, как кислота, покорежила ей кожу, сильно обварив благородное лицо Риты. Глаза заплыли, но в них горела ярость и радость от удачи.

— Попались! — торжествующе прохрипела она.

Геро оторопел. Оттолкнув Кити, Маргит подскочила к Игорю и начала его кромсать. Кити отчаянно закричала. Геро успел броситься Маргит на спину и повалить ее.

— Убей ее! Убей! — кричала Кити.

Но Геро не знал, как можно голыми руками убить девушку, как две капли воды, похожую на Риту. Придушить? Бить головой по каменному полу?

Тогда Кити подняла обломок меча и отсекла Маргит голову Риты.

Тишина — глубокая, как на морском дне, сменилась хлюпающим звуком вытекающей крови. Стоны Игоря. Хриплое дыхание Кити.

— Не победили вы. Я вас умнее. Иду в Реал, — прозвучал едва слышный шепот мертвых губ Маргит.

— Что она сказала? — в ужасе переспросила Кити.

— Это невозможно! — решил Геро, и тут же понял, что Маргит наверняка снова исхитрилась оставить их в дураках.

Содрав платье с тела Маргит, Кити порвала его на неровные полосы и снова перевязала Игоря. Теперь он был так бледен, что сомневаться в его скорой кончине не приходилось.

Вытолкав останки Маргит вон из кладовой, Геро пинком отправил туда же и голову, стараясь не глядеть на обезображенное лицо Риты.

— Я запер дверь. Вода тут где-то рядом. Мне это видно по ее следам. Она вся мокрая была, — спокойно сказал он. — Что странно, мне вода не причинила вред, такой, как Маргит. Ее она сварила, мне не больно.

— Я тоже трогала руками одежду мокрую ее и даже Игоря перевязала ей, но ничего плохого не случилось, — согласилась Кити.

— Наверное, воде забвения видней, как с кем расправиться, — Геро считал, что их вода решила просто проглотить. Оставила на сладкое. Но с Кити он такими мыслями делиться не стал.

Ему нужно было отдохнуть хоть пять минут. Он сел, вляпался в чью-то кровь, тихо выругался, сложил кеды в кучу и уселся сверху. Не лучшее сиденье, но хотябы сухо. Вытер испачканые липкой кровью руки, но чище они не стали. Плевать. Главное — отдых, в таком состоянии он не может быть опорой для Кити.

Наверное, они ненадолго уснули. Свеча догорала. Игорь был еще жив — его тяжелое неровное дыхание напоминало предсмертные хрипы. Живот поднимался и опадал так заметно, словно у него не стало легких, и он дышал всем телом. Кити гладила его то по волосам, то по руке. Пыталась поправить переломанные крылья. Но вскоре поняла, что лучше их не трогать. Они буквально рассыпались от ее прикосновений.

— Мне кажется, вода могла уйти, — сказала она. — И снова мы на суше. Я хочу проверить. Ведь Маргит зла уже не причинит.

Геро согласился. Пусть делает, что хочет.

Кити, словно слепая, ощупывала дверь, не решаясь отпирать. Ей казалось, что только она отворится — на нее набросится обезглавленная Маргит. Или вода потоком хлынет и утопит их.

— Дверь теперь сырья. Вот тут по капельке вода сползает на пол. Все пропало, — она села на пол и бессильно опустила руки.

В кладовой стояла почти идеальная тишина.

— Он мертв? — спросила Кити.

Егор кивнул, продолжая смотреть на свечу. Минуты света заканчивались так быстро.

— Тогда и мне жить смысла нет, — горько улыбаясь, сказала Кити. — Я не хочу быть без него. Так больно...

Она прижала сжатую в кулак руку к сердцу и зарыдала. Как ее утешить? Такое горе вылечить нельзя. Казалось, что слезы закончились, но Кити не могла успокоиться. От свечи остался крохотный огарок.

— Не плачь. Я все решил. Мне следовало с самого начала так поступить, — торопливо закричал Геро, тряся Кити за плечи. — Я должен был уйти. Мне Кот все объяснил. Мне кажется, теперь я все смогу исправить! Я тут не нужен никому. Уйду. А Игорь оживет. Я жизнь свою ненужную ему отдаю.

Он втайне надеялся, что Кити откажется.

— Ты, правда, можешь это сделать? — спросила она пересохшими губами.

— Могу, но без тебя я сам не справлюсь. Ты захочешь должна и вместе мы сумеем... И Игорь снова будет жить.

Не стоит сомневаться — два желания совпали. Через мгновение Геро упал замертво, а Игорь слабым голосом позвал Кити. Свеча погасла.

Обнявшись, они лежали в темноте.

— Геро был прав — не так уж смерть страшна. Гораздо хуже — знать, что ты осталась без меня. И в вечности бродить, и звать тебя без всяческой надежды на ответ. Теперь мы будем вместе вечно, да? — спросил Игорь.

— Конечно, да, любимый! Странно, но я не слышу воду — не капает она. И пол сухой, — Кити едва заметно улыбнулась. Она пересилила желание быть рядом с Игорем, поцеловала его и встала. Ей очень не хотелось нечаянно наступить в темноте на холодное тело Геро. Она старалась не думать о нем и его поступке. Шла осторожно. Открыла засов. Отперла дверь.

Мерцающий тусклый свет. Запах сырости. Пустота. Только тело Риты, украденное Маргит, лежит, распухшее и даже не похожее на плоть. Головы нет. Словно ее забрала вода.

— Игорь! Все хорошо! Пошли наверх! — позвала она.

Действительно, море чуть отступило. Сработала древняя магия. Геро, отдав Игорю свою жизнь, на короткое время изменил ход событий. И теперь Кити и Игорь лежали, обнявшись на крохотном каменном островке, бывшем раньше верхушкой пика. От Пика Удовольствия, да и от всего Эмомира остался только он. Исчезло и солнце. Море стало серым, как небо. Как ни старалась, Кити не могла понять, где горизонт. Словно они плыли на камне в мутном бесцветном пространстве.

— Как странно мысли путаются, исчезают. Я думала всегда, что мыслями я управляю. А тут сплошной сумбур, — вяло подумала Кити.

Действительно, мыслей вдруг стало мало. Потом они превратились в отдельные слова. Она даже не могла вспомнить, кто она и зачем здесь находится.

— Мне нужно сосредоточиться на главном. Любовь. Да, я люблю...

Над бескрайним морем кружил уставший ворон. В его крике было страдание одинокого существа, потерявшего самого близкого друга. Он всматривался в сверкающую поверхность воды — искал. Завидев крохотный островок, ворон начал спускаться. Вот он стоит, склонив голову набок, и рассматривает две фигуры, которые лежат, обнявшись, на песке, в который превратились камни. Неловкими прыжками, подскакивает ближе. Две фигуры, смутно напоминающие влюбленных, слившихся в отчаянном последнем объятии. Упорный и безжалостный ветер быстро сдувает с них песок, песчинку за песчинкой, слой за слоем. Потом они и сами становятся песком. Ворон улетел. А потом осталось только море без конца и без края. А потом не осталось ничего — черная бездна. Но если долго-долго смотреть в эту бездну не отрываясь, то можно увидеть парящего в ней ангела. У ангела на месте сердца зияет черная дыра, а отсутствующий глаз на обожженной части лица закрывает длинная челка. Из живого глаза ангела непрерывно бегут слезы. Ангел плачет. Бездна молчит.

Катя проснулась. Одной улыбкой стряхнула с себя остатки серого, уже забытого сна. Услышала, как за окном льет противный сентябрьский дождь. И обрадовалась ему — этой осенью дожди самая что ни на есть редкость. Скоро начнется настоящая осень. Деревья станут красивыми и яркими, она будет им рада, потом, когда листья начнут облетать, скорее всего, случится короткое бабье лето. Затем наступит зима. А весной Катя и Такаси уже улетят в Лондон. Как замечательно будет бродить по Лондону и знакомиться с его чудесами. Впереди огромная счастливая жизнь, полная любви и новых впечатлений. Самыми яркими из них будут дети. Такое счастье — думать о ребенке от любимого мужчины. И заранее его любить.

Катя осторожно высвободилась из объятий Такаси. Легкими шагами подошла к зеркалу в ванной. И без особого удивления обнаружила на своем теле клоуна Тик-Така и юную воительницу Эллис. Они вернулись. Конечно, она тут же полюбопытствовала насчет крыльев бабочки на спине. Надо же — и они на прежнем месте. Ну конечно — она влюблена. Она полностью счастлива. Значит, у нее должны быть крылья. Какой-то татуировки не хватало, но она спросонья не могла вспомнить, какой...

Нервно пискнул телефон. СМС от Дэна. «Будь ты счастлива, Катя».

Да будет так. Аминь!